

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Алексей Мокроусов В аут и обратно	6
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушения прав заключенных	12

ЗА СТЕНОЙ

Татьяна Мальчикова Обычная смерть	26
Иван Маркелов О праве детей на душевное здоровье...	30
Роман Чорный Всадник на бледном коне	34
Александр Август Каникулы	41

ПРЕДЗОННИК – ВСЯ СТРАНА

Александр Муленко Колечко	56
Сергей Ларягин Закон и случай	65

ИСТОРИЯ

Сергей Степанов Невольники нижегородские и другие	78
--	----

ЦЕНзуРА

Алек Д. Эпштейн, Олег Васильев Госнаркoнкoнтрoль над культурой: новые векторы развития политической цензуры в современной России	122
Александр Подрабинек Свобода слова – извечный враг власти	138
Вера Васильева Таганское правосудие против свободы творчества	142
Алексей Мокроусов Кафка и быль	148

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
 Людмила Альперн
 Валерий Борщев
 Владимир Буковский
 Наталия Горбаневская
 Сергей Ковалев
 Нильс Кристи
 Алексей Симонов

**Финансирование
 Фонд Д. и К. МакАртуров**

Учредитель:

Редакция журнала
 «Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
 Наум Ним
Зам. главного редактора
 Григорий Пасько
Ответственный секретарь
 Наталия Малыхина
Макет
 Лев Михалевский
Обложка
 Василий Валериус
Верстка
 Анна Фролова
Бухгалтер
 Наталия Максимова

УИС в цифрах

На 1.07.2010 в местах заключения находились 846,4 тыс. человек (на 17,7 тыс. человек меньше, чем на 1.07.2009), в том числе: в 755 колониях 712 тыс. человек; в колониях-поселениях 51,5 тыс. человек; отбывают пожизненное заключение в 5 учреждениях 1730 человек; в СИЗО находятся 127 тыс. человек; в 7 тюрьмах 2,3 тыс. человек; в 62 воспитательных колониях находятся 4,9 тыс. несовершеннолетних; в женских колониях 68 тыс. женщин; в 13 домах ребенка воспитывается 501 ребенок.

В год на каждого заключенного выделяется: около 2 тыс. рублей на лечение; 19,8 тыс. рублей на питание (92 рубля в день); 7 тыс. рублей на коммунальные расходы.

Всего каждый заключенный обходится бюджету около 33 тыс. рублей.

Зарботок заключенных в среднем составляет 141 рубль в день (по сравнению с прошлым годом увеличился на 27%).

В системе ФСИН работают 133 ЛПУ и медчастей (59 – для больных активным туберкулезом, 9 – для больных наркоманией).

В системе ФСИН отбывают наказание 340 тыс. хронических больных, из них 25 тыс. человек – инвалиды. 40 тыс. человек больны активным туберкулезом; 67 тыс. имеют психические расстройства; 55 тыс. человек ВИЧ-инфицированы; 15 тыс. человек больны сифилисом.

Сегодня в УИС работает 13,7 тыс. врачей, а вместе со средним медицинским персоналом – 21 тыс. человек.

Медобслуживание личного состава осуществляют 59 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действует 8 образовательных учреждений высшего профессионального образования.

За 2009 год УИС произвела товаров и оказала услуг более чем на 25 млрд рублей, при этом чистая прибыль составила 1,2 млрд рублей. В 2010 году освоен выпуск более 500 новых наименований продукции.

В УИС функционирует 339 профессиональных училищ (и 210 филиалов) для подготовки осужденных более чем по 200 профессиям.

В настоящее время штатная численность личного состава Федеральной службы исполнения наказаний составляет более 356 тыс. человек, из них более 259 тыс. аттестованные сотрудники.

По итогам прошлого года УИС укомплектована на 97%.

Всего в прошлом году принято на службу более 27 тыс. сотрудников.

Больше половины сотрудников – в возрасте от 30 до 45 лет. Количество сотрудников в возрасте до 30 лет – более 96 тыс. чел.

Количество сотрудников с высшим образованием увеличилось на 6,2% и превышает 93 тыс. человек. Среднее профессиональное образование имеют 78 тыс. сотрудников.

30% личного состава составляют женщины.

В 1-м квартале 2010 года в отношении 77 сотрудников возбуждено 72 уголовных дела, что на 118% больше, чем в прошлом году. Из них 7 – за злоупотребление и превышение должностных полномочий, 12 – за взяточничество, 32 – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

В 1 квартале 2010 года сотрудниками допущено 7577 нарушений служебной дисциплины.

За 1-й квартал 2010 года 124 сотрудника привлечено к дисциплинарной ответственности. Из них 30 уволены из УИС.

В 2010 году государственными наградами награждено 8 сотрудников, наградами Совета Федерации ? 12 сотрудников; ведомственными наградами ? 14 044, в том числе за выполнение служебного долга в Северо-Кавказском регионе ? 495 человек.

37% психологов специализируются на работе с личным составом.

Ксавье Эммануэлли при участии Урсулы Готье.
Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?
Пер. с франц. О.Е. Ивановой. М.: Nota bene, 2009.

Алексей Мокроусов

В аут и обратно

Имя автора этой книги многое скажет тому, то следит за дискуссиями о роли и средствах благотворительных организаций. Мнение Ксавье Эммануэлли тем интереснее, что сам он не только практикующий врач, но и один из основателей организации «Врачи без границ». У него есть и опыт работы в правительстве: в 1995–1997 годах при Александре Жюппе он был государственным секретарем, отвечавшим за систему экстренной социальной помощи.

Книга «Отверженные» посвящена тем, кто оказался исключенным из общества, отверженным и лишенным тем самым элементарных прав. Интересно, что сам автор не упоминает слова «изгой». Более того,

подзаголовок французского оригинала носит вопрошающий, а не утвердительный характер: «Исключение [из общества] и можно ли его победить?» (вообще перевод книги в целом нуждался в более тщательном редактировании, в нынешнем виде это скорее еле обработанный подстрочник).

Одна из самых важных для понимания авторской позиции глав, названная «Невыносимая тюрьма», посвящена его опыту работы в исправительной системе. На рубеже 1990-х годов Эммануэлли в течение пяти лет был главным врачом следственного изолятора Флери-Мерожи, предназначенного для пяти тысяч заключенных, причем он сам добивался назначения на тюремную должность, приложив к тому немало усилий. Затем Эммануэлли был назначен на пост главного тюремного врача Франции, созданный специально для него.

Работа в изоляторе была не первой встречей автора с пенитенциарной системой. Еще в начале 70-х годов автора, служившего тогда в обычной больнице, часто направляли в качестве анестезиолога в больницу тюрьмы Френа, в которой такого специалиста не было. Именно тогда, признается врач, он впервые задумался над тем, что же происходит с заключенными после того, как они получают первую помощь? — ведь «тюрьма не располагала реанимационными средствами, какие были в больницах, а интенсивное лечение казалось мне не таким уж интенсивным».

Вопрос обострился после массового распространения СПИДа. Поначалу в тюрьме стремились его просто не замечать. Это было, с одной стороны, следствием общей неготовности медицины к появлению новой болезни, вскоре обернувшейся эпидемией и опиравшейся при этом на ранее неизвестный науке механизм, разрушающий привычную веру в положительную роль антител. С другой стороны, медицинские службы в тюрьмах комплектовались терапевтами широкого профиля, которые подчинялись Министерству юстиции (для проведения операций приглашались хирурги со стороны). Потому они следовали железной логике всякой системы наказания: «в тюрьме главная проблема — это заключение, а не здоровье». Эммануэлли в собственной практике сталкивался с тем, что медсестры не очень охотно выполняли его указания, поскольку считали, что подчиняются директору тюрьмы, «их подлинному начальнику на иерархической лестнице», ведь «повышение по служебной лестнице было обусловлено теми же критериями, что и карьерный рост надзирателей», общими были у них и профсоюзы. Да и вся «тюремная жизнь списана, что довольно абсурдно, с жизни публичных администраций. Надзиратели, воспитатели, медицинские сест-

ры, весь персонал работал по классическому расписанию с 9 до 18 часов». Между тем все самое тревожное происходило в камерах как раз после шести вечера и в течение последующих 14 часов, когда заключенные были предоставлены сами себе. Чтобы как-то облегчить психические проблемы, часто приводившие к расстройствам сна, заключенным в обилии раздавали психотропные, нейролептические и прочие снотворные средства, причем требовали их приема непосредственно в момент выдачи лекарства. Тем самым пытались бороться с существовавшим в тюрьмах рынком перепродажи. Но действие снотворного продолжается не более четырех-шести часов. Потому проблема не исчезала, но становилась отложенной, создавалась лишь видимость ее решения. Ночных дежурств у врачей не было, что увеличивало риски для заключенных, как для сердечников, так и для склонных к суициду.

Во многом отношение к заключенным как в целом здоровым людям было сформировано предшествующим опытом. Прежде в тюрьмы, как правило, попадали физически сильные люди, «хандра за решеткой порой время от времени выливалась в потасовки, но, как правило, они заканчивались простым наложением шдов». К принципиальному изменению ситуации в 70-х никто не был готов.

Автоцензура является важнейшей характеристикой тюремного мышления. Особенно наглядно это видно на примере СПИДа, который в тюремных администрациях предпочитали не замечать. Во многом это было связано с нежеланием тюремной администрации признавать очевидное. Решающим для социальной истории последнего времени автор считает широкое распространение внутривенных наркотиков, которое пришлось на начавшееся в 70-е годы. Подававшиеся поначалу как средство борьбы против капиталистического строя, героиновые наркотики немедленно попали в мощную систему извлечения сверхдоходов. Идея главного теоретика бунтарского поколения Тимоти Лири о том, что наркотики подрывают основы западной цивилизации, разбилась о главный принцип этой самой цивилизации: закон постоянного увеличения прибылей. Именно последним обстоятельством Эммануэлли объясняет переход от многоразовых шприцев к одноразовым, которые, в отличие от стеклянных, невозможно кипятить. Едва экономившие на всем наркоманы начали по кругу пользоваться одноразовыми шприцами, онb потеряли последние шансы на выживание. При этом в парижских клиниках СПИД связывали поначалу исключительно с гомосексуализмом. Чтобы радикально изменить взгляд на ситуацию, требовалось признать, что другой мощный канал распространения эпидемии находился среди обитателей тюрем. Именно там в

большинстве своем находились наркоманы, и именно там никто не хотел ими заниматься.

Никто в принципе не был заинтересован и в работе с другой важной проблемой мест заключения – гомосексуализмом. Ни просветительская информация, ни тем более раздача презервативов не входили в служебные обязанности врачей и администрации тюрем. Складывалась патовая ситуация: медики были уверены, что это долг администрации, последняя утверждала, что подобная работа не в ее компетенции и скорее является медицинской проблемой. При этом, признает Эммануэлли, массовая раздача презервативов могла казаться чуть ли не провокацией. Дескать, мы знаем, что все вы здесь педики, вот вам предохранительные средства. В итоге медпункты все-таки стали снабжать кондомами. Для этого, в частности, потребовалось вывести тюремную медицину из подчинения Министерству юстиции и передать ее в Министерство здравоохранения.

Нельзя сказать, что после этих структурных изменений исчезли все породившие их проблемы. Исходная ситуация не меняется. Тело остается одним из главных протестных языков заключенного, с помощью которого он пытается выразить свое несогласие с системой ограничений и подавления, в которую его принудительно поместили. Эммануэлли выделяет три фазы в таком протесте. В первой заключенный направляет насилие на самого себя, нанося телу различные увечья и подвергая его разного рода опасностям, – и все ради того, «чтобы заставить услышать свой ставший неслышимым голос». Во второй фазе тело становится объектом беспокойства, порождающим все новые страхи и фобии. С одной стороны, заключенный начинает обращать внимание на малейшие изменения в функционировании собственных органов, приобретает новые болезни, такие как близорукость, порожденная плохим освещением и обилием времени для чтения. С другой – «тюрьме свойственно отсутствие гигиены». В этих условиях все без исключения, и те, кто сидит, и их охрана, и обслуживающий персонал, начинают испытывать навязчивый страх перед заражением сальмонеллезом, туберкулезом, СПИДом или гепатитом.

В третьей фазе в дело включается психосоматика. Постоянный стресс, в котором пребывает организм, порождает гипертонию, язву, депрессию и болезни, связанные с обменом веществ – именно по нарушениям обмена веществ автор называет эту фазу, следующую за «мятежом» и «беспокойством».

Но главное все же – преодолеть тенденцию, особенно ярко выраженную в американской системе наказания, где заключенного факти-

чески оставляют один на один с его проблемами, в том числе под диктатом «зон влияния» и мощной иерархии, определяющей жизнь по ту сторону проволоки. «Во Франции пытаются уничтожить эту иерархию. В Соединенных Штатах администрация не проявляет внимания к преследованиям, которым может подвергаться заключенный. Он находится там, чтобы платить по счету», – утверждает автор.

Несмотря на общие, казалось бы, цивилизационные корни, подобная разница в понимании социальной поддержки проявляется на самых разных уровнях, например, в концепции скорой медицинской помощи на фронте. Если американцы стремятся как можно быстрее доставить раненого в тыл, чтобы не подвергать лишней опасности врачей и обеспечить наиболее эффективное лечение, то французы пытались заняться лечением практически на линии фронта. В итоге раненных сортировали по степени тяжести и «срочности», что приводило к тому, что легкоранеными занимались в первую очередь, а, например, солдат с лицевыми ранениями откладывали «на потом». Эта же разница в подходах между англосаксами и галлами видна и на примере гражданской скорой помощи. Эммануэлли разбирает случай с парижской автокатастрофой принцессы Дианы. Английские специалисты упрекали своих французских коллег в преступном промедлении. Дескать, вместо того, чтобы немедленно везти пострадавшую, у которой был разорван крупный сосуд, в госпиталь, они пытались на месте сохранить жизненно важные функции организма. Врачи действовали в полном соответствии с инструкциями, предписывающими реанимационную методику, полностью повторяющую схему действий в стационаре.

Кажется, будто эта разница в подходах не позволяет создать единые принципы в решении проблем «отверженных» и «изгоев», которым в самом широком значении (бомжи, цыгане, дети в странах третьего мира) посвящена работа Эммануэлли. Но автор предлагает радикально переменить оптику, поставить перед собой принципиально другие цели. Вместо немедленной реинтеграции он призывает заняться спасением. Ведь реинтеграция – очень долгий путь, поскольку подразумевает, что «люди оказались в иной среде, которая требует, чтобы их вновь приобщили к культуре общества. Я считаю, что интегрировать, причем не только изгоев, – это значит наделять физическими и психическими средствами для взятия на себя символического “долга”, который всегда возникает у каждого взрослого, живущего в обществе».

Несмотря на то что предисловие к книге Ксавье Эммануэлли написал доктор Леонид Рошаль, а подход автора является для российского мышления принципиально новым, нет ощущения, что «Отверженные»

будут внимательно прочтены в России. Дело здесь не в отмечавшемся качестве перевода (к финалу рецензии стоит признать, что он ниже всякой критики)¹ или в очень неудачном макете – текст набран слишком мелко, он способствует развитию близорукости у читателя. Сама проблематика книги такова, что ее решение требует не только наличия профессиональной среды, но и внятной политической воли. Энтузиасты своего дела, даже уровня Эммануэлли, вряд ли способны в одиночку или с группой единомышленников изменить жизнь в целой стране. Поскольку откаты в такой сфере, как государственная помощь маргиналам, не поразят воображение чиновников, надеяться на адекватное в ближайшей перспективе развитие ситуации не приходится.

Подтверждением этому скепсису можно найти в том, как распространяются «Отверженные». Мои знакомые нашли сразу несколько экземпляров книги на троллейбусной остановке. Возможно, они были оставлены там в ожидании читателей-бомжей. А может, издатели не знали, кто является целевой аудиторией этого замечательного труда.

¹ Так, в книге постоянно упоминается Служба срочной медицинской помощи – это созданная Эммануэлли знаменитая *Samu social international*, ее первая составляющая сложена из первых букв слов *Le Service d'Aide Médicale Urgente*, то есть служба скорой медицинской помощи. Указаний на это в русском тексте нет. Кроме того, французское издание озаглавлено английским *Out*, что гораздо шире русской версии названия. Редактура же текста незаметна. На каждом шагу встречаются пассажи вроде: «Наша общественная цивилизация действительно изменилась. Отныне уже ничто не служит поводом для того, чтобы заливать горячими слезами. Необходимо срочно реформировать наше мышление, вместо того чтобы упорно стремиться внедрить в него новые реалии».

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушения прав заключенных (январь – июль 2010 года)

Ханты-Мансийский автономный округ

12 января 2010 года

В Югре *завершено расследование уголовного дела в отношении начальника Лечебного исправительного учреждения № 17 УФСИН в Сургуте Османа Бибулатова*, обвиняемого в превышении должностных полномочий с применением насилия. Следствием установлено, что Бибулатов без причин избил троих осужденных. После чего вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту избия осужденных, заявив, что телесные повреждения ими получены по собственной неосторожности. Материалы уголовного дела направлены в суд.

Свердловская область

14 января 2010 года

В Свердловской области некоторые *следственные изоляторы переполнены на 200%*, как заявил начальник ГУ ФСИН по Свердловской области Александр Ладик. «К сожалению, перелимит в местах лишения свободы остается. Если в учреждениях он не очень большой – на уровне 4%, то в СИЗО ситуация сложнее. Средняя норма площади камеры на одного человека в СИЗО составляет 4 кв. м, а в реальности –

2,5 кв. м». По его словам, сложная ситуация остается в СИЗО № 1 г. Екатеринбурга. Перелимит там составляет 1 тыс. человек, а камерная площадь на одного человека в 1,5 раза ниже нормы. Подобная ситуация складывается и в СИЗО № 5, где содержатся женщины. Там перелимит составляет почти 200%.

Краснодарский край

19 января 2010 года

Краевая прокуратура провела проверку краснодарского следственного изолятора № 1, в котором **13 и 14 января повесились двое заключенных**.

Оба заключенных по собственному желанию содержались под стражей в одиночных камерах для обеспечения своей безопасности. Однако 13 января от механической асфиксии (удушения) умер Кутняков, осужденный за насилие над малолетней девочкой, а 14 января по той же причине скончался заключенный Шехонин. Оба были найдены повешенными.

Проверка установила, что при решении вопроса о переводе обоих в «одиночку» администрация СИЗО № 1 не полностью проверила обоснованность их заявлений, а затем не обеспечила необходимый надзор, гарантирующий безопасность заключенных.

Ростовская область

19 января 2010 года

18 января **более десяти осужденных** УЧ 398/14 г. Новочеркасска Ростовской области **объявили бессрочную голодовку**. Пойти на этот шаг заключенных заставили систематические нарушения их прав. Арестанты требуют проведения приема с сотрудниками прокуратуры, так как преступления, происходящие, по их мнению, на территории колонии, скрываются администрацией.

Также возмущение осужденных вызывает безответственная работа медицинского персонала учреждения, беззакония, творящиеся на пункте приема посылок и передач от родственников, и завышенная стоимость телефонных переговоров. Как считают заключенные, последнее свидетельствует о злоупотреблениях сотрудников администрации колонии с целью извлечения имущественной выгоды.

Ростовская область

22 января 2010 года

21 января на итоговой коллегии ГУ ФСИН по Ростовской области начальник ведомства Владимир Хижняк сообщил, что все колонии Дона имеют так называемый перелимит. «Наблюдается большой перелимит по колониям строгого режима. Например, в одной ИК **вместо 1800 заключенных отбывают наказание 2500 человек**. Не лучше складывается ситуация и в колониях общего режима, включая женскую».

Москва

26 января 2010 года

Генеральная прокуратура Российской Федерации **провела проверку состояния законности в деятельности следственного изолятора № 2 УФСИН по г. Москве в связи со смертью подсудимого Алексея Максимова**, обвиняемого по делу об убийстве прокурора Саратовской области.

Подсудимый Максимов прибыл в указанное учреждение 28 декабря 2009 г. для прохождения повторной судебно-психиатрической экспертизы в институте им. Сербского.

За период содержания в СИЗО-2 (с 28 декабря 2009 г. по 14 января 2010 г.) Максимова ни разу не осматривал не только врач-психиатр, но и никакой другой медицинский работник учреждения. В результате заключенный не получал надлежащую психиатрическую помощь, чем были существенно нарушены его права, гарантированные ст. 24 вышеуказанного закона. Кроме того, сотрудники следственного изолятора не осуществляют надлежащий надзор ? в камере, где содержался Максимов, хранилась самодельная веревка. 14 января 2010 г. в ночное время Максимов повесился.

Удмуртия

27 января 2010 года

Прокуратура Удмуртской Республики подвела итоги проверок соблюдения законности в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний на территории Удмуртии. Всего за 12 месяцев 2009 г. сотрудниками прокуратуры РФ по УР проведено 378 проверок законности исполнения назначенных наказаний, по результатам которых **внесено 336 представлений. В связи с выявленными нарушениями**

228 сотрудников системы исполнения наказаний понесли дисциплинарную ответственность.

Башкирия

4 февраля 2010 года

12 сотрудников Башкирского ГУ ФСИН наказаны за сокрытие убийства в подведомственном им следственном изоляторе. Шестеро были уволены, еще шестеро получили строгие выговоры и были понижены в звании.

В Уфе в августе 2009 г. **от удушения в одной из камер СИЗО погиб арестант**. Предполагается, что его мог задушить сокамерник. Сотрудники службы исполнения наказаний, ответственные за жизнь подсудимых, вместо того чтобы доложить о случившемся, оформили документы так, будто мужчина скончался от побоев, нанесенных ему милицией во время задержания. Однако правда вскрылась в результате служебной проверки. По факту убийства мужчины, арестованного по обвинению в краже, возбуждено уголовное дело по соответствующей статье.

Приморский край

5 февраля 2010 года

В Приморском крае возбуждено **уголовное дело в отношении руководящего сотрудника** следственного изолятора, обвиняемого **в превышении должностных полномочий, повлекшем смерть троих заключенных**. Прокуратура Приморского края провела проверку по факту отравления 17 января 2010 г. группы лиц, содержащихся в следственном изоляторе ФБУ ИЗ-25/2 в г. Уссурийске. В ходе проверки установлено, что 15 января 2010 г. заместитель начальника исправительного учреждения по кадрам и воспитательной работе Павел Мазур в служебном кабинете незаконно разрешил краткосрочное свидание одному из осужденных с матерью. После этого Мазур без досмотра отдал осужденному передачу, состоящую из продуктов питания и пластиковой пятилитровой бутылки с неустановленной жидкостью. После употребления этой жидкости девять обвиняемых и осужденных получили отравление, трое из них умерли.

Уфа

8 февраля 2010 года

Несколько десятков подследственных СИЗО № 1 ГУ ФСИН по Башкирии попытались в субботу организовать акцию группового неповиновения, но порядок был восстановлен. В корпусе № 5 и корпусе № 7 СИЗО в Уфе несколько десятков подследственных и обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях устроили бунт. Они жгли спальные принадлежности, шумели, стучали кружками, выкрикивали непристойности и угрозы в адрес сотрудников учреждения.

Причиной произошедшего стало нежелание подследственных и осужденных выполнять законные требования администрации учреждения, а именно ? недовольство досмотром посылок и передач от родственников. «На место происшествия прибыл помощник прокурора Ленинского района города Уфы, но участники беспорядков проигнорировали его требования остановить бунт», ? сказал представитель башкирского ГУ ФСИН. Он отметил, что для восстановления порядка пришлось применить физическую силу.

Кировская область

9 февраля 2010 года

Верхнекамским районным следственным отделом Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Кировской области **завершено расследование уголовного дела по обвинению 30-летнего врача-хирурга в причинении смерти по неосторожности** вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Установлено, что 10 мая 2009 г. в хирургическое отделение ФБУ «Больница управления режимными учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности управления Федеральной службы исполнения наказания России по Кировской области» в связи с ухудшением состояния здоровья, возникшего после удаления зуба, была доставлена 30-летняя девушка. Лечащим врачом-хирургом был поставлен диагноз и назначено лечение. Однако спустя 8 дней, несмотря на то что самочувствие женщины не улучшилось, она была выписана из клиники. В результате недооценки тяжести состояния пациентки и неправильной тактики лечения, выбранной лечащим врачом, потерпевшая через 13 дней умерла. В ходе расследования уголовного дела следствию удалось собрать необходимые доказательства, согласно которым обвиняемый при надлежащем исполнении сво-

их профессиональных обязанностей должен был предвидеть развитие болезни, поставить потерпевшей правильный диагноз, назначить соответствующее лечение и как результат спасти ей жизнь.

Самарская область

5 марта 2010 года

Сотрудник СИЗО убил заключенного и получил девятилетний срок. В судебном заседании установлено, что 29 апреля 2007 г. Михаил Бондарчук, являясь начальником отдела режима ФГУ ИЗ-63/5, при исполнении своих должностных обязанностей в помещении СИЗО № 5, в ответ на отказ осужденного потерпевшего Рогожкина написать заявление о вступлении в секцию дисциплины и порядка подверг Рогожкина избиению, незаконно применяя специальное средство – резиновую палку, причинив своими умышленными действиями потерпевшему телесные повреждения различной степени тяжести, повлекшие за собой наступление смерти потерпевшего.

Подсудимый Бондарчук вину не признал, показал, что применял физическую силу с целью предупреждения неповиновения Рогожкина, а также воспрепятствования совершению Рогожкиным акта членовредительства, поскольку последний вытащив лезвие, хотел причинить себе порез в области живота. Далее, Бондарчук показал, что нанес всего четыре удара, других ударов не наносил, полагает, что повреждения могли образоваться как до прибытия в ИК-29, так и после прибытия, но их Рогожкин причинил себе сам. Лично он повреждений повлекших смерть Рогожкина, не причинял.

Однако вина Бондарчука подтверждается совокупностью доказательств. Судом мера пресечения Бондарчуку до вступления приговора в законную силу изменена на заключение под стражу.

Иркутская область

2 апреля 2010 года

Заместитель начальника по безопасности и оперативной работе иркутской колонии № 3 Роман Коннов обвиняется в превышении должностных полномочий. В правоохранительные органы обратился мужчина, который отбывает наказание в данной колонии. Он заявил, что Р. Коннов неоднократно вызывал его к себе и **вымогал 35 тыс. руб. за нормальные условия пребывания в ИК.** В случае неисполнения требования сотрудник угрожал, что в отношении потерпев-

шего будет применяться насилие со стороны других осужденных. Совместную операцию по задержанию Р. Коннова провели сотрудники ГУВД по Иркутской области, регионального ГУ ФСИН и РУ ФСБ по Иркутской области.

Забайкалье

6 апреля 2010 года

В Забайкалье **возбуждено уголовное дело в отношении бывшего начальника исправительной колонии № 8 Константина Шевченко**, который подозревается в превышении должностных полномочий. В ночь на 14 июля 2009 г. Шевченко вывел без охраны с территории колонии осужденного Владимира Богданова, отбывающего наказание в виде лишения свободы за дерзкий вооруженный разбой и являющегося одним из неформальных лидеров отрицательно настроенных заключенных. На служебном автомобиле Шевченко отвез «смотрящего» в кафе, расположенное в поселке Карымское, где тот встретился и имел длительную беседу с «авторитетами» криминального мира.

По требованию прокурора Карымского района первоначальное незаконное постановление следователя Карымского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Забайкальскому краю об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено руководителем следственного органа. В связи с произошедшим Шевченко уволен из системы органов ФСИН.

Республика Коми

9 апреля 2010 года

В Республике Коми возбуждено **уголовное дело в отношении начальника объединения исправительных колоний № 50** ГУ ФСИН, который подозревается в крупном хищении железнодорожных путей. Принудительный труд заключенных тюремщик использовал в корыстных целях.

Похитив 50 км железнодорожных путей, высокопоставленный надзиратель продал их на «черном» рынке, заработав на реализации такой добычи более 3 млн рублей.

Свердловская область

27 апреля 2010 года

Ивдельским городским судом вынесен приговор в отношении 4 сотрудников ФБУ «Исправительная колония № 62» ГУ ФСИН по Свердловской области по факту превышения должностных полномочий. В октябре 2008 г. в Центральной больнице при ФБУ ИК-55 скончался осужденный ФБУ ИК-62 П. 1989 г. рождения. Причиной его смерти стала острая почечная недостаточность, вызванная ушибами почек в результате множественных ударов. Кроме того, у 7 осужденных ФБУ ИК-62 были обнаружены телесные повреждения.

Уголовное дело по данному факту было возбуждено 31 октября 2008 г. и находилось в производстве Североуральского межрайонного следственного отдела СУ СКП РФ по Свердловской области. По результатам судебного рассмотрения уголовного дела осуждены 4 сотрудника ФБУ ИК-62.

Курганская область

28 апреля 2010 года

В ночь на 26 апреля в **Юргамышской воспитательной колонии произошли массовые беспорядки**. 28 апреля 2010 г. туда с ревизией приехала комиссия ФСИН.

Как сообщает пресс-служба областного управления ФСИН, через час после отбоя в здании общежития отрядов № 1 и № 2 группа осужденных напала на младшего инспектора дежурной службы и стала его избивать. При этом они использовали железную дужку от кровати. Инспектору удалось вырваться, выскочив из помещения, он поднял тревогу. Через несколько минут сотрудникам колонии удалось изолировать около 40 воспитанников, поддерживавших массовые беспорядки.

По факту дезорганизации деятельности исправительного учреждения и применения насилия в отношении работника ФСИН возбуждено уголовное дело. По предварительным данным, воспитанники таким образом пытались «поднять свой авторитет».

Омская область

4 мая 2010 года

С призывом о помощи в редакцию ИА Ingushetia.Org обратились родственники заключенных в Омской ИК-2 из Ингушетии и Чечни.

Они попросили распространить письмо, написанное находящимися в тюрьме близкими в связи с тем, что сами заключенные, равно как и их родственники, боятся сделать это сами. Они опасаются за свою жизнь, а также просто не имеют возможности сообщить об этом в официальные инстанции России. **Сообщения об издевательствах и пытках** были сделаны самими заключенными. Как отмечает сайт, имеется аудиозапись данного сообщения от заключенных. После рассказа о пытках заключенные более не выходят на связь. Неизвестно место их нахождения. В беседе с родственниками заключенные также отметили, что с особой жестокостью зверствами занимается специальная смена охраны, состоявшая из людей, будто бы обученных различным способам изощренных пыток. Это не случайные пытки, вызванные неприязнью к выходцам с Кавказа или психической невменяемостью, а целенаправленные действия, требующие специальных медицинских знаний о том, как нужно причинять особую боль и мучения человеку, подрывать его не только физическое, но и психическое здоровье.

Забайкалье

11 мая 2010 года

Шестой месяц в Забайкалье **судьи и прокуроры препятствуют освобождению из колонии ВИЧ-позитивного осужденного**, который содержится в условиях изоляции без квалифицированной медицинской помощи. В феврале Забайкальский краевой суд по представлению прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях отменил постановление Ингодинского райсуда Читы об освобождении осужденного Ивана Сергеева (фамилия изменена) из-за тяжелой болезни от отбывания наказания. Дело вернулось в Ингодинский райсуд, где после повторного рассмотрения судья Игорь Фалилеев отказал ВИЧ-позитивному Сергееву в досрочном освобождении. Суд также не учел доводы администрации колонии, врачей и представителя осужденного о том, что в условиях изоляции Сергееву не могут оказывать должного лечения. Этот факт является бесчеловечным и унижающим достоинство человека обращением.

Архангельская область

19 мая 2010 года

Приговором Ломоносовского суда Архангельской области от 16.06.2009 г. к 2 годам лишения свободы в колонии-поселении по ч. 2

ст. 228 УК РФ **был приговорен несовершеннолетний Федулов Павел Иванович. Мальчик был болен тотальным остомиелитом** с поражением обоих пазух носа, рубцовым выворотом левого века на фоне дезоморфиновой наркомании.

Данный диагноз означает, что у Павла полностью сгнили лицевые кости черепа. Спасти его было невозможно. Через несколько месяцев мальчика ждала неминуемая смерть. Однако умереть он мог на свободе в окружении любящих его людей. Еще до вынесения приговора врачи направили в суд выписку из его медкарты, подчеркнув для судьи наиболее важные аспекты состояния здоровья ребенка. Однако судья назначил Федулову наказание в колонии-поселении, где мальчик не должен был бы находиться ни одного дня.

Считая, что суд не разобрался в диагнозе и прогнозе заболевания Федулова, врач областной больницы УФСИН по Архангельской области явился в кассационную инстанцию и хотел донести до коллегии перспективы жизни Федулова. Он хотел рассказать суду, что жить Павлу осталось в лучшем случае 50-60 дней. Однако его в заседание суда не пустили. Приговор в отношении Павла был оставлен без изменения.

Врачи областной больницы сделали запрос о направлении Федулова в больницу им. Ф.П. Гааза, откуда в связи с тяжестью состояния здоровья 19 сентября 2009 г. поступил наряд на перевод пациента. Однако 13 сентября мальчик, у которого начался абсцесс мозга, скончался.

Челябинская область

4 июня 2010 года

В Челябинской колонии № 2 **погиб рецидивист, находившийся в одиночной камере** штрафного изолятора. Легкие заключенного были наполнены неизвестной жидкостью. Труп заключенного обнаружил инспектор во время обхода 2 июня в 20.30. Заметив преступника, лежавшего на полу без признаков жизни, он вызвал врача. Когда медик попытался сделать искусственное дыхание, выяснилось, что легкие заключенного наполнены жидкостью. В камере преступник находился один, следов побоев на теле не обнаружено. Пока неизвестно, как именно в легкие преступника попала эта жидкость. Вода в камере была только в раковине для умывания и унитаза. Окончательный ответ, говорят в ГУ ФСИН, даст только вскрытие. Пока же в колонии предполагают, что у заключенного могла быть болезнь, при которой легкие заполняются жидкостью из организма. Тем не менее по факту смерти возбуждено

уголовное дело, следователи заявили, что при осмотре трупа осужденного все-таки были обнаружены телесные повреждения.

Подозреваемые сотрудники ИК-2 пребывают в изоляторе временного содержания. Решается вопрос о предъявлении им обвинения и избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе проверки выяснилось, что работники администрации, в том числе руководство, пытались скрыть обстоятельства ЧП, а также уничтожить следы преступления. В адрес южноуральского ГУ ФСИН областной прокурор внес представление, в котором потребовал принять исчерпывающие меры по обеспечению неприкосновенности и безопасности осужденных.

Нижегородская область

22 июня 2010 года

Следственные органы **выясняют обстоятельства самоубийства 35-летнего осужденного**, отбывавшего наказание в исправительной колонии № 20 ГУ ФСИН по Нижегородской области. По данным следственного управления, 14 июня 2010 г. осужденный через окно третьего этажа общежития спрыгнул вниз на металлическое ограждение. В результате полученных телесных повреждений от штырей арматуры мужчина скончался на месте.

Нижегородская область

2 июля 2010 года

Бывший начальник СО УФСБ России по Нижегородской области отбывал наказание в колонии. Его **труп обнаружили при вечернем обходе** перед отбоем в июне 2009 г.

По информации прокуратуры области, сразу было определено, что заключенного убили. В ходе предварительного следствия было установлено, что четверо сотрудников колонии, а также привлеченные ими двое осужденных, чтобы получить признание в совершении преступлений от заключенного, долгое время его избивали резиновой дубинкой. В результате потерпевший от полученных телесных повреждений умер в камере.

Теперь виновников будут судить сразу по нескольким статьям Уголовного кодекса РФ. Уголовное дело направлено для дальнейшего рассмотрения в Борский городской суд.

Красноярский край

2 июля 2010 года

Следственными органами Следственного комитета по Красноярскому краю **завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего начальника управления безопасности** ФБУ ГУ ФСИН РФ по краю полковника Василия Быкова. Как сообщает пресс-служба СКП РФ, установлено, что в октябре–ноябре 2009 года Быков с целью получения 3 миллионов рублей организовал похищение предпринимателя из Республики Хакасия. Преступление не было доведено до конца в связи с тем, что 24 декабря 2009 г. в результате проведения оперативно-следственных мероприятий Быков был задержан. Уголовное дело после утверждения обвинительного заключения направлено в суд для рассмотрения по существу.

Москва

22 июля 2010 года

Министерство юстиции РФ опубликовало законопроект о внесении изменения в ст. 117 Уголовно-исполнительного кодекса, согласно которому помещать осужденных в изоляторы можно будет только при наличии письменного разрешения врача.

«Перевод осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа и одиночные камеры, а также водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы производится после проведения медицинского осмотра и выдачи письменного заключения о возможности нахождения в них по состоянию здоровья с указанием срока содержания», – говорится в тексте документа.

Документ размещен на сайте Минюста для общественной экспертизы.

Пермский край

23 июля 2010 года

Прокуратура Пермского края в результате проверки установила, что голодовку в ИК-11 г. Ныроба объявили не шесть осужденных, а свыше шестидесяти. «Прокуратура, изучив обстоятельства произошедшего, установила, что утром и в обед 20 июля от приема пищи отказалось 62 осужденных из 97, содержащихся в едином помещении камерного типа колонии».

Часть условий объявивших голодовку осужденных Ныробской колонии строгого режима № 11 была выполнена. Так, в частности, были выполнены требования в части снятия с должностей «завхозов» – осужденных, незаконно применявших физическую силу к вновь прибывшим осужденным. Однако до сих пор не решена проблема работы магазина на территории этой колонии, в частности, полное отсутствие товаров не позволяет приобрести самое необходимое – конверты, ручки, сигареты.

Нижегородская область

29 июля 2010 года

В Нижегородском изоляторе от сильной жары менее чем за сутки скончались трое мужчин.

Все трое пострадавших поступили в СИЗО на прошлой неделе. Через несколько дней в камере они почувствовали недомогание и были переведены в больницу при следственном изоляторе.

При осмотре врачи обнаружили у одного из мужчин острое нарушение кровообращения головного мозга. Другому был поставлен диагноз «правосторонняя пневмония».

Оба они скончались 27 июля в тюремной больнице. Третий заключенный умер утром 28 июля.

Накануне, 27 июля, Генпрокуратура вынесла директору ФСИН Александру Реймеру требование устранить нарушения в Бутырском СИЗО. Прокурорская проверка выявила, что условия содержания заключенных не соответствуют требованиям закона.

Ранее сообщалось, что 340 тыс. из 846 тыс. осужденных, которые находятся в исправительных заведениях России, страдают от какой-нибудь болезни. В частности, 15 тыс. заключенных больны сифилисом, 40 тыс. – активной формой туберкулеза, 67 тыс. имеют психические расстройства, 55 тыс. ВИЧ-инфицированы.

Татьяна Мальчикова

Обычная смерть

Леша Бурдаев рос тихим, спокойным ребенком, правда, выделялся необычной, слегка женской, красотой – большими глазами и выразительными чертами лица. По документам отца у Леша не было, а мать опкалалась от него еще в роддоме? так и попал он в детский дом, где жил все свои сознательные 12 лет.

Обычный весенний день в обычном детском доме, урок математики, на улице жарко и совершенно не хочется делать задания Анны Николаевны. Кроме всего прочего, Леша уже несколько месяцев не понимает того, что объясняет учительница, а все контрольные списывает. Вообще-то раньше математика давалась Леше легко – он даже любил ее, но с начала года пошла какая-то сложная тема, в которой Леша ничего не понял. Разбираться в предмете с Лешей никто не стал: много таких в интернате, со всеми не разбираешься – идем дальше по учебному плану. Только Леша после той непонятой темы перестал что-либо соотносить на занятиях. Вот и просиживал он все уроки, глядя в окно и думая об Ирке.

Лешу мало трогало, что Анна Николаевна периодически кричит на него, призывая к вниманию на уроке и раздражаясь его чрезмерным спокойствием. Он понимал, что учительница кричит на всех, и вообще учителя всегда кричат – по-другому они не умеют. В тот день Леша был расстроен – с Ирккой поругались из-за мелочи, да и весь день с утра не заладил. Он сидел и бездумно что-то царапал на парте.

Неожиданно рядом раздался пронзительный крик Анны Николаевны, и Леша получил подзатыльник, да такой силы, что он ударился лбом о парту, аж звездочки в глазах вспыхнули. От обиды он схватил

что было под рукой – школьную сумку – и со всей силы запустил в учительницу. Урок был сорван.

На следующее утро кабинет директора Лидии Николаевны:

– Ну что, Бурдаев, в тюрьму захотел?

– Нет, Лидия Николаевна.

– А вот пойдешь. Анна Николаевна заявление на тебя в милицию написала.

– Я не хотел, Лидия Николаевна, простите меня, я не буду так больше.

– Не волнуют никого, Бурдаев, твои извинения. Вот посадят тебя, а там отымеют. А я вот так встану и буду смотреть!

Леша не мог заснуть всю ночь. Богатое воображение рисовало далеко не радужные перспективы жизни в тюрьме. Со слов директора, Леше придется в тюрьме очень не сладко – все всплывали в памяти слова Лидии Николаевны: «Любят там таких смазливых, как ты, Бурдаев!»

Леша долго расспрашивал Димку и Никиту, как живут заключенные и какие у них законы. Поначалу друзья подтрунивали над Лешей, рассказывая всякие ужастики, а потом им надоело и они заснули, не поняв, как напуган Леша. Рассказы друзей еще сильнее взбудоражили мальчика. Еле дождавшись утра, он пошел к Анне Николаевне, чтобы попросить у нее забрать заявление из милиции:

– Анна Николаевна, простите меня, я не буду больше. Заберите, пожалуйста, заявление на меня в милицию.

– И меньше, Бурдаев, ты тоже не будешь! Иди в класс, заявление не беру!

Сначала Анна Николаевна не поняла, о каком заявлении идет речь, но потом сообразила, что страх – это лучшее лекарство от непослушания, и подыграла директору.

Не объяснил никто Леше, что не сажают в тюрьму 12-летних мальчиков за конфликт с учителем. В обед Леша сбежал из интерната и спрыгнул с соседней пятиэтажки.

Подростки шли за гробом молча – не привыкли проявлять эмоции, хоть Лешина смерть и была для них потрясением. Лишь одна девочка плакала навзрыд. Позже директор детского дома узнала, что они с Лешей встречались, правда, недолго, и что они расстались в день перед конфликтом Леша с учителем математики.

Потом эта история «о несчастной и неразделенной любви» и стала «главной причиной самоубийства мальчика» – согласно протоколу участкового. Дело закрыли.

Мало кто знал, что на самом деле за всей историей стояло безудержное желание директора детского дома продемонстрировать свою власть над подростком. А тот, кто знал настоящую причину происшедшего, просто помалкивал, потому что, не ровен час, и он загремит, но не в колонию для малолетних, а в психиатрический стационар на неопрделенное время.

Это не вымышленная история – это история о реальной судьбе подростка из детского дома в городе Комсомольске-на-Амуре, о которой стало известно только через несколько месяцев. Кроме того, стало известно, что постоянные угрозы отправить детей подлечиться в психушку, стали в интернате устоявшейся практикой. И что за последние два года 13 из 79 воспитанников обычного – не коррекционного – интерната были хотя бы раз отправлены в психушку и получили психиатрический диагноз. А когда диагноз выставлен, доказать, что ребенка отправили в психушку за непослушание или плохое поведение, практически невозможно.

Так и живут дети в заложниках администрации детских домов и интернатов, дожидаясь, когда же они наконец-то смогут выйти во взрослую жизнь. Но везет не всем. После медико-психолого-педагогической комиссии в интернате, так называемой МППК, подростка могут определить как недоразвитого, с признаками слабоумия, и поставить ему диагноз «олигофрения», и вот тогда жизнь начинает течь совсем по другому сценарию, нежели он предполагал.

По закону выпускнику детского дома полагается квартира или комната. Однако большое количество таких выпускников не получают ни квартир, ни комнат, потому что «зачем ненормальному квартира ? ему же лечиться надо».

После получения психиатрического диагноза, подростка или уже взрослого молодого человека определяют на постоянное место жительства или в коррекционный интернат для слабоумных (в зависимости от возраста), или в психоневрологический интернат, откуда он вряд ли выйдет до конца своей жизни. Однако велика вероятность, что молодому человеку или девушке из психоневрологического интерната никогда не предоставят квартиру или комнату, что у них не будет полноценной семьи, у них изымут паспорт и лишат 75% пенсии, а возможно, и насильно стерилизуют. К сожалению, такова сейчас обычная судьба многих жильцов психоневрологических интернатов Москвы и других городов России.

Подобные истории ежедневно случаются в детских домах и интернатах России и стран бывшего СНГ. Кимовский детский дом в Тульской области, школа-интернат «Наш дом» в г. Люберцы, интернаты в Астраханской области и в Башкирии, детский психолого-педагогический центр «Забота» в г. Королеве Московской области – лишь беглый перечень происшествий, недавно освещавшихся в прессе.

Скорее всего, никто и никогда не понесет ответственность за трагическую гибель Леши Бурдаева, как и за недобровольное помещение в психиатрическую больницу из детских домов и интернатов сотен подростков только лишь за то, что они ругаются матом, пьют пиво и ведут себя «недостойно».

В данной ситуации есть только один выход – продолжать добиваться проведения справедливого разбирательства со стороны прокуратур и других полномочных инстанций в отношении любых правонарушений по отношению к детям-сиротам со стороны руководства или других сотрудников детских домов.

Благодаря профессионализму и вниманию некоторых небезразличных людей становится возможным добиться хотя бы частичной справедливости в подобных историях.

Так, например, в январе 2010 года прокуратура Хабаровского края признала, что госпитализация детей в психиатрическую больницу из детского дома г. Комсомольска-на-Амуре была проведена с рядом процессуальных нарушений, а также детям не была проведена коррекция лечения в психиатрической больнице в связи с соматическим состоянием некоторых детей (ОРВИ). В отношении же директора детского дома было возбуждено дело об административном правонарушении ? за неисполнение законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

Гражданская комиссия по правам человека продолжает принимать жалобы от всех, чьи права были нарушены психиатрами или психологами, сообщения от тех, кому стали известны случаи нарушения прав детей-сирот в интернатах, такие как помещение ребенка в психиатрическую больницу в качестве наказания, а также о любых преступных злоупотреблениях в психоневрологических интернатах и психиатрических больницах.

Иван Маркелов

О праве детей на душевное здоровье...

Санкт-Петербургское государственное учреждение социальной помощи семьям и детям «Региональный центр „Семья“» опубликовало аналитические материалы о положении детей Санкт-Петербурга за 2008 г.¹, в которых говорится: «...в ведении Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга находятся 4 дома-интерната для детей с отклонениями в умственном развитии, а также психоневрологический интернат, имеющий в своем составе детское отделение. В связи с незаполняемостью данного детско-подросткового отделения психоневрологического интерната № 10 принято решение с 01.06.09 о его расформировании и реорганизации во взрослое отделение.

На 01.01.09 в домах-интернатах находилось 1080 детей-инвалидов, в том числе 50 детей-сирот и 268 детей, оставшихся без попечения родителей. В аналогичный период 2008 года – 1082 ребенка, в том числе 47 детей-сирот, 263 оставшихся без попечения родителей. Из числа детей вышеуказанных категорий за период с 2003 по 2008 год ни одного ребенка не было усыновлено, передано под опеку или в приемную семью...»

И этот факт говорит о многом. Лучше всего детям живется в семьях. Администрации домов-интернатов и психоневрологических интернатов должны заботиться о своих подопечных, и в первую очередь об их усыновлении. И если за несколько лет не было ни одного усыновления, то, вероятно, никто особенно этим не занимался.

Зато в Санкт-Петербургскую Гражданскую комиссию по правам человека неоднократно звонили граждане и сообщали, что некоторых детей-сирот в нашем городе необоснованно помещали в психиатри-

ческие стационары. Подобная практика должна быть немедленно прекращена. Детей из интернатов нужно переводить в семьи.

Проблемы психологического тестирования детей-сирот, которые могут привести к ложному психиатрическому диагностированию детей, назначению им психиатрических препаратов, изменяющих сознание с серьезнейшими побочными эффектами, должны быть известны широкой общественности с тем, чтобы защитить права детей.

«Сегодня практически в каждой школе есть психолог. И везде, где работает такой специалист, обязательно проводится психологическое тестирование школьной зрелости поступающих в школу первоклассников. Результаты тестов ни в коем случае не являются основанием для отказа в приеме ребенка в учебное заведение. Диагностика носит профилактический характер... Психологическое тестирование может быть групповым или индивидуальным, но в любом случае оно должно проводиться с согласия или в присутствии родителей, а его результаты носить конфиденциальный характер. Кроме того, родители должны знать, зачем проводится то или иное исследование, и естественно они могут от него отказаться...»²

Так отвечает на вопросы родителей психолог Надежда Пиховкина, специализирующаяся на детской психодиагностике, на сайте «Кабинет детского психолога». Однако существуют и другие мнения. Марина Александровна Холодная, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии способностей им. В.Н. Дружинина Института психологии Российской академии наук, в своей статье «Психологическое тестирование и право личности на собственный вариант развития» пишет:

«Позволю себе рискованное утверждение: на самом деле психодиагностики как области знания не существует, поскольку современный уровень психологической науки не позволяет на основе индивидуального результата выполнения того или иного психологического теста (психометрического теста интеллекта, личностного опросника, проективной методики и т. д.) перейти к психологическому диагнозу и тем более к прогнозу поведения конкретного человека.

Можно ли от симптома переходить к диагнозу?

Любой тест – это измерительный инструмент. Медицинский термометр – это тоже измерительный инструмент. Однако ни один врач, измерив температуру больного (то есть выявив один из симптомов воз-

¹ <http://www.homekid.ru/kidscience/kid2008part9.htm> – по состоянию сайта на 12.04.2010 г.),

² <http://kabinetpsychologa.narod.ru/statya9.htm> – по состоянию сайта на 15.04.2010 г.)

можного заболевания), не решится поставить ему диагноз и тем более прогнозировать течение заболевания.

Вернемся к тестам интеллекта. Попытку на основе психологического симптома поставить диагноз (оценить уровень реальных интеллектуальных возможностей) и построить прогноз дальнейшего интеллектуального развития личности иначе как профессиональным легкомыслием назвать нельзя.

Ярким примером нарушения, казалось бы, очевидного для психолога принципа охраны прав личности („не навреди“) является широко распространившаяся в современной России практика отбора детей по показателям уровня интеллектуального развития (или „готовности к школьному обучению“): при приеме в детский сад, поступлении в первый класс, отборе в гимназические классы, так называемые классы коррекции, для обучения в „школах для одаренных“ и т. д.

В итоге общественность постепенно приучается к ложной мысли, что для детей с низким исходным уровнем интеллектуальных способностей качественное образование невозможно и необязательно.

Совершенно очевидно, что права детей, отсортированных по „отрицательному критерию“, оказываются нарушенными. О том, что такие дети и их родители получают серьезную психологическую травму, даже и говорить неприлично – подумаешь, переживут! Они бы и пережили, если бы кто-нибудь им (а заодно и практическому психологу) объяснил, что низкий (отрицательный) результат при выполнении теста сам по себе ни о чем не говорит (как, впрочем, и высокий).

Кстати, нарушаются права и тех детей, которые „на научно-психологической основе“ попадают в элитарные школы в силу искусственного завышения уровня их самооценки и притязаний. В будущем это может привести их к драматическим личностным конфликтам. Получается, что ребенок является жертвой психологического тестирования, а родители – жертвой социально-экономического шантажа.

Поэтому на прямой вопрос: „Кому нужно психологическое тестирование, нацеленное на селекцию?“ – я могу дать прямой ответ: „Тем, кто на этом зарабатывает деньги“. Разработка и применение тестов – сфера бизнеса, сулящая чрезвычайные выгоды тем, кто сумеет ее монополизировать.

Но кто дал право психологу на вмешательство в личную жизнь другого человека в виде предопределения его будущего (тем более ребенка, изначально поставленного в беспомощное положение)? При этом нарушается важнейшее право личности на собственную судьбу (в ко-

торой, как известно, исключительно важную роль играет случай, делая ее, слава богу, совершенно непредсказуемой с „научной точки зрения“).

Финансовые мотивы применения психологического тестирования – это всего лишь верхушка айсберга. Истинные мотивы тех или иных социальных мероприятий всегда лежат в глубине, и определяются они доминирующей в обществе идеологией.

По мнению британского психолога Дж. Равена, практика тестирования в рамках средней и высшей школы есть не что иное, как выполнение социального заказа на расслоение людей по культурно-экономическим признакам. Кто инициирует этот заказ? Правящая элита, которая заинтересована в создании социального слоя людей с определенными качествами.

Ведь что такое тест? Это идеальный инструмент для разделения людей по определенным критериям, которые закладываются автором теста в его содержание и конструкцию.

К сказанному следует добавить, что любой тест интеллекта как измерительный инструмент чрезвычайно чувствителен к уровню социализации тестируемого (например, по данным большинства американских исследований, IQ ребенка имеет высокую положительную корреляцию с социально-экономическим статусом семьи, при этом особо важную роль играет показатель профессионального статуса отца). Те же, кому „не повезло“ с условиями своего социального развития, в условиях селективного тестирования, естественно, будут иметь более низкие показатели „коэффициента интеллекта“ (IQ).

В заключение хотелось бы сказать следующее. Психология – это не только наука об общих закономерностях человеческой психики, но и наука о принципах защиты прав личности. Психологическое тестирование как область психологического знания в полной мере должно отвечать этим критериям³.

В итоге можно заявить с уверенностью одно: тестирование школьников без полного предварительного информированного согласия их родителей/законных опекунов недопустимо. Тестирование детей-сирот, чьими законными опекунами являются администрации сиротских учреждений, недопустимо в принципе по понятным причинам. Хорошо бы, чтобы российские власти поняли эту обоснованную точку зрения и запретили законодательно подобные тестирования. Иначе очень скоро Россия превратится в страну «психически больных».

³ <http://www.intellectus.su/lib/00019.htm> – по состоянию сайта на 15.04.2010 г.)

Роман Чорный

Всадник на бледном коне

Еще в 1992 году член палаты представителей конгресса США П. Шредер заметила: «Очевидно, этот бизнес приведения в порядок умов... себя не контролирует и не имеет стимула к прекращению всевозможных неэтичных и мошеннических методов». Если это было очевидно для США 14 лет назад, то еще более очевидно сегодня для России, как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в Чечне, Дагестане и др. (список можно продолжить). Чего стоит только один факт недавнего прошлого: постановка чеченским детям, учащимся одной школы, диагноза *массовых* психических расстройств...

В мире множество проблем, но, наверное, четыре из них самые страшные: терроризм, сексуальные преступления, рост межнациональной и межрелигиозной розни, увеличение заболеваемости психическими расстройствами (причем, в значительной части мнимое).

Согласно международной статистике, ежегодно на психиатрию во всем мире выделяется сумма, эквивалентная 306 миллиардам долларов. Удалось ли психиатрам вылечить на эти деньги хоть одно психическое заболевание? Вопрос риторический.

Сегодня в мире все более серьезной проблемой становится подростковая наркомания. Однако мало кто задумывается о ятрогенных (связанных с психиатрическим воздействием) причинах возникновения этой болезни. Между тем автор статьи, по образованию врач, выпускник Ленинградского педиатрического медицинского института, прошедший специализацию по иглотерапии, хирургии, ультразвуковой

диагностике, а также детской и подростковой психотерапии, знаком с проблемой не понаслышке.

С введением «Международной квалификации болезней 10-го пересмотра» (подразумевается очередная, десятая редакция этого документа) в нашей стране появились и новые, имеющие отношение к поведению детей психиатрические «диагнозы», такие как синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ, англ. ADD); синонимом этого термина является «расстройство с недостатком внимания из-за повышенной активности (РНВПА)». К нему близок синдром дефицита внимания (СДВ, англ. ADHD) и (почти то же самое) расстройство с недостатком внимания (РНВ). Что это такое?

Критерии для постановки СДВГ (РНВПА) в качестве диагноза ребенку состоят из 14 пунктов, включая такие позиции, как «затрудняется играть тихо», «часто и чрезмерно говорит» и «часто теряет вещи». После того как в 1987 году СДВГ был добавлен в «Диагностический и статистический учебник душевных расстройств» (DSM), используемый официальной американской психиатрией, в течение одного года этот диагноз был поставлен полумиллиону американских детей. Спустя десять лет цифра возросла до 4,4 миллиона.

Однако появление «новой болезни» критикуется самим же сообществом врачей. Так, доктор Фред А. Боман-мл., невропатолог-педиатр и член Американской академии неврологии, с которым я лично знаком, утверждает, что СДВГ и прочие «психические патологии» детства, а также «исследования снижения способностей» являются искусственным изобретением и мошенничеством на все 100%¹. Он подчеркивает, что официально утвержденные психиатрические критерии СДВГ вводят в заблуждение родителей, внушая им, что их дети страдают психической патологией, требующей лечения сильнодействующими лекарствами.

Кстати, хотите узнать, каким образом Американская психиатрическая ассоциация (АПА) утвердила диагноз? А очень просто: голосованием. Собрались маститые «дяди» и «тети», немножко поболтали и большинством голосов приняли решение о том, что такое душевное расстройство существует. Представьте себе, если бы собрались авторитетные хирурги, вздумавшие решать, есть ли у больного аппендицит. Очевидно, что подобное немыслимо в хирургии, но в психиатрии (по крайней мере, заокеанской) это норма жизни!

Научные исследования, проведенные в Соединенных Штатах врачами-неврологами, выявили, что учителей и детей самым бессовестным образом обманывают, когда называют обыкновенное детское поведение болезнью. Все чаще школьный психолог или психиатр говорит родителям чересчур активных детей, что их дети страдают СДВГ, ссылаясь при этом на некое «заболевание» мозга или химический дисбаланс в нем. Естественно, утверждается, что это хорошо распознаваемая медицинская проблема, требующая длительного лечения. Довірившись мнению «специалистов», родители соглашаются на лечение своего ребенка препаратами. Детям прописываются разнообразные психиатрические стимуляторы (разумеется, не бесплатные), приводящие к наркотической зависимости. Для миллионов детей США, Великобритании, Канады и Австралии выдуманные психиатрами «расстройства поведения» стали настоящей трагедией.

Между тем педиатр М.Н. Блок, автор труда «Больше никакого СДВГ», говорит, что не существует никакого надежного способа выявления таких «расстройств». В свою очередь, психиатр и невролог Сидни Уокер III, написавшая книгу «Трюк с гиперактивностью», утверждает: «Гиперактивность – это не заболевание. Это трюк, придуманный врачами, у которых нет ни малейшего представления о том, что на самом деле не так с этими детьми».

В 1997 году Международный комитет по контролю наркотиков при ООН потребовал от правительств всех стран проявлять «предельную бдительность с целью предотвратить слишком частую постановку диагноза “Синдром дефицита внимания” и его «лечение, неоправданное с медицинской точки зрения». В 2000 году Совет Европы подписал предложение о принятии резолюции под названием «Прекращение постановки ошибочных диагнозов детям», призывающее изучить вопрос неверной диагностики СДВГ и принять все возможные законные меры с целью «сократить уровень злоупотреблений психиатрическими наркотиками среди детей».

Президент Международной гражданской комиссии по правам человека Д. Истгейт утверждает: «Процедуры удержания и стеснения психически больных пациентов являются самым ярким показателем варварства психиатрических методик, которые психиатры предпочитают называть терапией или лечением. В проявлении жестокости, с которой пациенты подвергаются “процедурам” стеснения, психиатры не делают скидок даже для детей и подростков, как того, казалось бы, ни требовало чувство сострадания».

Эти слова подтверждаются фактами.

Шестнадцатилетняя Рашель Клейборн находилась в 1997 году в психиатрической клинике Техаса. Однажды лечащий врач решил назначить девушке новый препарат. Поскольку она упорно не соглашалась, Рашель уложили лицом вниз на пол, а санитар крепко взял ее за запястья выкрученных за спину рук. После вынужденного принятия «лекарства» девушка успела произнести: «Я задыхаюсь» – и вдруг затихла, из уголка ее рта тонкой струйкой потекла кровь. Обмякшее тело завернули в одеяло и бросили в изолятор. Никто не увидел, как она умерла.

Новозеландец Мансель Уотин, 29 лет, умер в психиатрической больнице г. Харрингтон после применения к нему мер стеснения. Проведенное по этому случаю правительственное расследование показало, что Мансель погиб от перекрытия дыхательных путей, отбиваясь от работников больницы, которые пытались его связать. Десять (!) медсестер удерживали молодого человека, связав его лодыжки пижамой. Затем они потащили его вниз по коридору и бросили в изолятор, где он и умер. Транквилизатор был введен уже в мертвое тело.

Нам скажут: что вы все про Запад, а где же Россия?

Отвечаю. За последние годы в отечественных СМИ все чаще стала появляться информация о СДВГ, конечно, с рекомендациями обследования и лечения гиперактивных детей. Зачастую эти статьи публикуются с подачи недобросовестных психиатров, прямо или косвенно заинтересованных в продвижении на российский фармацевтический рынок психостимуляторов – препаратов, изменяющих сознание, употребление которых часто вызывает появление зависимости.

Вот выдержки из резюме по задокументированным Гражданской комиссией по правам человека Санкт-Петербурга случаям (имена изменены).

Случай первый. В феврале 1999 года в комиссию обратилась госпожа Долгих с просьбой помочь ей снять с учета в психоневрологическом диспансере (ПНД) своего четырехлетнего сына Михаила, которому в три года после тестирования в ПНД поставили диагноз: задержка психического развития (ЗПР). Нужно отметить, что это тестирование являлось обязательным для поступления малыша в детсад. Мать не проинформировала о том, что означает диагноз и каковы будут последствия. Через два месяца она решила перевести сына в другой

садик с логопедической группой и снять его с учета, так как не видела необходимости в наблюдении у психиатров. В ПНД врач опять протестировала мальчика и отказалась снимать его с учета. Мать говорила, что сын знает буквы, различает цвета, у него отличная память, он спокойный, уравновешенный и очень любознательный. Единственная проблема – не выговаривает некоторые буквы. Мы помогли ей составить заявление на имя главного врача ПНД, и мальчик был снят с учета.

Случай второй. К нам обратилась гражданка Толстова с жалобой на психиатров из детской психиатрической клиники (ДПК), отказывающихся выписать ее дочь Василису. Девочка из-за конфликтов со сверстниками и отставания в обучении после рекомендации психолога была направлена в ДПК якобы для обследования. Матери было сказано, что в любой момент она может дочь забрать. Василису сразу же приняли «лечить», то есть пичкать лекарствами. Из-за больших доз возникли побочные эффекты, включая аллергическую реакцию, из-за которых девочка в течение месяца находилась в реанимационном отделении педиатрического института. Попытка матери забрать девочку из психиатрической больницы закончилась судом и решением о недобровольном лечении.

После обращения в комиссию и получения не только юридической, но и моральной поддержки мать добилась постепенного снижения дозы психотропных препаратов и выписки дочери Василисы через три недели.

Третий, аналогичный случай. В ДПК находился подросток Коля. У него были проблемы в обучении, вызванные как соматическим заболеванием, так и переживаниями из-за нескладывающихся отношений с девушкой. Юноша был госпитализирован по настоянию психиатра, так как в его высказываниях «жить без этой девушки не хочу» врач усмотрел «суицидное намерение». И снова были применены антидепрессанты, он был выписан лишь через несколько месяцев после длительной борьбы матери с психиатрами, включая заявления в судебные инстанции, обращения в прессу, еженедельные беседы с врачами о выписке в срочном порядке.

Ни одна из областей медицины не задает столько работы правоохранительным органам. Так, только с августа по ноябрь 2006 года было осуждено или поймано с поличным за противоправные действия шесть психиатров.

Приговором Сызранского городского суда от 1 августа психиатр-нарколог Сергей Извеков признан виновным в совершении коммерческого подкупа. Он требовал в целях личного обогащения от поступившего в больницу с пищевым отравлением машиниста станции Сызрань И. Федосеева 3 тысячи рублей, угрожая при отсутствии «вознаграждения» поставить на наркологический учет. 26 августа в Октябрьском суде г. Красноярска вынесено решение по делу главного врача краевого психоневрологического диспансера Михаила Соколова, признанного виновным во взяточничестве и оштрафованного на 400 тысяч рублей с одновременным запретом занимать административные должности в течение трех лет.

22 сентября в Екатеринбурге вступил в законную силу приговор в отношении психиатра-нарколога городской клинической больницы № 14 Александра Сиротюка-Ордината, который получил от мужа одной из пациенток 3 тысячи рублей за то, чтобы женщина не попала на психиатрический учет.

Психиатр Александр Квиринг из Мурманской области был взят с поличным и 25 сентября осужден на 3 года 6 месяцев условно за взятки, которые он брал с призывников. 4 ноября в ходе проведения оперативных мероприятий в Хасавюрте сотрудниками УБЭП МВД РД при получении взятки в сумме 2000 рублей задержан врач-психиатр поликлиники № 1, требовавший деньги за выдачу направления на стационарное лечение.

Наконец, несколько лет назад Санкт-Петербургский городской суд вынес приговор по делу «банды наркологов». Бывший главный нарколог по Северо-Западному федеральному округу и бывший врач главной наркологической больницы города Сергей Тихомиров был приговорен к 10 годам строгого режима за организацию и соучастие в убийствах и покушениях на убийство своих сослуживцев.

Преступность среди психиатров не является характерной лишь для России. В международном масштабе среди врачей различных специальностей они лидируют и по количеству уголовных преступлений, и по числу самоубийств.

И вновь цитата из выступления Д. Истгейт: «На первый взгляд, кажется очевидным, что психиатрическая “помощь” и убийство пациентов – это две несовместимые вещи. Вряд ли кто-либо предполагает, что в психиатрических больницах пациентов ждет смерть. Однако именно это происходит каждый день в глухих стенах психиатрических больниц по всему миру под бдительным оком психиатров. Психиатрические приемы усмирения и стеснения есть не что иное, как “нападение и

физическое насилие” во всех отношениях, за исключением одного: эти методы узаконены. И поэтому каждый год умирают тысячи людей».

Правозащитники из Гражданской комиссии по правам человека считают своим долгом поставить всех в известность о мошеннической практике установления детям выдуманных диагнозов. Вполне можно предположить, что некоторые детские психиатры, устанавливая диагноз СДВ и СДВГ, не стесняются вмешиваться в личную жизнь граждан и жестоко обращаться со своими несовершеннолетними пациентами. Все это, по моему глубокому убеждению, является грубым нарушением ст. 3 и 5 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека.

Именно поэтому активисты Гражданской комиссии по правам человека выступают против постановки детям ложных психиатрических диагнозов и навязывания им психотропных препаратов и считают, что у каждого из детей есть неотчуждаемое право на жизнь, распоряжаться которой упорно стремятся слишком многие «врачеватели души».

Каникулы

Кто-то визжал и орал так, что даже тут, за дверью, дрожали стекла и звенело в ушах. Вовка бросил в ведро с водой грязную тряпку, которой он мыл стены, и прильнул к замочной скважине, пытаясь рассмотреть, что же там, на отделении, происходит.

– Ну, что там? Все отделение разом спятило? – Гусь стоял на стремянке и тщательно протирал тряпками окно, за долгую зиму перемазанное всякой дрянью, а сейчас, в первый весенний день, настужь распахнутое санитаркой – чтобы они его помыли.

– Мальвину вяжут, – наконец рассмотрел он что-то сквозь скважину. – Не-е, не вяжут... поволокли куда-то. Из резервации по коридору... в «темную». Потому она так и орет! Царапается... курила, наверное... – Он все понял и поднялся с колен.

«Резервацией» они меж собой называли специальную палату для детдомовских. Мальвина – девчонка детдомовская, а их, детдомовских, сюда, как в резервацию, за плохое поведение и оценки ссылают на каникулы.

– Мыра, наверное, выпендривается, как всегда.

Гусь не слез, а спрыгнул со стремянки и прилип к замочной скважине, но представление уже кончилось; визг Мальвины слышался уже откуда-то издалека, как и крики санитарки. Мыра вопит, конечно, а кто ж еще-то – ее же смена!

Волокут, ясное дело, со старшими; персонал постоянно человек пять таких на отделении держит, из тех пациентов, кто покрепче и постарше, – для силовой поддержки, как они говорят, для помощи: те, кто послабже, – полы моют, обед носят и все остальное, а покрепче кто – за порядком на отделении следят, персоналу помогают. Можно, конечно, и простым пациентом быть, лежать на кровати и ничего не делать – обед не таскать, даже полы в палате не мыть, но это нужно

быть из семьи, «домашним». И чтобы к тебе папа-мама или бабушка регулярно ходили, да чтобы они поскандальнее были, а нет никого ? в распоряжение старших поступаешь...

Персонал старшим за это, за помощь, ? сигаретами, а медсестра ? так и таблеточками хорошими, и пожрать, само собой, не как всем, хоть из того же котла. От них, от этих помощничков, ни в туалете, ни под одеялом не спрячешься, они везде, в каждой палате по человеку, они-то все видят, и им еще надо что-то из передачи или из сигарет отстегивать ? не отстегнешь, так они тебе ночью «темную» устроят, хотя какая уж тут «темная» ? все всех поименно и в лицо знают, но так по правилам положено: одеялом накроют и молотить примутся, и лучше не орать – и для здоровья лучше, и безопасней: орать начнешь ? нейрорептики в уколах заработаешь за то, что «сон нарушен и среди сверстников адаптироваться не можешь». Вовка сам однажды такую формулировку от врача слышал, как раз после «темной», когда тот распоряжения медсестре отдавал. А если сон хороший и нарушать они его не хотят, то головой в унитаз опустят и воду сливать примутся – они это водными процедурами называют!

Гуся в это дело тоже втянуть хотели, Вовка помнил, но Гусь детдомовский, не «домашний», а таким они не очень доверяют, во он и не поднялся выше поломоя, хотя силы у него ? ого-го-го! Ему через месяц пятнадцать стукнет, и прощай детское отделение, переведут на взрослое: его-то точно переведут, дня не задержат, а вот тех, кто «за порядком следит», и до шестнадцати держать могут...

- Все, в побег уходим, пока возможность есть! ? Гусь со злости запустил тряпкой в раскрытое окно. ? Мыре выговор будет, и премиальных лишат: она нас сюда, в коридор, выпустила и окно открыла! А если на взрослое переведут ? оттуда уже не сдернешь!

Ты ведро с водой поставь к двери ? когда откроет, опрокинет. Пусть, падла, сама убирает! Пошли!

- Я не пойду. ? Вовка растерянно смотрел в сторону: не принято так у детдомовских; все нужно делать дружно. ? Я Вере Васильевне сегодня огород обещал вскопать до конца... я же ей только половину сделал...

-Ты, салобон! ? Гусь закатил ему пощечину ? А если не Мальвину, а тебя в «темную»? Это как?! Хочешь? А Вера Васильевна ? она такая же, как Мыра, только хитрее и в другой смене. Была бы хорошая? тут бы не работала! Да ты пойми, ? убеждал его Гусь, ? я в побег уйду ? тебя накажут: почему не сказал им, не предупредил?

- Я же останусь, ? возразил ему Вовка. ? Меня-то за что наказывать?

- Так ты что, мне не веришь, что ли, в «темную» хочешь? Тебя-то они туда определяют быстро – ты «дикий», не домашний!

Вовка туда не хотел ? один-то разочек он там уже был, да не просто так загорал, а без «рациона», как они говорят, то есть не кормили. Поэтому той комнатухи он боялся больше уколов, а за «соучастие в побеге» можно все сразу схлопотать: на ночь сволокут туда, в подвал, да еще одежду отнимут, а утром, перед тем как смену сдать, вернут в надзорку и аминазином шпиганут, чтобы «успокоился и выспался».

Вообще-то там бы сидеть ничего, даже спокойней, чем на отделении, лишь иногда сверху гул слышен ? это когда все на обед или на прогулку идут, но там спать нельзя: ночью крысы чуть ли не по голове ходят!

Он там всего две ночи за курево торчал, а потом месяц как страшный сон вспоминал: только задремлешь ? они уже тут как тут! Персонал даже различие в приговоре делает: на день пойдешь ? это еще ничего, терпеть можно, а вот если на ночь, да не на час-два, а на всю!

- Ну, так что, ты со мной, или как? ? Гусь наезжал, требуя ответа.

- Да не могу я! ? Вовка чуть не плакал. – Может, потом, вместе, а?

- Ну, не хочешь, не надо, не пожалей только об этом и меня не ругай. Тогда мы сейчас так сделаем: ты на атасе стой, а я из окна ? на козырек над входной дверью, видел? Оттуда на землю прыгну ? там метра два, не больше, а забор рядом! Если в этот момент Мыра явится проверять нас, так ты ори, что я в побег ушел, может, тебе ничего и не будет. А если все тихо, молчи до последнего, у меня времени больше будет, чтобы оторваться: мне еще до трассы добежать нужно и на попутку сесть! И вот что: в палате у меня, в гашнике моем ? знаешь, под кроватью, у плинтуса, ? сигареты там, спички, «цикла» и другие «колеса»... Возьмешь... Давай рубахами меняться, твоя-то поцивильней, не такая приметная ? Гусь подергал плечами, пытаясь растянуть тесную рубаху. ? Куда в моей-то? ? словно оправдывался он. ? Она же полосатая, как у эка, еще и штемпель на самом видном месте, дурдомовский!

Вовка послушно стащил с себя рубаху и молча ждал.

- Ну, чего, начали? Давай к двери на атас, быстро! ? Гусь залез с ногами на подоконник и руководил оттуда, словно полководец.

Вовка встал у двери на колени и уперся одним глазом в замочную скважину, потом подставил туда, к скважине, ухо, пытаясь услышать, что там, на отделении, происходит.

- Ну, что?? Гусь от нетерпения танцевал на месте, словно застоявшийся конь. ? Что там? Что молчишь?!

- Да ничего не слышно, и на коридоре никого нет: они сейчас, наверное, все Мальвиной заняты. Давай! ? словно благословляя его, махнул рукой Вовка. ? Ты сначала на улицу посмотри, нет ли там кого-нибудь... посмотри обязательно!

Гусь высунул голову и посмотрел по сторонам: мера-то действительно не лишняя ? в поселке сплошь больничный персонал живет.

- Что там? ? Вовку тоже охватил азарт.

- Все тихо... я пошел!

Вся операция заняла у него не больше минуты: он спрыгнул на карниз, оттуда кубарем скатился на землю и, уже сидя верхом на больничном заборе, махнул в последний раз Вовке рукой.

Тот чуть не заржал: ну и дура же Мырма, если думала, что со второго этажа им не убежать ? это при открытом-то окне!

Вовка проводил Гуся тоскующим взглядом, в душе шевельнулось на какое-то время сомнение: а может, действительно дернуть вместе, пока не поздно, ? иного пути отсюда для детдомовского нет: кто его возьмет и куда?

Для дурки-то это выгодно ? пока он тут, у них идут койкодни, а это работа и деньги... Амнистий в дурдомах не бывает, даже для малолеток, и смерть от медикаментов ? то, что называется «залечили», ? дело обычное, особенно если нет родственников...

Но было уже поздно: знакомая рубаша мелькнула где-то на дороге и скрылась в кустах.

Теперь предстояло самое трудное: убедить Мымру, что он тут ни при чем...

Хорошо бы одну Мымру, бошка-то у нее деревянная, а на смене еще медсестра и санитар!

Мыть стены и окна теперь не только бессмысленно, но и глупо: теперь за все это можно получить лишь «кулазин» вперемешку с аминазином. Чего он, дурак, что ли?

Первым делом Вовка вывернул все карманы наизнанку: шмон после побега будет обязательно, искать будут «улики», и от них нужно избавляться. Полпачки сигарет и спички он запихнул за батарею, напоследок выкурив одну: если запрут в надзорку на неделю, не покуришь! Потом поставил ведро к двери, как посоветовал Гусь, спустился вниз и сел на лестничные ступеньки.

Ждать пришлось минут двадцать, не больше. В замке защелкал ключ, и через миг ведро, подшибленное дверью, полетело вниз по лестнице, с каждой секундой набирая скорость и грохоча все громче.

- Что это вы удумали! Надо ж было ведро в сторонку поставить! Подотри быстро, пока не развезли по коридору.

Мырма стояла на площадке и смешно, будто курица крыльями, размахивала руками и словно не говорила, а кудахтала ? такая тетя, килограмм на сто весом! Глядя на все это, Вовка заулыбался.

- Чего лыбишься? ? начала выходить она из терпения: у нее от хорошего настроения до «психа» один миг! ? Чего смеешься? Где второй?! ? наконец спохватилась она. ? Второй где, я тебя спрашиваю? ? и выпучила глаза словно рыба, выкинутая из воды. Вовка не выдержал и заржал.

- А-а-а-а! ? Она взглянула на открытое окно, и тут до нее дошло.

- Вам, ур-родам, ничего нельзя доверить! ? и попыталась дать ему затрещину. Вовка увернулся.

- Так, давай на отделение! Я кому сказала?! Или мне санитаров позвать?

Сопротивляться и упрямиться было не только бесполезно, но и опасно: без ущерба для здоровья это не закончится.

Он послушно двинулся на отделение, виновато наклонив голову, хотя в глубине души вины своей не понимал: сдернул-то Гусь, не он же, за что его-то «душат»?

- Давай в процедурку! ? командовала она, сейчас, когда дверь за спиной захлопнулась, она уже ничего не боялась и закатила ему хорошую затрещину. ? Сейчас мы с тобой разберемся!

Медсестра оторвалась от «Журнала наблюдений», который заполняла, и уставилась на них непонимающе: в процедурку просто так не попадешь, между ней и отделением коридор и прихожая, три двери, и без разрешения туда не войти, а тут нарисовались, и без спросу...

- Ты посмотри только на этого голубчика, ? с порога запрочитала Мырма. ? Чего они удумали-то: один в побег ушел, их же, детдомовский, а этот ему помогал!

- Да не помогал я, сам он, ? оправдывался Вовка.

- А-а, так ты все знал! ? завывала Мырма.

- Да замолчите вы наконец! ? рявкнула медсестра. ? Не вязать же его тут!

- Что случилось-то? Как убежал? ? спросила она у Мымры.

Та затараторила и принялась рассказывать про генеральную уборку, про окна, которые нужно было мыть...

- Так ты что, им окна на коридоре открыла?! ? наконец поняла все медсестра: окна в психушке с небьющимися стеклами и закрываются на замок, а ключи от замка ? у персонала.

- Ну, ты молодец! Ты бы им еще двери открыла! ? наинулась на нее медсестра.

- Так генеральная же... ? оправдывалась Мымра. ? И ты сама разрешила!

-Я тебе разрешила взять их на уборку, но не окна же им раскрывать! А если открыла, так не уходила бы: не дураки же они сверху прыгать у тебя на глазах!

Брать ответственность за побег не хотел никто: это ж не просто выговор будет, это и премия за квартал полетит в тартарары! Могут и уволить ? это смотря кто и как убежал...

- Ну почему это всегда в мою смену: то в «темную» кого-то волокут, то побег? Почему в других сменах этого не бывает? ? ныла медсестра.

У Вовки так и чесался язык сказать ей: это потому, что вы сами уроды ? вот вашу смену и выбирают! Хорошую-то смену никто подставлять не станет, и если побег или что еще намечено, то сделают это в ту смену, где больше всего издеваются! И про премиальные все знают...

- А что с ним теперь? ? Мымра показала пальцем на Вовку. ? Куда его?

- Куда? В надзорку веди, Степану Ильичу сдай его и пусть обыщет, а сам пусть сюда идет, на вокзал поедет этого змееныша ловить: он ведь уже, небось, на поезд пристраивается! ? ехидничала медсестра, имея в виду Гуся. ? Тоже мне побегушники! Его же через час сюда доставят. Куда ему, интересно, ехать, если он из детдома? И себе, и нам проблем устроили: теперь еще и в милицию сообщать... А ты, ? напомнила она Мымре, ? у надзорки сядешь!

Вовка плелся по коридору, и в душе у него все бунтовало против этого наказания: получается, лучше б он вместе с Гусем сдернул! Тогда бы всю смену трясли за групповой побег и не так, как сейчас будут трясти! Правильно однажды сказал Гусь: чем хуже себя ведешь в дурке, тем лучше для тебя и, наоборот, чем лучше ведешь себя, тем хуже для тебя. Персонал за твое плохое поведение и непредсказуемость твою на тебя просто ссыт и молча ненавидит, но без необходимости не трогает. Так пусть лучше ссыт и ненавидят, чем презируют за покорность! Они это «дифференцированным отношением» называют.

- Ты шевелиться будешь или нет? ? торопила Мымра. ? Или старших позвать?

Вовка прибавил шаг: со старшими, с этими козлами, он не хотел иметь никаких дел, если им отдадут на растерзание, получится, что накажут дважды ? сначала через них, через строй пропустят, а потом накажут за то, что «драку спровоцировал».

- Вот, забери его ? кивнула она Степану Ильичу. ? Пристрой поуютней... они побег организовали, ну, вдвоем с этим, из их палаты... Этот не успел, я пришла вовремя, а тот сбежал! Тебе за ним на вокзал ехать нужно, а я тут останусь. И обыщи его, обыщи! Сигареты у него должны быть, должны!

«Еще бы тебе этого не знать, ? думал Вовка, выворачивая карманы. ? Сама же те сигареты за работу и давала! У вас всегда так: один дает, другой отбирает, и эти же сигареты следующему за работу отдает ? на детском отделении табака быть не должно, в магазине его не выписывают, на свидания никто не приносит, а откуда все поступает? Да от них же!»

- Все вещи сюда, в кучу.

Степан Ильич даже не поднялся со стула, чтобы обыскать его: у них в поселке все мужики ? либо рыбак, либо пьяница. А он рыбаком не был, и после двух выходных даже встать со стула было тяжело.

- Куртку давай сюда, ? протянул он руку и принялся выворачивать карманы.

- Пустой... Спрятал уже? ? и понюхал вывернутый карман. ? Тебя за один запах наказывать можно. Нет, ну ты только понюхай! ? пихнул он куртку под нос Мымре. ? И он еще говорит, что не курит!

- А что мне нюхать, я это и так знаю! У него всегда сигареты. По нему давно тюрьма плачет!

- Ну, ничего, я из города приеду, и пойдешь ты у меня на ночь в «темную», она как раз к тому времени освободится. Вместе со своим корешом пойдешь, уж я постараюсь! ? Степан Ильич собрал вещи в кучу и вышел с ними из надзорки, оставив Вовку в нижнем белье: пижамы тут не полагалось, только нижнее белье, а если надо в туалет, выдавался халат ? он был один на всех и висел за спиной у санитара.

Мымра сразу же уселась на его место у входа ? не обойдешь и не объедешь, такая глыба мяса одной рукой придавит!

- На кровать садись и по палате не болтаться, иначе я тебя быстро оформлю, как вон этих, ? кивнула она в сторону двух мелких, что простынями были к батарее привязаны: а не бегай по палате!

Откуда-то из «детской» доносилась песня: они сейчас там хоровод водят и поют, и это успокаивало и радовало ? от этой песни и хоровода можно только в надзорке и на работе спрятаться, а у них там не присядешь и рта не закроешь ? сразу поволокут на укол в процедурку!

Часа через два Степан Ильич нарисовался и, как всегда, «датый». Вовка это сразу заметил, у Степана Ильича только два состояния бывает: пьяный или с похмелья... Ну, понятное дело, не мог он поездку в город просто так, без пользы для дела пропустить!

Мыра сразу же куда-то испарилась по своим делам, успев что-то пошептать ему на ухо, косясь при этом на Вовку.

Степан Ильич привычно устроился у двери на стуле и принялся разглагольствовать вслух, обращаясь при этом непонятно к кому.

- Вот куда, непонятно, рыпаются? В побег! А дальше-то что? ? ехидничал он. ? Даже до вокзала не добрался, я его еще по дороге отловил! Побегушник! Кстати, почему на нем твоя рубаха оказалась, ты не знаешь, а? Я еще на отделении заметил, что на тебе другая, но значения тогда не придавал, а на улице я его сразу усек: нормальные люди в старых солдатских гимнастерках по городу не разгуливают! Это только кто-то из дурдома может быть: я со спины его увидел и сразу опознал, даже в лицо не заглядывая. Ну, артисты!

А вот за рубаху ты от меня получишь! То есть не за рубаху, конечно, а за помощь в побеге, за соучастие! Знаешь, что по закону положено за соучастие в преступлении? Вот это ты и получишь: почти то же самое, что и преступник! А у него теперь будет возможность сравнить, где лучше ? на детском или на взрослом. Его, голубчика, после побега сразу из приемного покоя на взрослое отправили, на буйное ? ему пятнадцать скоро!

На пороге появилась Мыра с Вовкиными вещами под мышкой и принялась что-то недовольно шептать на ухо Степану Ильичу.

Тот взял из рук у нее вещи и бросил их перед Вовкой на кровать:

- Одевайся, тебя в процедурку... Но для тебя это всего-навсего условно-досрочное: сейчас тебя на огород работать забирают, протекция у тебя хорошая, а вечером мы снова с тобой встретимся. А знаешь, что с человеком бывает, если он условно-досрочное наказание не выдержит? Тогда наказание вдвойне: и за старое, и за новое!

Вовка на него внимания не обращал, молча напяливал брюки: с этой скотиной только зацепись словом, шага из надзорки не сделаешь, еще и искупает в ванной ? сейчас ему острых ощущений только подавай! О ванной не хотелось даже думать: это совсем не то, что в озере иску-

паться, спеленают «куколкой» в простыни, да потуже, потуже, и в холодную воду с головой, и так несколько раз, пока захлебываться не начнешь и не «успокоишься», а потом еще сырого привяжут на кровать, где-нибудь недалеко от батареи ? если хочешь быть здоров, закаляйся! Мыра еще и прикалывалась: водные процедуры нервную систему укрепляют! Укрепляют, это Вовка знал точно: ванна и мокрая «куколка» всех успокаивают, не бывало такого на его памяти, чтобы испугали, привязали, а все равно не успокоился!

- Ну, так до вечера? ? Степан Ильич шутливо сделал ему ручкой. ? Буду ждать!

Вовка не шел, а летел на крыльях по коридору: в жизни нет ничего лучше, чем покинуть отделение, даже просто на прогулку выйти ? как отпуск, а уж на «работы», на огород!.. Ты там сам себе хозяин, одно ощущение свободы чего стоит!

В коридоре, перед процедуркой, его уже ждала Вера Васильевна ? кто же еще-то?!

- Собирайся, я договорилась, уже расписалась за тебя, до вечера забираю.

Огород у Веры Васильевны был большой. Вовка посчитал его еще раз шагами: на этот раз выходило двадцать восемь. Ну, не важно, решил он, будем считать, как получилось в первый раз ? двадцать шесть, и, отступив к изгороди, принялся за работу. Сапоги сразу же начали сваливаться. Еще бы им не сваливаться, подумал он, четыре размера лишних, а портянки одни дали! Он остановился на минуту-две, чтобы подвернуть голенища ? на икрах держаться будут! ? и принялся копать дальше.

Да и откуда им быть по размеру, кирзачам-то, подумал он, если они списанные сюда идут из рядом стоящей воинской части: солдат-то не бывает с тридцать шестым размером ? в армию идут с восемнадцати, а на детском до пятнадцати лет... Ему, правда, и тринадцати нет, и на детское он попал случайно: ну что это за болезнь, если его учительница треснула по затылку линейкой, а он ей в ответ классным журналом? А сразу заблажила-запричитала, обидели, мол, ее, и в учительскую, а оттуда уже вместе с директоршей ? его за ухо и к врачу. Вечером все на ужин пошли, а он сюда, в дурку...

Вот с тех пор жизнь и пошла веселая: лето приходит, весь детдом в пионерлагерь, а он в психушке парится ? каникулы, ничего не скажешь!

Вовка остановился, облокотился на лопату, и, достав из кармана пачку сигарет, закурил, искоса поглядывая по сторонам ? вдруг кто из

персонала или поселковых увидит? Тогда все, крышка, сразу закроют, и Вера Васильевна не поможет, с отделения ни-ни, и на уколы ? сера там или аминазин, это уж что им в голову взбредет, но хрен редьки не слаще, это Вовка знал точно, пробовать приходилось!

В прошлом году ? и что ему тогда в бошку ударило? ? взял да и ушел с работы: проще сказать ? сбежал... Но ведь и понять его можно: лето стояло, на небе ни облачка, синь одна до горизонта, и вот на покос выгнали в подсобное хозяйство ? ишачить на этих коров, молока-то все равно не увидишь! А тут голову из кузова высунул, когда домой уже везли: озеро у дороги, по ту сторону лес, а по эту ? сразу у дороги песок...

Машина только скорость сбросила, когда в гору пошла, ? и сиганул он в кювет. Вот житуха-то была! До сих пор снится: плот смастерил, переплыл на тот берег и уж душу отвел ? купался до посинения!

Но та жизнь, как у Робинзона, кончилась быстро: на вторые сутки жрать захотелось так, что сил просто нет! Сначала пытался грибы собирать и ягоды, даже рыбу ловить пытался, но как ты ее в озере без инвентаря поймашь? Дохлое это дело!

Поехал в детдом ? а куда еще? ? но на вокзал только вышел, и на тебе, ждут: «скорая» в сторонке стоит... Как догадались-то?

Привезли тогда на отделение, врач даже разговаривать не стал ? в изолятор и на уколы сразу, а уколы те ? ого-го-го! До сих пор зад ноет при одном воспоминании, словами не расскажешь.

С тех пор он боялся уколов. И к концу лета в тот год, как обычно, не выписали: оставили до зимы, к Новому году лишь в детдом вернулся. В школе тоже отстал ? столько пропущено! ? и директорша теперь чуть что ? сюда голубчика! Хотя и тут было бы не хуже, если б не таблетки и за любую провинность не грозили уколами: в школу ходить не надо, сиди себе в палате ? тут дурдом и там дурдом! Можно и на работу записаться, но работать нужно регулярно: кто из бригадиров ходить будет за тобой, если неизвестно, пойдешь ты или нет? Помогать персоналу по хозяйству ? это самое лучшее: и пожрать дадут, и на поведение твое сквозь пальцы смотрят. Считай, у каждого врача или медсестры таких больных два-три, они как приписаны к ним, точно их ответственность ? весной-летом огороды, зимой дрова, и работы той не переделывать ? с утра до вечера....

Но все же лучше, чем в лечхозе: туда брать-то берут, а что с них толку. Взрослым на день за работу дают пачку сигарет, а ему, видите ли, курить рано ? не дорос еще! Трудотерапия!.. Или, как они ее меж собой зовут – «трудотирания»: работу-то с него требуют как со всех,

как с взрослых, а покурить так фигурки? А тут работу закончил и все получишь: Вера Васильевна и накормит, и курить с собой даст, и в ее смену всегда себя свободней чувствуешь...

Вовка оторвался от своих раздумий и еще раз взглянул на огород, потом, словно не поверив себе, втоптал в землю окурков и шагами измерил то, что сделано: оказалось почти восемь. Он вздохнул с сожалением ? мало-то как! ? и опять принялся за работу.

Вообще-то, можно было бы сказать, что не справиться ему одному с огородом в положенный срок, тогда бы Вера Васильевна взяла второго больного с отделения, но что это за работа получится: больше пачки-двух сигарет все равно не дадут, и чего там на двоих делить-то? А сделать все он и сам сможет и без дураков ? еще неделя, считай, в запасе. А сделает все это, можно сажать напроситься, но вряд ли ? не доверяют такие вещи нашему брату: копай, пожалуйста, а сажать ? извини! Как он вскопал ? хорошо или плохо ? проверить можно, и прямо сейчас, сию минуту, а вот если после такого огородника, как Гусь, ничего не взойдет ? кто виноват?

А такое ж бывало, рассказывали. Да и почему бы и не сделать такой подарок «хорошему» санитару в отместку за прошлое? Потому-то после копки две-три недели мертвый сезон: торчишь на отделении и ждешь, пока не взойдет она. И ? окуривать. Это уже лето в разгаре будет, можно купаться попроситься!

Вовка даже потрянул головой от вожделения и, чтобы отогнать его окончательно, снова принялся измерять сделанное. Ого! Он досчитал до тринадцати ? половина! ? отметил это место лопатой и хотел было докопать до него, но тут на крыльцо вышла Вера Васильевна:

- Что ты тут все замеряешь и замеряешь? Пойдем, поешь.

Он радостно воткнул лопату в землю ? есть не работать! ? и пошел в дом.

Солнце перевалило уже далеко за полдень, когда Вовка, отяжелевший и сытый, выбрался после обеда на крыльцо. Работать совсем не хотелось, но не покопать сегодня хоть чуть-чуть было как-то неловко: работал-работал, а покормили ? и все! Вывод напрашивался вроде сам: не кормить! Ну уж дудки! Не то чтобы он совсем голодный был (такое бывает, когда тебя в «темную» без рациона опустят), но пища казенная надоедала быстро ? по меню всегда узнать можно день недели: понедельник, вторник и среда...

Он повздыхал еще и, как бы оправдываясь перед собой за безделье, поправил голенища сапог, чтобы держали плотнее и не натирали мозолей, и поплелся на огород.

Вообще-то, размышлял он, это хорошо еще, что Вера Васильевна его первая забрала на огород, а вот если б Степан Ильич? А кому-то повезет: не сам же он копать будет?! Огород у него в три раза больше, чем у Веры Васильевны, и земля там тяжелая, а получишь от него ? шиш! Табак и спички на детском не положено, а «покомят и на отделении». И попробуй только откажись, он тебе всю жизнь отравит ? из «темной» не вылезешь, пропишет там! Что ему стоит все отделение вверх дном перевернуть и застукать кого-нибудь с сигаретами? Курят-то все!

Конечно, можно было бы от такой жизни того... Вовка хмыкнул. Сейчас-то он уже большой и сделал бы все тип-топ: лесом обойти поселок, стороною, ? все они в дурке работают, хоть один человек из семьи, но обязательно, ? и на трассу, на попутку сел ? ищи потом ветра в поле!

На юг куда-нибудь махнуть, на море, вот там покупался бы да фруктов пожрал! А дальше-то чего загадывать?

Но уж если и на этот раз не повезет и попадешься рано или поздно ? тогда капут: подвала и уколов так и так не избежать, а вот кто потом на работу возьмет побегушника?

Вообще-то Вовке очень хотелось посмотреть на ту, неказенную жизнь, которая бурлила за стеной и куда все так рвались отсюда, да как-то не получалось: сколько себя помнил ? детдом, потом «дурка», и конца этому, похоже, не видно ? там будущее просматривалось хоть какими-то контурами: из детдома училище, работа, а дальше как сам все устроишь...

Тут же выходило, что, если в детдом не вернут, будет совсем плохо: выписывать его можно только с родственниками, а если их нет ? сиди и не чирикай! Придет время, переведут на взрослое отделение, а до совершеннолетия все равно не выпишут, да и как выписывать, если у него и документов-то нет, кроме «истории болезни»? А если все-таки повезет и очутишься каким-то чудом там, за стеной, то ведь и документы ? справки там всякие разные ? будут из сумасшедшего дома. А в паспорте, если он его когда-нибудь получит, прописка будет дурдомовская... Кто его и куда примет с таким волчьим билетом?! Подумать страшно, не только принять куда-то!

От всех этих дум Вовке стало как-то невесело: ну почему такая невезуха и всегда ему? С детского сада, как себя помнит, так и пошло: у всех родители как родители, а тут ? батя пьет, а мать... Мать-то была б живой, его б сюда не отдала! Потому ведь и отправили, что заступиться было некому...

Настроение от таких мыслей у него совсем испортилось. Домой, что ли, подумал он, и, словно услышав его, на крыльцо вышла Вера Васильевна.

- До отделения сам, думаю, дойдешь. Смотри только по территории не болтайся, заметят что один, у меня неприятности будут. На, держи!

На раскрытой ладони она протягивала ему нераспечатанную пачку «Примы» и коробок спичек ? половина его заработка...

- Смотри, спрячь, сегодня Степан Ильич проверять будет...

Он робко протянул руку, будто не за своим, и тут же, словно испугавшись, что отберут, одним движением смахнул все за пазуху.

«Потом спрячу у отделения», ? подумал он, уже шагая по поселку.

В прошлый-то раз он не только огород копал, а пока возможность была, попросил иголку с ниткой ? на отделении не дадут ? и сделал потайной карман на трусах, на внутренней стороне то есть... А что? Дело нужное: всякие там авторучки, карандаши и прочие шмотки лучше, чем в трусы, никуда и не заныкаешь. Не говоря уж про спички и сигареты. Это уж не заныкать никак нельзя: найдут ? сам не рад будешь, всю задницу распишут!

В поселке для этого времени было необычнолюдно: в будни ? несколько человек на улице, а тут прямо целое гулянье. Несколько каких-то полупьяных мужиков шагали по середине улицы, догоняя его. Он тут же посторонился и уступил дорогу: они сами толком не знают, что у них сейчас на уме. Один из них (Вовка знал его), санитар из взрослого отделения, вот возьмет сейчас его за шиворот и стащит в приемный покой как побегушника: один больной по поселку ходить не должен, когда он один, без сопровождения, он сразу вызывает подозрение ? куда это ты? Больных в поселке не любят. Его, больного, сразу видно по номеру и печати дурдомовской на одежде ? меченый. Когда больной один по поселку бродит, это совсем плохо, это Вера Васильевна зря...

Поняв наконец, что толпа идет в сторону клуба, он свернул на тропинку, стараясь обойти это здание стороною, и вышел прямо к больничным воротам, затем обогнул корпус и двинулся мимо прогулочных дворов, обнесенных неровным трехметровым забором. Один детский двор стоял как-то открыто, ненормально показывая свои внутренности: беседка, скамейка, грибки...

Он остановился и подумал: не спрятать ли там все заработанное? Ночью никто не гуляет, значит, не найдут, а утром заберут его на работу, сам возьмет, а не заберут, так на прогулку выйдет. Но, подумав, не решился: а вдруг дождь?

Потом быстро расстегнул брюки, нащупал с изнанки трусов карман и запихнул туда сигареты. Спички же, наученный горьким опытом, вытряхнул из коробка и положил между сигаретами ? греметь не будут!

На звонки долго никто не подходил к двери, потом где-то далеко, на другом конце коридора, слышались шаги ? Степан Ильич, Вовка понял по походке. Потом также долго открывали дверь: нижний замок, верхний замок, контрольный...

Наконец щелкнуло в последний раз, и дверь открылась.

- А-а-а, явился! Дай-ка я тебя посмотрю. Ничего не несешь?

- Нет.

Руки санитара беспорядочно захлопали по карманам пиджака и брюк и случайно наткнулись на что-то твердое там, где карманов быть не должно.

- Что это? Покажи!

- Степан Ильич... пожалуйста!.. Степан Ильич...

- Доставай, я кому говорю!

Вовка попытался сопротивляться, упрашивал не рассказывать никому про сигареты, обещая просто так, бесплатно, вскопать весь огород и наколоть все дрова, размазывал по щекам перепачканными в земле руками слезы, но тут на шум вышла медсестра, и он понял, что «темной» и уколов сегодня уже не избежать...

Александр Муленко

Колечко

Однажды Андрюша попросил у Юры колечко. Маленький мельхиоровый перстенок, на котором алел отшлифованный камушек, кажется, яшма: сочная; яркая, словно вишенка, покрытая для свежести лаком; его когда-то были богаты склоны гор, окружающих наш город.

– Дай мне его поиграть до конца уроков.

Получив согласие, совсем размечтался:

– Миша, а в самом деле пускай я немного побуду вашим князем, хотя бы на часок. Ты не возражаешь?

С такими словами он обратился ко мне и покраснел от возвышенной, неожиданной роли. Недавно учительница истории рассказывала нам о том, как визировали важные документы цари и падишахи; какую имели могучую силу их грамоты, скрепленные печаткой. Приводила примеры из древности, где «добро попирало зло во всех проявлениях». Экскурс в историю не остался в тени ребячьих фантазий. Вот Юра и принес из дома в школу колечко – похвастаться перед нами. Оно тут же пошло по рукам. Это сокровище примеряли на пальцы, пожалуй, все мальчишки, а Андрюша, самый слабый и добрый из них, последним. Дешевая Юркина печатка не имела ничего общего с перстнями сильных. Недорогая поделка. В наше базарное время такими обильно украшены прилавки лотошников, а тогда, для мальчишки семидесятых годов, это было сказочное богатство, услаждающее его общение с друзьями детьми, не имеющими оригинальных игрушек. Раритет.

Шел урок труда. Я был заика, а мои одноклассники Володя и Андрюша болели шизофренией. К учебе в столярке нас троих не допускали, опасаясь, что мы не управимся с режущим инструментом. Осенью мы убрали листья на школьном дворе, зимой – снег. Наставники виновато лукавили, объясняя, что это более важное дело, нежели стро-

гание древесины, но неумелая ложь была прозрачной, хотелось правды. Ставший на два часа нашим князем, Андрюша построил в сугробе сказочный город – столицу справедливой страны. Чтобы закрепить остроконечные шпили его домов, правитель накрошил на них осколки вчерашних елочных украшений и закрепил их корочкой изо льда, поливая водой из старой бесхозной кружки. Рукавички намокли, ладони окоченели, зато архитектурный ансамбль получился на славу. Мы его украсили мишурой и водрузили на башенки тряпочные флажки.

Однако творческие восторги прошли. Возвратить колечко Андрюша не смог. Палец, на который он его надел, безнадежно распух. Шмыгая носом, более от страха, нежели от боли, мальчишка обратился за помощью к школьной медицинской сестре. Ее усилия были тщетны: ни снег, ни мыло не помогли расстаться со злополучной печаткой. Палец начал синеть и нарывать. В срочном порядке Андрюшу отвели в городскую травматологию, где равнодушный хирург поломал колечко щипцами; его обломки исчезли в мусорном баке.

Назавтра Юра потребовал вернуть «печатку» назад, но отдавать было нечего. Об этом узнал Сережа Зуев из пятого «Б» класса, самый авторитетный задира в школе. После уроков он затеял разборки.

– Ты брал колечко?.. – спросил Сережа.

– Брал, – понуро ответил Андрюша.

– Надо его вернуть...

Незадачливый должник испугался и в оправдание взволнованно рассказал о действиях врача во время проведения операции по спасению пальца, но неумолимые взрослые пацаны не захотели его понять.

– Надо набить ему морду, – предложил кто-то из них.

– Пускай он заплатит убытки, – добавил другой.

– У меня не бывает денег, ? захныкал Андрюша.

– Ты попросишь у мамки.

– Она накажет, поставит надолго в угол, а папка даст ремня...

– Тогда иди и шкабай их у салаг, у первоклашек...

– Это нехорошо.

– Найди работу и старайся на совесть, – изгалялись юнцы, – научись воровать или торгуй.

– Я еще маленький, – сопротивлялся мальчишка.

Все рассмеялись. Уже показалось, что разборки зашли в тупик, но, подливая масла в огонь остывающей вражды, Сережа коварно заметил Юрке:

– Ты будешь лохом, если ему простишь.

Так и доньне презрительно называют людей, обманутых ожиданием лучшей доли. Не желая оставаться глупцом среди старших товарищей, Юра рассвирепел и ударил Андрюшу в лицо за беспечность, допущенную в больнице.

«До крови, – заулюлюкали пацаны, – избежь его до крови, разукрась его морду».

Сережа вынес вердикт:

– Три дня тебе сроку, чтобы нашел печатку и вернул ее Юрке, иначе объявим гадом.

Скорый суд состоялся. Гада обижали все, даже первоклашки.

В больнице, куда Андрюша отправился тот же час, про него забыли.

– Какое тебе колечко, мальчик? – удивился хирург.

– Вы у меня лечили вчера вот этот палец.

– Да-а, он все еще синий, я вижу... Зайди-ка в перевязочную, мальш, пускай его тебе продезинфицируют и намажут мазью Вишневского.

– Дяденька, а колечко?... Его вы выбросили в железную урну.

– Каждые два часа ее содержимое мы выносим на улицу в мусорный ящик...

– Может, быть оно еще там?

– Наверное... Но я тебе не советую ковыряться в медицинских отходах, это небезопасно. Если ты получишь инфекцию, то палец мы отрежем раз и навсегда.

– Мне нужно найти колечко, дядя.

– Дайте ему перчатки...

Мусорный ящик был пуст.

Назавтра Андрюша не пришел на уроки. Я соврал учительнице, будто бы он болеет, а между тем причина отсутствия была другая. Мой приятель отправился на свалку в «долину ядовитого дыма». Так называли то нехорошее место, куда вывозили мусор со всех помоек и сжигали его, спасая город от эпидемий. Мальчишка все еще надеялся найти осколки того колечка, надеялся их собрать и склеить эпоксидной смолой. Но из похода он принес на двор только старый пластмассовый пароходик с поломанными колесами да кусок вишневого камня величиной с кулачок.

– Где же колечко? – спросил я.

– Там его никогда не отыскать... Но один беззубый старикан подсказал, что такие вещицы делают эзки. Он и сам был когда-то эзком,

долго сидел в тюрьме, томился, а сейчас живет в вагончике около той свалки и собирает бутылки, чтобы обменять их на деньги. Старикан подарил мне вот этот камень – яшму, ее можно распилить и отполировать до блеска, только я еще не знаю, как это сделать.

– Ты не боишься эзка?... Он же может убить!

В городе и доньне две режимные зоны. В них отбывают наказание преступники, которые плохо учились в школе: не слушались старших, воровали или, не желая честно работать, грабили слабых, как мы, людей. На пушечный выстрел было запрещено подходить к заборам, покрытым «егозой» и колючкой. Ослушника ожидали ремень и лишение улицы на долгое время.

– Еще старикан подсказал, что за пачку чая эзки подкинут колечко, отполированное до блеска. Нужно только договориться с ними о сделке заранее и перекинуть эту пачку на стройку, куда они приезжают рано утром отбывать наказание общества нелегким трудом. Около старого трамвайного кольца есть одна новенькая пятиэтажка. Там эзки остекляют пустые окна и штукатурят.

В город осужденных возили под конвоем и стерегли от побега. Объекты были надежно окружены запретной зоной, внутри которой выпускали собак.

– Да как же с ними договориться? Там же заборы!

– Я уже был на стройке и нашел нужного эзка. Только ты не рассказывай никому, куда я ходил.

– Могила, – заверил я.

Пообещавший Андрюше колечко человек убирал лопатой снег около вагончика, где солдаты прятались от мороза.

– Завтра до обеда мой эзк будет работать на том же месте. Но поменяться нужно так, чтобы охранники ничего не увидели. Иначе меня прогонят, а колечко и чай отнимут себе.

– На что ты купишь чай?..

– Я возьму его дома.

– Тебя накажут..

– Мамка не заметит пропажу.

– А как ты перекинешь его эзку через заборы?

– Полезу на дерево... Но оно очень толстое, и я боюсь, что мне не дотянуться до первой ветки, а дальше бы я поднялся сам и перебросил бы чай с высоты. Оттуда легче докинуть...

- Я помогу тебе подняться.
- Ты хочешь пойти со мной?

Словно бельма, белели новые оконные стекла в пятиэтажке, куда мы отправились утром. Ощетинились инеем колючие проволоки периметра и немногие деревья, нависающие лапами над забором запретной зоны. Парило изо всех теплушек, ото всех теплотрасс. На территорию стройки заехали две зарешеченные машины. Черные, словно вороны, невольники нелепо выпрыгивали из них на снег и, подгоняемые прикладами, строились в две шеренги. Надрывались собаки, стремясь броситься на этих людей, но кинологи их держали на поводке, дальше лая травля не шла. Солдаты пересчитали эзков, развели на работу. Когда последний осужденный исчез в новом доме, пустые машины уехали, стихло. Въездные ворота закрыли на замок, ответственные дежурные разошлись по теплушкам. На какое-то время прилегающая к объекту территория опустела. Из подъезда вышел знакомый Андрюше эзк и отправился в нашу сторону. На плече у него лежала фанерная лопата. Воровато оглядываясь, он подошел к запретной зоне, остановился напротив нас. Я подсадил Андрюшку на дерево. Тот быстро поднялся на ветку, потом еще на одну... Окликнул мужчину.

– Вы принесли колечко?

– Да-а, вот оно... вот здесь, пацан, колечко, – отрывисто гаркнул эзк, потряхивая перчаткой, в которой лежало что-то тяжелое. – Видишь, куда я его положил... Только вначале чай.

Брошенная пачка чая перелетала через забор легко, прямо в руки осужденного, а вот его рукавичка нелепо взметнулась к нам навстречу и... упала в запретной зоне.

– Как мне ее достать? – закричал Андрюша.

– Вечером достанешь... Когда никого не будет на стройке, пацан, расшатаешь в заборе доску. Ты юркий... И заберешь колечко себе, а мне нельзя, пацан, на запретку, меня накажут.

– Там же собаки?..

– Ты возьми колбасы... Покормишь, они не тронут...

Эзк спрятал чай в карман и возвратился в пятиэтажку.

Дома я был наказан. Позвонили из школы. Мама узнала, что я пропустил уроки утром.

– Вот приедет из командировки отец и выпорот тебя, как сидорову козу, ремнем. За что ты его позоришь?

Весь этот вечер я томился в углу. Врал, что попало, надеясь на прощение – кривил душой. Но мои небылицы были бездарны. Андрюше

тоже досталось по самое не хочу. Когда он пришел ко мне в гости, чтобы позвать на улицу да отправиться на стройку повторно, матушка отругала его, заметив, что мы плохо кончим на своем веку, если будем якшаться друг с другом. Он пошел один.

Эзков уже увезли обратно в лагерь. В сторожке было темно. Ее хозяин уснул. Доски в заборе шатались. Одну из них, более слабую, Андрюша оторвал и втиснулся в запретную зону. Злополучная рукавичка лежала на месте. В ней находились осколки кафельной плитки. Растерянный мальчишка их перебрал, но обещанного колечка не нашел. Усомнившись не в эзке, а в себе, машинально начал разглядывать эти осколки снова, но никаких декоративных поделок среди них так и не увидел – меняла его обманул. Появилась овчарка, за ней – вторая. Мальчишка спрятал рукавицу за пазуху, достал колбасу и протянул ее... А это была ошибка: собака взметнулась вверх и сбила Андрюшу с ног.

На следующий день в школе появились сотрудники милиции и кинолог. Нас собрали в актовом зале на лекцию о служебном собаководстве и рассказали, как обучают тюремных овчарок бросаться на человека, предлагающего пищу из рук.

– Вчера поздно вечером ученик четвертого класса Андрей Сургунчиков был задержан немецкой овчаркой Альмой на запретной территории стройки, где в дневное время работает контингент людей, осужденных за особо тяжкие преступления перед обществом. Это насильники и убийцы, общение с которыми строго запрещено. В ходе дознания мы выяснили, что Сургунчиков отправился на стройку в надежде обменять пачку чая на ножик...

Я не знаю, почему Андрюша не сказал в милиции правду. Скорее всего, он боялся, что слово за слово из него вытянут всю подноготную этой некрасивой истории и пострадает Юрка – хозяин колечка. Чувство вины за утраченное чужое добро было сильнее обиды за физическую расправу, нанесенную мальчишками.

Выступавшая после кинолога женщина – инспектор по делам несовершеннолетних – добавила, что Сургунчиков взят на учет в детскую комнату милиции, где, помимо него, состоят другие дети из неблагополучных семей, среди которых Сережа Зуев. Она попросила дирекцию школы выявить круг друзей этих отъявленных хулиганов и серьезнее относиться к вопросам профилактики правонарушений.

В тот же день староста нашего класса Марина Шкурко собрала внеочередной совет пионерской дружины. Она попросила меня рассказать о причине пропуска занятий в школе.

– Вы коротали уроки на пару с Андреем, я знаю.

– Я помогал ему дома по геометрии, он кашляет...

– Ты врешь, Иванушкин. Сургунчиков заболел сегодня. Я уже узнала об этом. Собаки порвали ему зубами лицо, оно стало страшным, как ободранные обои, а врачи приписали ему пятьдесят уколов в живот от бешенства. Ваша дружба становится криминальной. Это не нравится мне и пионерам из нашего класса. Вам хватит общаться... Чего молчишь?

– Я буду с ним дружить, даже если собаки его порвут на мелкие части.

Я покинул это представление, так и не досказав ребятам самого главного – что товарищей не бросают в беде одних.

На улице потеплело, снег немного размяк. Стал податливым, липким. Мне захотелось увидеть город, построенный Андреем, столицу справедливой страны. Внести свою лепту в созидательную игру. Но он весь, до последней постройки был разрушен. Кто-то прошелся ногами по куполам, сжег пластмассовый пароходик. Его уцелевший, покрытый сажей нос, нелепо торчал из снега, словно во время кораблекрушения в море, в ожидании последней волны, несущей погибель. Среди руин лежали порванные флажки, валялись окурки. Я попробовал было поправить центральную башню кремля, но скоро промок, и дело остановилось. Вот здесь и отыскиали меня ребята из пятого «Б» класса. Они напомнили, что завтра оканчивается срок, отведенный Андрюше для возвращения долга: «Ты ему передай, он будет гадом, а ты – его другом. Мы будем чуханить вас вместе». Я возвращался домой с тяжелыми думами – удрученный, уставший, мокрый, пытаюсь представить, как выглядит израненный собаками человек, как неприятно должно быть и больно, когда тебе в живот делают уколы от бешенства.

– Папка приехал, – весело сказала мама, едва я переступил порог квартиры. – Он привез тебе апельсины. Ты поди-ка и расскажи ему, как отбилась от рук.

Мой папка был лучшим монтажником в мире. Ему поручали ответственные работы в Москве. Он всегда привозил оттуда гостинцы. Я с нетерпением ожидал его возвращения домой и бросался на шею с порога, не скрывая восторга. Но в тот тяжелый зимний день я испугался предстоящей расправы. «Мамка ему уже, наверное, сама доложила о

прогулах, – подумал я, – и отец сердит не на шутку». Он никогда не флиртует в жизни, непримиримый боец с человеческой ленью.

– Что с тобой случилось, Миша?.. Ты какой-то не свой? Она рассказала правду?

– Прости меня, папка...

Я заплакал. Не захныкал лукаво, не захлюзнул в испуге от наказания, не забился в истерике от бессилия оправдаться. И через слезы, как на духу, рассказал про колечко; про затравленного собаками друга; про город, построенный им из снега, – столицу справедливой страны, разрушенную ногами; про страхи, которые мы испытали, меняясь с эском, и про обман, а также, какими несправедливыми оказались Себрежа Зуев и Марина Шкурко.

– Сегодня я попробую решить все ваши вопросы, – обнадежил отец. – У меня есть пропуск на эту стройку. Там моя лебедка...

Ближе к вечеру он принес перстенок. В тяжелой оправе горела не яшма, а многогранный фиолетовый минерал – аметист.

– Его называют «благословенным». Этот камень, Миша, приносит удачу и улаживает распри между людьми.

– Ты нашел того ээка и забрал у него колечко?

– Что ты, Миша, я видел других осужденных. Они узнали эту историю от охранника, задержавшего Андрюшу. Я им досказал ее подноготную, а эту печатку... вам подарил самый авторитетный ээк на стройке. Пообещал, что накажет обманщика, спросит за обман... По-своему, жестко...

– Тогда я пойду к Андрюше домой и отнесу ее...

– Возьми апельсины...

Валил беспокойный снег, накрывая дороги, деревья, заглаживая морщины талого мира, грязь... Около каждого фонаря я доставал из кармана свое богатство и зачаровано глядел на маленький мерцающий камушек – теплый, красивый – в предчувствии скорой его утраты. Но дружба сильнее грусти.

Андрюша лечился под одеялом. Он был несказанно рад удаче, гостинцам, рассказам о школе, где не был аж целых три дня, и осудил Марину за небылицы:

– Несет что попало... Ей пообещали путевку в Артек, вот она и старается, а собака была в наморднике, она не могла меня ободрать, как обои. Просто я очень долго лежал на снегу в ожидании охранника и простыл. Милицейские собаки не бешеные, а злые по долгу службы. В бытовке, когда меня выспрашивали, мне дважды удалось их погладить по голове...

И доныне я вспоминаю эту историю всякий раз, проходя около приметного дома из силикатного кирпича, давно уже потерявшего свежесть и белизну. Лучше всего никогда не иметь долгов. Ни перед кем... а если они случились, то отдавать их надо в полном объеме и срочно, несмотря на обиды. Все бы, казалось, к лучшему: Юрка забрал печатку, был очень рад и даже извинился за мордобой. Наши страхи прошли, гадами мы не стали, в мире воцарился порядок. Только в субботу в газете появилась маленькая заметка. «Вчера во время обильного снегопада на стройплощадке, около трамвайного кольца, произошел несчастный случай. С крыши новой пятиэтажки упал и разбился на смерть осужденный Сергеев, 34 года. Предполагается, что он грубо нарушил требования охраны труда, но проверяются версии суицида и насильственной смерти».

Сергей Ларягин

Закон и случай

Случаи, как известно, разные бывают. И, как известно же, подготовиться к ним – всяким и разным, всевозможнейшим и любимым – нельзя. Как неизвестно абсолютно – мнения противоположные совершенно по этому поводу встречаются, от «только так и никак иначе», до «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» – возможно, это и не случаи вовсе, а закономерность – судьба, рок, как уж там еще можно назвать...

Андрей побывал в Чечне еще в первую кампанию – в первую, если не считать действительно первые, девятнадцативековые, – причем успел послужить и в срочную службу, и некоторое время «оттарабанил» по контракту. Эмоций и впечатлений вынес больше положительных, чем негативных. Все люди разные, у кого-то «вьетнамский» (ну, или афганский, чеченский – разницы нет, хоть как назови) синдром после участия в событиях подобных всюю проявляется, а у кого-то и тоска по вольготной жизни в тех условиях, где больше опасностей и неожиданностей, но на порядок меньше и запретов, ограничений, которым в «мирное время», в обычном состоянии общества должно быть подчинено наше поведение; в общем – «кому война, а кому мать родна», поэтому по началу второй кампании сомнений «быть или не быть» у него не возникло, и через несколько месяцев он как «ценный кадр» уже служил по контракту в составе взвода полковой разведки обычного мотострелкового полка, принимавшего активнейшее участие в «контртеррористической операции» на территории гордой горной республики.

На начальных этапах операции упомянутой жизнь Андрея и его товарищей такая и была, как они того хотели, – вольная и интересная, «полная опасностей и приключений» – и так-то в начале порядка на той войне было мало (а следовательно, много возможностей для осу-

ществления «желанной» жизни), а уж бойцы подразделения полковой разведки, к тому же состоящего сплошь из «контрабасов» (то есть контрактников), и тем более свободой действий пользовались почти полной, во всяком случае, несравнимой с тем, какую имели они на «гражданке». Бывало, конечно, что и начальство на них именно что «наезжало», и комиссии с проверками прорывались, но – редко, эпизодически, а обычно, в повседневной жизни (а тогда она, повседневная, была, без преувеличения, боевой), были представлены они сами себе по большому счету. С «шакалами» (младшим и средним офицерским звеном) жили они дружно, все текущие, оперативные вопросы решали с ними; те им задачи ставили, разведка по большей части их всегда выполняла, и все были довольны. Правда, ни у кого из Андреевых товарищей не было и изначально стремлений таких, из-за которых внимание особое (особого отдела, к примеру) могли они к себе привлечь; мародерство или другие какие способы незаконной наживы как самоцель их не интересовали, они просто «работу» свою делали – поиск, координация, предупреждение, корректировка, работу черновую, червату, но для них интересную – а другое что если и прилагалось, то «само собой», без активного, целенаправленного их желания, да и делалось это в основном лишь для более комфортного – а вернее сказать, просто чуть более приближенного к нормальному, какой уж там комфорт, – существования в экстремальных «контртеррористических» (читай – военных) этих условиях. Ну, палатка застелена была у них коврами, которые, впрочем, довольно быстро приходили в негодность и выбрасывались (много просто их было сначала – случай); ну, покушать частенько удавалось не то чтобы побольше (в этом плане проблем не было), а повкусней – от мяса свежего до всяческих деликатесов; ну, «аудиоаппаратура» типа «трофейная» у них была – не с собой же центр музыкальный и прочее подобное тащить на войну, а как известно, «после боя сердце просит музыки вдвойне», – вот в таких вещах максимум вся и «выгода» их за бессонные сутки, излазанные ползком и на карачках горы в зеленке, пыльный до хруста на зубах зной летом, постоянную грязную жижу под ногами и вечную сырую морось зимой, и все это под соленую приправу каждодневной вероятности словить пулю от снайпера, нарваться на мину или засаду, заключалась.

Случаи же, на то и случаи, чтобы случаться. И в том, что случаются все они неожиданно, проявляется их закономерность. Это, пожалуй что, из области точных наук, абсолютных величин и значений вывод, а вот

то, что случается в большинстве своем из этих неожиданных закономерностей нечто «плохое», – это, конечно, «по мнению» уже, таково оно расхожее общечеловеческое, и оно лишь относительно верно, как относительны и все абстрактные понятия человеческие, в том числе и что такое «хорошо» и «плохо». Даже и на уровне бытовом не всегда классифицировать случай, случившееся удается – плохо это или хорошо, не всегда и верна эта первая классифицирующая оценка оказывается в будущем на поверку; по субъективным и объективным причинам.

Как-то раз заняты были герои – этого рассказа и чеченских компаний – выполнением непосредственных своих обязанностей. Воинских. Сами же засекали они в пресловутой зеленке «скопление боевиков» (человек 20–30 «чехов»), выдали координаты «артелам» (полковой, насколько помнится, артиллерии), сами же корректировали их огонь, пока те «работали» и затем прошвырнулись в обстрелянный «от души» квадрат посмотреть результат. На место выходило их шестеро. Старшим группы шел Андрея друг и почти земляк, Рамиль, – был он родом из соседней Башкирии (сам Андрей родился и вырос, уезжал в Чечню и возвращался в славный город Челябинск – черт его знает, почему славный...), – как самый опытный и боевой (называли его для краткости и простоты в основном Рома); в остальных четырех товарищах Андрей тоже был уверен. Добрались до обстрелянного места без происшествий, поначалу никого и ничего там не обнаружили; рассредоточились и решили порыскать еще. И через несколько буквально минут, немного в стороне, наткнулся Андрей на труп бородатый – по виду вроде даже и не «чех», «наемник» и, кажется, не «рядовой» – все это было странно, так как обычно моджахеды чеченские трупы своих не оставляют. У убитого, помимо обычного здесь оружия, АКМа, в наплечной кобуре находился «ствол» – пистолет, видимо, импортный, – привлекательный, блестящий, хромированный наверное, и две обоймы в чехольчиках, на другой от кобуры стороне. Пистолет был «ловкий» и удобный, и – ну действительно – красивый просто; короче, Андрей остальных позвал только, когда сбрую со стволом и обоймами себе перевесил. Не успели моджахеда еще толком обшмонать, как странность вышеупомянутая проявилась: боевики вернулись, видимо, за бородатым. Трупом. Отходить пришлось, отстреливаясь, благо чехи хотели лишь подобрать своего и, достигнув цели, преследовать не стали, а то и не известно еще, чем бы это кончилось, а так, можно сказать, что прошло все благополучно.

Даже в палатке, где обитала разведка, товарищам боевым своим не всем показал Андрей блестящую находку. Рома, конечно, знал, ну и еще кое-кто, самые близкие, доверенные. Нашлись «знатоки», опре-

делили: «Вальтер ППК», оружие Джеймса Бонда. Впрочем, особого труда для определения такого не требовалось... Пистолет разведчику нравился – класса ПМа (можно сказать даже, что его прототип), но «настоящего немецкого качества» и чуть короче «Макарова», чуть ниже, легче, – решил он его себе оставить. Решение, конечно, криминальное. Но, с точки зрения здравого смысла, государство отправило взрослого человека на войну, вручило ему автомат, пулеметы-гранатометы и систему «Град», разрешило из всего этого стрелять, причем иногда в своих же сограждан, а возможности защищать себя и своих близких с помощью оружия у себя дома лишило принципиально; притом что в памятной ситуации в Буденновске взять в заложники чуть ли не все население города удалось басаевцам во многом, пожалуй, благодаря политике государства в этой сфере – вряд ли такое могло случиться, если бы жители города были вооружены на законных основаниях таким же стрелковым оружием, как чеченцы. Идеально законопослушный человек должен бы, конечно, такую находку сдать в соответствующие органы. Но Андрей таким никогда не был и потому альтернативе отнести завораживающе-блестящую игрушку в родную милицию и получить в лучшем случае устное «спасибо», а скорее всего очередную нервотрепку и стопроцентную вероятность, что такого ствола никогда в жизни у него не будет, предпочел попытку рискнуть и позже перевезти вальтер с собой в Челябинск. Пока что носил он его вместе со «сбруей» под китем, собираясь в будущем спрятать на время.

Проносил его он недолго.

Случайно, не случайно ли – вроде бы в самом близком, узком кругу решили, что нет, кто-то «сдал», – это произошло, неизвестно точно, смотря что еще под случайностью подразумевать, да и не важно, факт, что произошло, – даже и «плохо» это или «хорошо» сказать нельзя: смотря с какой точки зрения определять и смотря когда.

Меньше чем через неделю – естественно, неожиданно – в палатку пожаловала «комиссия по проверке на вшивость». То есть в прямом смысле. Никто даже и не предупредил, значит, в обстановке полной секретности «комиссия на вшивость» готовилась. Начали с их палатки, когда практически все «дома» были.

Комиссия состояла из двух подполковников, одного полковника и одного майора, такого количества старших офицеров одновременно, кажется, и вообще ни разу в палатке не собиралось. Тем не менее разведке было объявлено, что будут проверять их на наличие вшей и предложено по пояс раздеться, с целью их самих (вшей) и следов от укусов выявления. Андрей, конечно, попытался бы из палатки «свалить», выб-

раться, но полное впечатление создавалось, что за ним смотрели персонально с самого начала. Китель снять пришлось, вальтер в сброе, само собой, «спалили». Шуму и криков было больше чем достаточно – как так, у военнослужащего рядового состава (не важно, что он старший сержант, не первый год в разведке) – пистолет!!! Чинам упомянутым не понять было, как такое возможно, у них в сознании это не укладывалось: у российского солдата пистолет (!) иностранный (!) с собой (!) на войне (!). Да он же застрелить кого-нибудь может... Короче, забрали и пистолет, и Андрию с собой увели.

Окончилась, однако же, вопреки ожиданиям достаточно благополучно опять же история с пистолетом. Чины, «жути нагнав», сдали Андрея местному особисту, но – без пистолета. Тот, соответственно, бумажек никаких составлять не стал, внушение делал – пугал и мораль читал – правда, долго, но этим и ограничился, вечером разведчик уже пришел «домой» в палатку, один, считая уже после osobистского втыка, что легко отделался. Позже всего один раз еще «дергали» его по этому поводу, на этот раз к эфэсбешнику, но того все больше личностность убитого бородача интересовала – очень уж он сокрушался, что документы не успели посмотреть, забрать, отговорки, что времени не достало, что чехи в количестве превосходящем в бой пошли, его не интересовали, ну да оно и понятно – на «сбрую»-то время нашлось... В общем, обошлось – и ладно. Через месяц Андрей об этом «случае» и думать забыл.

Как общеизвестно, бывают разные и всякие случаи. Как известно уже нам, в самой случайности, неожиданности их заключена закономерность. Ведь действительно, пока человечество не научится заглядывать в будущее, все «случаи» будут для нас неожиданными – это аксиома, закон; ну а возможная настоящая неслучайность (предопределенность) всех случаев – событий – останется за кадром, пока (если) мы не научимся все их просчитывать, то есть пока не получим возможности подсмотреть (просчитать?) будущее.

Другой случай произошел там же, на том же месте расквартировки полка, не так долго после окончания истории с пистолетом. В раз очередной (и не в последний) по расположению полка начал работать снайпер. Раз, другой, еще. Появились убитые, раненые – солдаты, офицеры. Андрию со товарищи в числе прочих и прочего поставлена была задача врага этого вычислить и, соответственно, естественно даже, – алягер ком алягер – уничтожить.

Задача задачей, а разведка и без всяких приказов прекрасно понимала необходимость ликвидации стрелка – мало того что под пулей

его сами ходили, так и ребята, под нее уже попавшие, были не какие-то там виртуальные «военнослужащие федеральных сил» из сводок, а люди, с которыми они жили бок о бок несколько месяцев, а иногда и просто хорошие знакомые. Короче, вычислить стрелка нужно было обязательно, и его вычислили вскоре. Мысль, что позицию он себе оборудовал на разрушенной ферме (точнее, большом комплексе животноводческом), высказал первым Рамиль, днем они ее проверили и в предположениях утвердились. Горы стреляных гильз там не нашли, но кое-какие следы, вплоть до выметенного места для лежанки, обнаружили. В общем, высшей математикой здесь и не пахло – это же не байка, что как-то, в той же Чечне, один снайпер место себе оборудовал для стрельбы, подкопав схрон под большой бетонной плитой, давным-давно вросшей в землю, которую он домкратом приподнимал; отстрелялся, снова опустил, прикрылся и сиди себе в тепле и безопасности относительной; вот его долго «выкупить» не могли, но вычислили все же – все оказалось очень просто, обычная арифметика. На ночь – а отстрел начинался обычно ближе к сумеркам – в «комплексе»-ферме устроили засаду. Рома, Андрей и еще один их товарищ, звали которого (не по паспорту, естественно) Джус.

Все они рассчитали верно. Проводили снайпера (то есть снайпершу, как догадались они еще раньше) чеченцы, потокались еще недолго там, ничего подозрительного не заметили – не первый и не второй раз приходили они уже сюда, бдительность притупилась, – и ушли... Разведка долго бы ждать не стала, уничтожить – значит уничтожить, мало ли кого бы стрелчиха выцелить за это время успела, – но случайно опять же вышло так, что она вскоре от оружия своего, эсведешки, отлучилась. Ну, Рома с Андреем и взяли ее «в языки» – тихо, быстро, эффективно. Брыкаться и пытаться бежать, кричать ее отучили враз и большую часть пути добытую в засаде пленницу транспортировали своим ходом. На привязи. Так получилось, что на привязи же пришлось прожить ей в палатке разведки около недели еще.

Почему – точно – стрелчиха эта неудачливая осталась в разведпалатке «на ПМЖ», а не попала опять же в органы соответствующие, автору неизвестно. Единственное, что ясно было стопроцентно из рассказа Андрея, – это то, что специально, вслух, само нахождение ее в палатке (обоснование этого факта) и участь ее дальнейшая не обсуждались. Значит, по всей видимости, было это чем-то само собой разумеющимся для всех; вывод напрашивается такой, и единственное предположение, какое можно сделать, – что причиной и целью существования «линзы» (то есть снайперши, на сленге, в отличие от «окуляра» –

снайпера-мужчины) в палатке, собственно, и было непосредственное использование ее, в том плане, в каком ей и пользовались.

С ней конечно же и пообщались сразу. И не сразу. Девушка была русская, звали Нина, около двадцати пяти лет, по словам Андрея, очень симпатичная, несмотря на условия отнюдь не уютные, стройная, худощавая, темненькая. По совпадению – случайному – была она Андриюхи-на землячка, почти – родом из Челябинской области, города Златоуста; долго и в Челябинске жила, училась в Институте физкультуры; родила там дочку, вернулась незадолго в Златоуст. Была она, ясное дело, в прошлом биатлонисткой – занималась серьезно, а успехов больших не достигла, дочка случилась у нее, работы нет, специальности как таковой нет, помочь реально некому; провинция, безнадега. Как на нее «вербовщики» вышли, неизвестно. Скорее всего, не случайно, учитывая ее спортивное прошлое, окружение. А может быть, и так просто, невзначай, познакомилась она с кем-то из земляков своих будущих хозяев. Впрочем, это абсолютно не важно. Факт, что в Чечню она попала, оружие в руки взяла и его «освоила» – и в «теории», на стрельбище, и на практике, – отстреливая именно что «военнослужащих федеральных сил». Вот что тут «хорошо» и что «плохо»: хуже вроде бы не придумаешь – за деньги, без всякой злобы на них, стрелять в своих земляков, возможно и соседей, знакомых... Но, с другой стороны, можно себе представить, как судьба таскала и била девочку двадцати с небольшим лет, что она оставила дочку маленькую, дом, все, что жизнь ее составляло до этого, и поехала в неизвестность, в опасность, черт его знает куда и что делать, лишь бы только свою и дочкину жизнь хоть как-то, чуть, из колеи этой безнадежной стронуть. Вернее – нельзя себе этого и представить. Точно. Какие-то мысли и образы – представления – возникнут, конечно, в воображении наиболее впечатлительных читателей, но это будут всего только их представления, не больше, а каковы были действительные события, подвигнувшие ее на такое, и, главное, что она чувствовала в связи с этим, узнать невозможно, безусловно. И это «плохо» нужно уже отнести на счет общества, всех нас. Не сама ведь Нина, по собственному желанию жизнь себе устроила такую... Могут сказать, что всем жить тяжело, но не все же в киллеры нанимаются. Так не всем и предлагают. Не все и «до кондиции нужной» доходят. А кто-то, наверное, предпочел бы с голоду вместе с ребенком помереть, чем так, – но тут уж тоже вопрос: «хорошо» это или «плохо»? Для кого и с чьей стороны? Вот еще что интересно: кому эта история ни пересказывалась, все интересовались суммой: за сколько стреляла, отстреливала она? Сумма называлась, и следовала реакция: «Фу! За такие деньги?!»

Именно так. Мало. А если бы побольше, да на порядок, то многие бы еще подумали. Члены общества нашего. В общем, для очень многих решение о неприятии для себя подобных действий в первую очередь (именно такова первая реакция) связано не с принципиальными убеждениями, правда, и не с деньгами, но с их количеством. Тоже, по-моему, «хорошего» мало в этом.

Я здесь сумму приводить не буду. Мне кажется, это самое малоинтересное. Описывать «быт снайперши Нины» за эту неделю в палатке тоже, пожалуй, не буду. Не знаю, что тут можно описать... Хотя вообще-то у Андрея много что нашлось рассказать – и довольно долго, и подробно. И как держали ее в палатке – все также «на привязи», почти символической, но одна ведь она ни разу там не оставалась; как бытовые надобности свои справляла; как гулять выводили по ночам; как один раз – всего – редела и говорила: «Лучше бы уж сразу пристрелили», после очередного не самого мягкого с ней обращения; как общались, разговаривали с «линзой» – Ниной – и «до», и «после», и в процессе, от нечего делать и развлечения ради. Очень уж за дочку свою беспокоилась она и переживала...

Около недели продолжалось это, всего.

Как сказано уже было, отношения с «шакалами» – и своими, и вообще – у разведки были хорошие. Вот, через неделю эту к Рамилю и подошел (прибежал, лучше сказать) один «старлей» и объяснил: что вы, мол, «охренели», мало вам пистолета, так вы теперь «телку» в палатку притащили, да еще и неизвестно (а точнее известно, предположительно) кого; что это все дошло до полковника (комполка), и не сегодня так завтра их накroют точно. Выводы были сделаны мгновенно, часа не прошло, а вопрос был решен радикальнейшим образом – нет человека, нет проблемы. Сгущались опять же сумерки, начинала чернеть зеленка, накапливалась, «конденсировалась» тьма в окрестных карьерах, которые много-много чего – и кого – повидали уже за годы последние; выйти за расположение военно-палаточного городка разведке вместе с «проблемой» проблем не составило; уводили Нину те же, кто и привел, у Андрея, по его словам, сантименты играли и предубеждения, а вот у Ромы рука не дрогнула – только волосы волной черной взметнулись – это больше всего почему-то ему запомнилось – и все. Они ее немного застрелили.

На другой день действительно приходил комполка, другие офицеры с ним, но «отмазались» простейшим образом: «не было, не видели, не знаем» – и правда, нет человека, нет проблемы, все обошлось.

История печальная, безусловно. Но мало того, она еще и банальная даже, и это самое паршивое, страшное в описанном случае, на мой взгляд. Единственное, чего, быть может, не хватает ей до банальности, это то, что не дошел еще вал подобных рассказов до широкой публики – достоверно это мне неизвестно, – а в кругах, имеющих хоть какое-то отношение, никакого удивления они не вызывают. Воспринимается как естественное положение вещей уже.

Однако эта конкретная история здесь не окончилась, отнюдь.

Год – это был практически весь первый год второй чеченской кампании – срок контракта пролетел, Андрей был в Челябе уже давненько, даже и событий, случаев немало – в том числе и не совсем хороших, совсем нехороших – в мирной этой жизни его произошло. Но в целом жилось пока более-менее неплохо, хотя и бестолково, конечно...

Деньги по контракту – знаменитые «боевые» – пришлось в буквальном смысле выцарапывать по частям, вроде и провел целый год в самых что ни на есть боевых местах и условиях, вроде даже и начислили кое-что, а на кармане ноль, на что жить, неизвестно и никому не интересно, и не виноват никто – все вроде бы так и нужно, так и должно быть.

Успел Андрей к тому времени уже и «на тюрьму (СИЗО) заехать», «покатался» там. Не знаю, как на самом деле было, по Андрея словам, был он полностью «не при делах». Обвиняли его в том, что он с «неизвестным следствию лицом» совершил грабеж в отношении одного гражданина и нанес тому легкие телесные повреждения при этом. В камере СИЗО мнение сложилось, что обвиняют его отнюдь не бесосновательно, но там это значения не имеет, в его борьбе с машиной государственной по отстаиванию своей позиции все были, естественно, на его стороне. По рассказу Андрея, он «бухал» какое-то время – несколько дней подряд. В очередной вечер он спиртные напитки распивал около – сначала перед, а потом за – ларьком остановочным вместе с двумя мужиками, которых он раньше не знал вообще, что само по себе неудивительно, парнем он был весьма общительным. Пораспивали, пообщались, и Андрей ушел домой.

А вскоре его и «приняли» – арестовали. Одного из тех мужиков, оказывается, избили и деньги отобрали, и, по словам того мужика, сделали это двое его собутыльников, то есть в том числе и Андрей. А вычислили его опера, так как Андрей о своих подвигах чеченских рассказывал, упоминал о контузии, звании и когда там был; «потерпевший» это запомнил, через военкомат и вышли на одного из собутыльников – на Андрея. Здесь уже государство явно знало, кто виноват, – ранение, контузия, награды – ничего в расчет не бралось, речи о под-

писке о невыезде и тому подобном не велось, только и исключительно содержание под стражей. Однако, когда Андрюха уже был на тюрьме, начались у следствия «несрастухи» – потерпевший-то его опознал, а вот продавщица из ларька, которая утверждала, что помнит всех троих, – нет. Да и сам «терпила» стал показания менять – говорил, что уже не может точно сказать, что Андрей тоже его бил, деньги забирал, стал он все валить на третьего, трижды неизвестного – ему, Андрею, следствию, а это в Андрееву версию, которую он с самого начала не менял, вполне укладывалось – пили-то вместе, а били врозь. В конце концов, ясно стало, что по существующим «доказательствам» его суд не осудит, а новых не предвидится, и после нескольких месяцев забываемых сизошных впечатлений – и не подумав извиниться, а пообещав обязательно его все же «прищучить» – следователь «нагнал» (отпустил, выгнал) Андрея под подписку все еще в качестве подозреваемого.

Искренне порадовались за него на тот момент, кроме родных, только соседи по камере.

Конечно, задним умом если размышлять, то черт его знает, надо ли было за него радоваться, однако закономерность случайных неожиданностей (или неожиданных случайностей) в том и состоит, что задним умом жить невозможно и, пожалуй, оценивать реакцию людей с его помощью не стоит.

Ну и – за плечами год войны (только за последний раз), несколько месяцев тюрьмы, масса впечатлений и кое-какой опыт, и никаких практически планов, почти никаких перспектив. Андрей личность в общем-то неординарная, и в своих кое-каких способностях и возможностях по своему же опыту он уверился, и вот сейчас они оказались не только невостребованными, но и – некоторые – вредными вроде как даже... К конкретным жизненным условиям применительно. Налицо было противоречие между потребностями и возможностями индивидуума, с одной стороны, предложением то бишь, и возможностью их реализации в жизни – спросом. У нас при помощи психоанализа, психотерапевта противоречия такие устранять и даже просто выявлять не принято, и закончилось, как и началось, – запил он горькую.

С выцарапыванием боевых денег дело обстояло все так же туго, характер же был, как упомянуто, общительный, с людьми Андрей сходился легко, находились общие темы и интересы всегда, плюс тот факт, что все же человек в мирное время на войне побывал, это расположения и уважения к нему добавляло, и образовался у него широкий круг знакомых – старых и новых, хороших и шапошных, с которыми он питию предавался. Довольно долгий уже период – из одной компании в другую.

Однажды они сидели сравнительно культурно – если большинство других подобных случаев вспоминать, компанию Андрея составляли бывшие школьные товарищи, сверстники его, проживающие в основном на другом от нынешнего его местожительства конце города, где он и сам жил до переезда; главным времяпрепровождением во время того застолья было распитие спиртных напитков и взаимные рассказы на тему «как я провел последние несколько лет», где первая скрипка принадлежала, безусловно, Андрею. Происходило все на квартире одного из школьных друзей, пребывавшего на тот момент в холостом состоянии, народу набилось много, почти все друг друга знали, но были и незнакомые Андрею персонажи. В разгаре застолья сосед к хозяину зашел, женатый (без жены, конечно), их примерно ровесник, лет двадцати шести – двадцати семи. «Вот такой парень!» – как его отрекомендовал хозяин; выпили уже вместе не одну бутылку; все – иначе как «свой» он уже никем, в том числе и Андреем, не воспринимался – сосед, друг, брат...

Андрюха все больше солировал, тут он был в своей стихии – рассказчик отменный. Дошел черед и до истории со снайпершей.

В процессе рассказа сосед – Игорем его звали – протрезвел и в лице поменялся, но – протрезвел он один, так что никто этого не заметил. Да и так не заметил бы никто. Случай. Коли уж случай начал случаться, он обязательно дослушается до конца.

В общем, когда Игорь за Златоуст услышал, что Нина та оттуда была, то еще за возраст, внешность спросил и замолчал, протрезвел, до конца дослушал, хозяину сказал, что ненадолго уйдет, но обязательно сейчас же вернется: в квартиру ему нужно свою, этажом выше, – и ушел. Сходил он действительно в свою квартиру.

На звонок минут через десять пошел открывать хозяин, ожидая увидеть Игоря, так и оказалось, это был он. Шум в коридоре и выкрики хозяина внимание остальных привлекли, но и не более того – неясно было, что происходит. В секунды, однако же, все прояснилось. В комнату, где простекало застолье, Игорь втолкал хозяина квартиры – стволами охотничьего ружья. Посадил его на место и ружье направил на Андрея. Тот сразу почти догадался, даже еще и не успел сказать Игорь ничего. Попытался объяснить: «Погоди, давай поговорим...» – и все. «Я тебя тоже, козел, пристрелю» – это уже Игорь в ответ. Времени еще достало спросить: «Она тебе кто была?» – «Сестра»; последние слова.

Андрей еще попытался как-то ситуацию изменить – ружье было старенькое, горизонталка шестнадцатого калибра, курковка и курки не взведены, по крайней мере, Игорь потом на следствии преподно-

сил, что тот чуть ли не бросился на него. Наверное, действительно, дернулся Андрей в его сторону – а что же, сидеть как баран, ждать, пока пристрелят? – да куда там, через стол из сидячего положения...

Неизвестно конечно же, о чем он думал в последние секунды свои – разведчик, хулиган, рискованный парень, – но, может быть и вальтер трофейный вспомнил тот «ловкий»... Мало ли как оно бы повернулось, если бы не та «проверка на вшивость». Хотя, быть может, «попал» бы он уже с этим стволом в места не столь отдаленные. Хотя, наверно, уж, что бы ни случилось при таком раскладе, все лучше было бы. Но – случилось так, как случилось. Значит – так, как должно было случиться. Частица «бы» никак не совмещается с законом случайных закономерностей. Не только история не терпит сослагательного наклонения. Впрочем, это уже тоже история, пожалуй.

А вот рассказ этот еще не окончен. Пока. Почти, почти совсем окончен. Но было еще одно небольшое «случайное совпадение», которое нельзя здесь не отразить.

Игорь выстрелил в Андрея два раза, из каждого ствола поочередно, не дуэлетом. В одном стволе картечь, в другом пуля – ружье принадлежало тестю, всего-то два патрона тот хранил «на крупную дичь», остальное дробь, мелкая – шансов выжить никаких. Потом, конечно, у него ружье сразу отобрали, да он и не сопротивлялся особо; вот, когда он через стол Андрюху на прицеле держал, никто не попытался помочь. Вызвали милицию, Игоря, конечно, арестовали.

Вот и последнее известное мне в этом деле совпадение – попал он в ту же самую тюрьму и, через некоторое время, встретился там с людьми, которые и Андрея знали, – «катались» с ним вместе недавно, в одной камере сидели. Очень они нехорошо к Игорю отнеслись, не по «понятиям»; а так, чисто по человечески – слишком хорошие воспоминания Андрей о себе оставил и на тюрьме показал себя во всех отношениях отличным товарищем, и, когда ушел под подписку, не забыл, старался помочь – передачи и другое что, чуть ли не единственный среди многих, кто также уходил, обещал, хотя у многих материальное положение намного лучше было. Но ничего совсем уж плохого с Игорем в тех местах не произошло. Пока. Хотя, безусловно, ничего хорошего и в принципе близко ни с кем в истории этой не случилось.

Случай, раз начавшись, будет, будет продолжаться. Вот он и начался – с началом движения материи в нашей Вселенной. И теперь уж он двигается и двигаться будет к своему логическому продолжению и завершению.

Завершению, не окончанию.

Сергей Степанов

Невольники нижегородские и другие

1. Тюрьма, которая... курорт

«Хозрасчет в „казенном доме“»

Первый острог появился в Нижнем в год основания города, в 1221 году. Преступники содержались в обычной рубленой избе, правда, окруженной со всех сторон высоченным забором с заостренными кольями. Находилась она там, где сейчас высится Ивановская башня кремля.

«Тати» и «душегубы» отделялись от преступников рангом пониже. Самых опасных, склонных к побегу, заковывали в цепи, а иной раз сажали в железные клетки, в какой в Гервопрестольную доставили пойманного Емельяна Пугачева.

«Казенные дома» в старину, выражаясь современным языком, были «на хозрасчете». Тем, у кого имелись родственники или друзья, голодать не приходилось, а вот если никого близких не было – тут хоть «караул» кричи. Таких тюремных сидельцев, скованных одной цепью, периодически выпускали на волю под присмотром стрельцов, и они канючили на паперти:

– Подайте, люди добрые!

Самое любопытное, что это не было «инициативой» местных властей. Царь Федор Алексеевич своим высочайшим указом узаконил тюремный «хозрасчет». Потом передумал, повелел городским воеводам обеспечивать кормежку колодников. А воеводы государево повеление то и дело нарушали. Это касается и нижегородского градоначальника Василия Коржбока-Столпина. По его распоряжению десятки голодных, одетых в рубища, брэнчали своими цепями и умоляли о помощи, пытаясь вызвать сострадание нижегородцев.

При всем при этом городской голова был человеком предприимчивым. О собственном кармане ни в коем случае не забывал. Полови-

на собранного подаяния доставалась ему. Когда царю донесли о злоупотреблениях воеводы, он только слегка его пожурил.

В 1711 году Петр I издал указ, согласно которому выпускать из тюрем узников, дабы они просили милостыню, строго воспрещалось. Виножных ждала каторга. Однако и этот указ не исполнялся. Вплоть до 1767 года, когда благотворительные пожертвования арестантам стали использовать для закупки продовольствия и одежды.

Монастырская темница

Князья и их суды сурово расправлялись с еретиками. Как отмечает летописец, еще при князе Владимире епископы благословляли князей на применение смертной казни. «Ты поставлен от бога на казнь злым», – говорили они.

Вскоре при монастырях были созданы первые тюрьмы. Условия содержания узников здесь были ужасные. Особенно в земляных ямах, в которые опускались бревенчатые срубы с «кормушкой»? маленьким оконцем для передачи пищи. Там держали наиболее опасных для Церкви раскольников и мятежников. В такой земляной тюрьме томился и протопоп Аввакум.

Узников обычно приковывали к дубовой колоде, периодически лупцевали кнутом, плетью или батогами, надевали на голову «рогатку»? железный обруч, запиравший на замок под подбородком. К этому обручу прикреплялись массивные железные щиты. Они не позволяли лечь, и несчастный сиделец вынужден был спать сидя. Весь этот инвизиторский инвентарь приобретался, кстати, на церковные деньги.

За узниками велось постоянное наблюдение. Монахи-вертухаи производили обыски, выискивая оружие или какие-то записи, следили, чтобы их подопечные не общались между собой и с караулом. Любителям поговорить вбивали в рот кляп, а иногда даже языки отрезали.

Самые кошмарные монастырские тюрьмы были на Соловках и в Суздале. Но и в нижегородском Крестовоздвиженском женском монастыре узникам, а если точнее, узницам, никто не завидовал. Эту обитель под кремлевским холмом на берегу Волги основала как Зачатьевскую в 70-х годах XIV века Василиса (в иночестве Феодора) – вдова Нижегородско-Суздальского князя Андрея Константиновича. А первой в монастырские казематы загремела под средневековые фанфары новгородская посадница Марфа Борецкая. Ее привезли сюда в 1478 году, после разгрома Иваном III новгородской вольницы.

В 1814 году – тому виной очередной пожар? монастырь перенесли к Казанской заставе (нынешняя площадь Лядова) и переименовали в Крестовоздвиженский. Однако при возведении корпусов, больничной Скорбященской церкви и колокольни со Святыми Вратами про темницы и на этот раз не забыли. Монастырь считался местом искупления грехов для женщин, совершивших преступления против нравственности.

В казематах, сырых и темных, лавок или каких-то топчанов не предусматривалось. Спали на голом полу. Холодный колодец, вечные сумерки, вечное молчание... Женщины в «заклепных железах» часто сходили с ума.

В апреле 1918-го, перед Вербным воскресеньем, в монастырь нагрянул вооруженный отряд «красных латышей» – чекистов, которые намеревались конфисковать монастырское имущество. Однако игуменья Мария отказалась выдать ключи. И тогда атеисты-большевики открыли огонь на поражение, убив двух паломниц. А спустя некоторое время на территории монастыря был создан первый в России концентрационный лагерь для заложников из городского дворянства, священников и интеллигенции. В ноябре 1926 года здесь отбывал заключение митрополит Сергей.

В 1927 году монастырь был переименован в «военный городок имени Ворошилова». К январю 1928 года всех монахинь с территории бывшей обители выселили. Община укрылась в Казанском кладбищенском храме, который в 1935 году тоже был закрыт. Поводом послужило то, что в соборе на Пасху «отвлекали граждан от участия в первомайской демонстрации». «Участников контрреволюционной организации» приговорили к разным срокам заключения. И прежде всего митрополита Горьковского и Арзамасского Евгения (в миру Зернова). Так из тюремщиков священники превратились в арестантов.

Острожные были

Рубленую избу-тюрьму сменила в Нижнем каменная темница. Она тоже была построена на территории кремля. Но сюда в первой половине XVIII века попадали только по большому благу – в основном местная знать, подозреваемая в мздоимстве, а также проворовавшиеся торговцы и купцы, которые вовремя не платили долг ростовщикам. Их отправляли не на каторгу, а «на исправление» в Балахну, на соляные промыслы. И порой новоиспеченные солевары находились там пожизненно. Так, одного из разорившихся торговцев, Ивана Бударина, приговорили к работам на варницах на... 120 лет, 6 месяцев, 11 дней и 10 часов.

В 1823 году под руководством знаменитого архитектора Бетанкура закончилось строительство острога на улице Овражной – теперь это площадь Свободы. И арестанты, как и тюремные начальники, были весьма довольны: условия содержания и работы здесь были куда лучше, чем раньше. В мае 1826 года флигель-адъютант Мансуров докладывал государю, что новая тюрьма «вмещает в себя с большой удобностью военных и гражданских арестантов и, сверх того, проходящие партии ссыльных в Сибирь». Однако ревизор Танеев был несколько иного мнения. «Арестанты не разделены по разрядам, – писал он в своем рапорте в 1828 году. – Печи топятя снутри... Воздух тяжелый... Лекаря не получают особой платы за пользование от больных... Библиотеки нет... Работ для занятий арестантов, как было, кажется, в предположении, – вовсе нет. Арестанты живут совершенно тунейдцами, и многими замечено, что от долговременного сидения и праздности и бездействия физическое их сложение много терпит».

Но в Нижнем новым острогом все равно гордились. Постройки его напоминали средневековые крепостные сооружения. Квадратный двор очерчивала высокая каменная ограда, внутри которой высился двухэтажный арестантский корпус с круглой башней на каждом углу. Внутри корпусов располагались камеры для мужчин, женщин и несовершеннолетних (это разделение произошло не сразу), а также тюремный лазарет и больница. В центре находилась арестантская церковь, а в ее подвале – одиночные казематы для особо опасных «душегубцев». Впрочем, такие же одиночки имелись и в каждой угловой башне.

Попасть в острог можно было только через административный корпус. В нем находились помещения «кордегардии» (тюремной охраны), служебные и жилые помещения смотрителей, кабинет начальника тюрьмы и комнаты для допросов. В самом же дальнем углу пересыльного двора был построен «дровяной сарай» – так официально именовалось лобное место, где приводились в исполнение смертные приговоры. Больше всего казней было с 1905 по 1908 год – девять, причем двое боевиков были расстреляны без суда и следствия.

«Вышка» светила и Сергею Акимову, начальнику Канавинской боевой дружины. В 1907 году его приговорили к четырем годам каторжных работ и ссылке в Сибирь. Но вскоре выяснилось, что, находясь в нижегородском остроге, он готовил массовый побег. Приговор был пересмотрен. Акимову вняли еще 8 лет каторги.

После февральской революции 1917 года Акимов вернулся в Нижний Новгород, но все равно в душе остался террористом. Как только на-

чалась Гражданская война, сформировал боевой отряд железнодорожников и отправился во главе его на фронт. И снова стрелял и убивал.

Штрихи к «портрету» острога

Чтобы «портрет» нижегородского острога был полным, следует добавить: помимо административного здания внутри огады находились и другие хозяйственные сооружения: конюшня, продовольственный и вещевой склады, погреб-ледник и даже собственные баня с прачечной. Причем все это было «тщательно оштукатурено и побелено, производя вид ухоженный и благопристойный».

Но «удобность» и «ухоженность» сменились теснотой. Если весной 1826 года в остроге было 70 заключенных, то после суда над декабристами здесь постоянно находилось не менее 280 человек. Ссылные, чей маршрут пролегал в Сибирь, никак не могли миновать Нижний Новгород. Как и в нынешних тюрьмах, этапникам приходилось спать по очереди.

Каждый раз с прибытием новой партии каторжан и ссылных в остроге начиналось «великое переселение народов». Местных арестантов сгоняли в битком набитые камеры, а освободившиеся помещения отдавались колодникам, «которые... почти друг на друге проводят целые сутки, не выпускаясь ночью даже для надобностей по имени достаточного караула».

Но первыми, кто на себе испытал все прелести пересыльной жизни, оказались не декабристы.

Приговор: пожизненное заключение

Начальник тюремного замка в городском табеле о рангах занимал место в первой пятерке. Он не подчинялся никому, кроме губернатора. В его команду входили смотритель и смотрительница, священник, врач, надзиратели, прачки, кухарки и другая обслуга. В том числе даже учителя, поскольку в тюрьме была своя школа. Занятия в ней в обязательном порядке посещали малолетки. Они учились грамоте, арифметике и Закону Божьему, осваивали навыки чистописания.

Смотрителя боялись больше, чем начальника острога. Он, по сути дела, был приговорен к пожизненному заключению. Но в то же время смотритель воспринимался как кормилец, поскольку обеспечивал тюрьму провизией. И, как при Коржбоке-Столпине, с голоду арестанты не умирали. Их рацион включал в себя в начале XIX века полтора килограмма хлеба в сутки, фунт мяса, 100 граммов крупы (обычно варили пшеничную или гречневую кашу, приправляя ее салом) и 10 золот-

ников соли. В середине позапрошлого века зэков неожиданно побавляли молоком и овощами. Чтобы не было цинги, им выдавали чеснок и лук.

Для питания арестантов за основу брался солдатский паек. Мясо и рыба считались «улучшенной пищей» и приобретались за счет пожертвований от благотворителей. На свои деньги можно было купить колбасу, грудинку, сало, селедку, сыр, масло, творог, хлеб, баранки, яйца, чай, кофе, какао, сахар, огурцы, чеснок, горчицу, яблоки, конфеты, шоколад, печенье. С одним только условием: не употреблять все это во время поста. Разрешалось также иметь табачные изделия и курительные принадлежности, писчую бумагу, конверты, почтовые марки, карандаши, чернила, ручки с перьями, мыло, мочалки, зубной порошок, зубные щетки, иголки, нитки, пуговицы, стаканы, кружки, тарелки, блюдца, расчески, гребенки, носовые платки, носки, чулки, ложки, ножи, вилки (ножи и вилки выдавали только на обед).

За нарушение режима содержания, за грубость и драки смотритель мог поместить арестованного в карцер. Это был каменный мешок, где зимой вода превращалась в лед. Ни коек, ни нар здесь не было. В обед давали лишь ломоть хлеба да кружку кипятка.

Но и в камерах тоже было не слишком комфортно. Здесь спали на нарах, но то и дело просыпались – свирепствовали клопы. В одиночках кровать состояла из нескольких досок, соединенных железными полосами. «Тюфяк и подушка лежали на двух узких досках с большим пустым промежутком, причем одна доска была значительно толще другой, ? вспоминал писатель Владимир Короленко. ? Простыня была, разумеется, из грубого холста и очень грязна. Стула не было, а стол надо было прислонять к стене, чтобы он не упал. Кадушка-параша издавала омерзительный запах».

По утрам над острогом плыл колокольный звон. Он возвещал побудку. Вскоре после этого смотритель обходил камеры, пересчитывал узников, стучал молотком по решеткам, проверяя их крепость. Периодически устраивались обыски. За хранение запрещенных предметов тоже можно было угодить в карцер.

День заключенного заканчивался вторым обходом. Снова переключка, снова проверка надежности решеток и замков на дверях. И снова звонил колокол, возвещая, что свобода стала чуть-чуть ближе...

Когда отсидка казалась лафой

Поначалу все арестованные вне зависимости от вменяемых им в вину статей Уголовного уложения содержались вместе. Но в 1842 году Николай I повелел разделить заключенных по четырем разрядам. Уголовников теперь надлежало помещать к уголовникам, политических – к политическим, должников – к таким же, как они, разорившимся мещанам и купцам. Для пересыльных начали строить отдельный барак.

В это же время, кстати, появились и камеры-одиночки. Как говорилось в царском указе, «для особо опасных государственных преступников». К ним относились те, кто «замышлял заговор против существующего строя», убийцы и насильники. Однако срок пребывания в одиночках ограничивался полутора годами.

Разделение арестантов осуществлялось по половому, возрастному (малолетние и несовершеннолетние отдельно от взрослых) и сословному признакам. Осужденные содержались отдельно от лиц, состоявших под следствием и судом. Лица, проходившие по одному делу, размещались раздельно.

Содержащиеся в арестантском помещении при полиции носили собственную одежду, белье и обувь. При необходимости выдавалось сменное белье. В тюрьмах ношение казенной одежды и обуви было обязательным только для подсудимых, обвиняемых в бродяжничестве. Остальным лицам казенная одежда выдавалась лишь в случае отсутствия или ветхости собственной.

Заключенным (это стало практиковаться при Екатерине II) предоставлялась ежедневная прогулка в пределах двора. Чтение газет и журналов политическим арестантам запрещалось. Холостые лишались права вступать в брак на все время отсидки. Зато в случае смерти или болезни близкого родственника по письменному распоряжению попечителя или суда обвиняемые могли быть отпущены домой с обязательством потом вернуться.

Свидания с супругами и ближайшими родственниками, к числу которых относились родители, дети, родные братья и сестры, а в особо уважительных случаях и с другими лицами, разрешались начальником тюрьмы с согласия лица прокурорского надзора или лица, проводившего дознание. Количество свиданий – не более двух в неделю в дни и часы, определенные начальником тюрьмы. Помещения для свиданий оборудовались разделительной решеткой.

До 90-х годов позапрошлого века основную массу заключенных составляли уголовники, которым «светили» либо виселица, либо ка-

торга. Но вскоре убийц и разбойников потеснили революционеры всех мастей. Сначала это были члены марксистских кружков. Их было столько, что начальник тюрьмы был вынужден направить прошение в вышестоящие инстанции с просьбой разрешить построить во дворе острога три новых барака. И это было настоятельной необходимостью. Если на 1 января 1902 года во всех местах заключения России находилось 88 тысяч арестантов, из них около 25 тысяч подсудимых, то к 1911 году тюремное население увеличилось вдвое и составило 177 017 человек. Это примерно в 7-8 раз меньше, чем в наши дни.

Однако режим содержания тех лет нельзя сравнить с нынешним. Арестантам можно было гулять по двору до захода солнца, они устраивали концерты, чаепития, митинги. Кому такая отсидка лафой не покажется?

За Семашко отдувались все

В 1905 году тюремным старостой был избран Николай Семашко. Арестанты надеялись, что пользовавшийся авторитетом у них самих и у тюремного начальства будущий нарком здравоохранения станет их надеждой и опорой. Но, увы, вышло все по-другому.

Существуют две версии падения авторитета тюремного старосты. Согласно одной из них, Семашко возомнил себя вождем всех времен и народов (он действительно был очень самолюбив), а согласно другой, ему дали банальную взятку. Так или не так, установить уже невозможно. Фактически же Семашко поспособствовал побегу из острога латыша Левниекса.

Побег был успешным. За это отдувались все: и политические заключенные, и уголовники. Прогулки без вооруженных охранников с собаками начальник тюремного замка отменил вообще, митинги и чаепития запрещались, за исполнение революционных песен тюремных солистов помещали в карцер, а свидания с родными ограничили по времени. Кто-то из заключенных после этого плюнул Семашко в лицо, назвав его негодяем и предателем. Биографы наркома здравоохранения об этом, естественно, умалчивали.

Но прошло два года, революционный пыл поутих, и режим в остроге снова помягчел. Здесь даже выпускался рукописный журнал под названием «Тополь». Снова днем двери камер открывались настежь, можно было беспрепятственно навестить друзей, выпить с ними чаю или чего-нибудь покрепче. За целковый охранники приносили из соседней лавки и вино, и водку, и фрукты. Ну, чем, спрашивается, не курорт?

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, всех обитателей острога в спешном порядке переселили в новое здание тюрьмы на Арзамасском шоссе. Их места заняли германские и австрийские военнопленные. Своих эзков градоначальник пожалел, но на иностранцев это не распространялось. Строения острога могли рухнуть в любую минуту. Еще в 1909 году авторитетная комиссия, обследовав их, вынесла вердикт: тюремный замок годится только на «вторичный строительный материал». Сам же земельный участок на Острожной площади был продан городу. Что касается австрийцев и немцев, то они находились под угрозой обрушения почти три года. Но ничего страшного не случилось и до нашего времени. Строили предки на века.

Пламя красного террора

С октября 1917 года острог пустовал. Но с февраля 1918 года камеры снова заполнились. Правда, уже совсем другим контингентом? Бывшими царскими офицерами, представителями дворянства, купцами, банкирами. Их доставляли сюда группами по 20–30 человек, многих затем во время красного террора здесь же и расстреливали.

Это объяснялось тем, что дела у местных властей шли хуже некуда. И они решили как следует «подойти» обладателей тугих кошельков. На Нижний Новгород была наложена контрибуция в 50 миллионов рублей, богатое село Богородское обложили данью в 2 миллиона. Не избежали этой участи город Арзамас, село Городец и прочие губернские центры производства и торговли.

«Денежные мешки» отказались платить грабительский налог. У кого-то сбережений просто не было. И тогда в остроге оказалось без малого сто предпринимателей: Башкиров с сыновьями, Вяхирев, Карпов с сыном и многие другие. Не пожалели даже владельца аптеки Ремлера, которому было за 70. Большевики предупредили каждого: если до 11 апреля нужная сумма не будет собрана, власти начнут национализировать их дома. И обещание свое выполнили. 12 апреля 1918 года был экспроприрован 30-комнатный дом Марковой на Ильинской улице, пять домов Гака, дом Ламоновой.

После покушения на Ленина репрессии приобрели еще более жестокий характер. Жертвами первого массового расстрела 15 августа стали 5 человек, среди которых был начальник губернского жандармского управления Мазурин. Он находился в остроге с февраля 1917 года.

Белые стремительно приближались к Нижнему. И тогда военно-революционный комитет по указке Ленина, который призывал «наве-

сти тотчас массовый террор», принимает решение «беспощадно расстреливать всех, кто явно или тайно поддерживает контрреволюцию». В числе тех, кто подписался под этим постановлением, были небезызвестный Лазарь Каганович, который возглавлял в то время Нижегородский губком РКП (б), председатель Нижегородской ЧК Яков Воробьев и уже упомянутый выше Сергей Акимов, на которого царский режим пуля тратить не стал.

Были составлены списки «неблагонадежных» – главным образом людей состоятельных. Аресты сопровождались грабежами. В результате в Нижегородский острог и концлагерь в Крестовоздвиженском монастыре попало около тысячи человек. По разным данным, 17 или свыше 40 из них были казнены на Мочальном острове. Список репрессированных, который был опубликован в «Нижегородском листке», возглавляли архимандрит Оранского монастыря Августин (в миру Пятницкий), настоятель Казанской кладбищенской церкви Орловский и генерал Чернов. Но попали под горячую руку чекистов и совершенно случайные люди. Например, студенты.

Вспомнили тогда и о «дровяном сарае». Здесь тоже звучали выстрелы, заглушаемые шумом мотора грузовика. Кровь отмыли новые хозяева острога. Эта нелегкая работа выпала на долю рабочих мастерских Нижегородской стрелковой дивизии. Они в 1929 году передали здание аптекоуправлению.

В наши дни острог стал музеем. Только вот как быть с площадью Свободы? Никогда она не была свободной от насилия. Может, лучше вернуть ей прежнее название – Острожная?

2. Палачи

Арзамасская быль, Арзамасская боль

...Его повели в пыточную башню, одну из многих башен деревянной с присыпом стены Арзамаса. В башне этой было два яруса. Осипа повели в верхний. Там была огромная печь, лежали разные инструменты и стояли два столба с перекалиной, а под ними – гири разного веса.

Осипа уже ждали. Это были палач, двое сторожей и писарь Антипка, который должен фиксировать показания. С Осипа сняли цепи, сорвали одежду, привязали к рукам веревки, а один из сторожей взял эти веревки так, что живот Осипа плотно пришелся к его спине. И палач начал отсчитывать удары кнута.

Дали Осипу двадцать ударов, от которых кожа на спине полопалась. После этого подвели к двум столбам с переладиной. Палач поднял его на веревках на дыбу, а к ногам прикрепил гири. Осип кричал от боли. Но его ждали еще более суровые испытания. Палач взял раскаленный прут и стал водить им вдоль израненной кнутом спины, в некоторых местах нажимая с особым усердием...

Примерно так описывал пытку некоего Осипа Нехорошева, подозреваемого в связях со Стенькой Разиным, писарь Антипка (указанный документ хранится в Государственном архиве Мордовии).

А после этого Нехорошева приговорили к смерти, и тот же самый палач посадил его на кол. Эта казнь была еще мучительней, чем распятие. Кол медленно пробивал кишки, некоторым страдальцам приходилось мучиться сутки и более – это зависело от того, какое направление в теле принимает кол...

Кату – плату

История не сохранила имя арзамасского палача, пытавшего Нехорошева. Как и многих других – их запоминали разве что по кличкам. И хотя данная, с позволения сказать, профессия считалась в народе презираемой, все вакансии среди мастеров заплочных дел в Нижнем до начала позапрошлого века были заполнены. Впрочем, Нижний Новгород? не исключение, то же самое происходило и в других городах. И сегодня это не очень-то понятно: работы у заплочника хватало. Мало того что требовалось провести экзекуцию так, чтобы осужденный не умер во время пыток и давал показания. Палачи осуществляли также надзор за городскими проститутками, собирая с них фиксированную плату, отвечали за чистку общественных уборных, занимались отловом бродячих собак, удаляли из города падаль и выгоняли прокаженных. Плюс к этому – уборка на месте казни, придание мертвому телу как можно более ужасающего вида, чтобы выставить его напоказ. Насадить, например, отрубленную голову на железный прут, а прут прикрепить к столбу. А между тем жалованье жизнегубцы получали мизерное (в XVII веке – всего четыре рубля в год, а начиная с петровских времен – 9 рублей 95 копеек, так как дел прибавилось). К тому же все их ненавидели. Палач пожизненно лишался духовного окормления и не допускался к причастию.

Так, может быть, мотив выбора работы объяснялся чем-то другим? Прибавкой зарплаты? При императоре Павле I произошла индексация жалованья экзекуторов: величина денежного довольствия выросла до

20 рублей 75 копеек в год. Или же тем, что осужденный мог получить амнистию, если соглашался стать палачом? Но для этого необходимо было поработать подмастерьем, и не каждый выдерживал такое испытание. Или тут все решал садизм? Маньяки, наверное, появились не вчера и не позавчера. И не надо было серийным убийцам промышлять глухими ночами: они были при деле...

В соответствии с указом царя Михаила Федоровича набор в палачи (в Нижнем их называли катами) осуществлялся из посадских, а также из «самых молодых или гулящих» людей, «которые волею своею в тое службу быть похотят», то есть добровольно. Но тот, кто выбирал эту стезю, должен был отчетливо понимать, что его жизнь кардинальным образом изменится. Жил палач в особом помещении под замком с казенной охраной – его берегли от гнева народного. Выпускали только для казни или пыток, отлова бродячих собак, надзора за гулящими девками, а еще по базарным дням – чтобы мастер заплочных дел под надзором караульщиков собирал с возов дань. Этот налог так и прозвали: «Кату – плату». А некоторые крестьяне давали грош или пятак просто так – как бы в виде задатка. «А вдруг что случится? – думали они. – Вот палач и поостережется кожу со спины спускать».

Да, палачей побаивались. При встрече с ними снимали шапки, кланялись, величали по имени-отчеству. Кстати, в Москве большинство мастеров заплочных дел носило фамилию Бархатовых – их называли в честь любимца Ивана Грозного, на счету которого, как утверждают историки, было не меньше полутора тысяч жертв. В Нижнем катами были, как правило, Криворотовы или Кирюшкины. Целые династии!

Экзекуции в городе обычно происходили на площади у церкви Иоанна Предтечи. Здесь было своего рода Лобное место: и кнутом пороли, и вешали, и головы рубили. А в пыточных и секли, и жгли, и морозили, и ребра ломали, и тело рвали клещами, и ногти «подчищали» – иглами под них кололи, и сажали на доску с гвоздями – фантазия палачей была беспредельной. Раскольников «томили в хомутах», которые стягивали голову, руки и ноги, от чего трещали кости и кровь шла изо рта и ушей.

Сохранилась инструкция для нижегородских палачей? «Обряд, како обвиненный пытается». Согласно ему, «для пытки должно быть сделано особое место, называемое застенок, огорожено палисадником и покрыто, для того, что при пытках бывают судьи и секретарь и для записи пыточных речей подъячий. В застенке же для пытки сделать дыбу, состоящую в трех столбах, из которых два вкопаны в землю, а третий

сверху, поперек. И когда назначено будет время, то кат явиться должен в застенки с инструментами; а оные суть: хомут шерстяной, к нему пришита веревка долгая; кнутья и ремень. По приходе судей в застенки, долгую веревку палач перекинет через поперечный в дыбе столб, и, взяв подлежащего к пытке, руки назад заворотит, и, положив их в хомут, через приставленных для того людей встегивает, дабы пытаный на земле не стоял, а руки выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет ремнем ноги и привязывает к сделанному нарочно впереди дыбы столбу; и, растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет».

Надо сказать, что палачи постоянно тренировались, дабы не утратить приобретенных навыков и совершенствовать их. Для этого оборудовался своего рода «спортзал», где были «тренажеры» и муляжи-манекены. Такое помещение должно быть просторным и с высоким потолком.

Особого искусства требовала порка кнутом. Кнут в то время состоял из кнутовища и ударной части – «языка», который изготавливался из полосы толстой свиной кожи, вымоченной в соляном растворе и высушенной под гнетом. Длина кнутовища в зависимости от роста палача колебалась от двух до двух с половиной метров, а «языка»? около метра. Этого вполне хватало, чтобы оставить на человеческом теле глубокие кровотокающие рубцы.

Если палачей было двое, то удары наносились поочередно – «елочкой». Если экзекуцию проводил один палач, то он чередовал удары справа и слева.

Как правило, каты владели кнутом виртуозно. Они могли сразу же забить человека насмерть, вызвав внутренние кровотечения. И брали взятки за то, чтобы «не изувечить, не крошить и не ломить без зазрения совести». Или, наоборот, причинить как можно больше страданий. Немалая часть тех денег, которые народ жертвовал на одежду наказуемому, тоже перепадала кату – это были так называемые «рогжи» или «полурогажи».

Мещанин Никитин в 1789 году порол в Нижнем Новгороде палач Еремей Кадкин. И за большие деньги не причинил ему никакого вреда. «Язык» бил не по телу, а по «кобыле» – столбу, к которому был привязан осужденный. Однако никто этого не заметил – все выглядело совершенно натурально.

Каты отработывали свои деньги, что называется, в поте лица. По свидетельству нижегородских летописцев, «для 20 ударов кнута по-

требен был целый час, а при многочисленности ударов наказание продолжалось от восходящего до заходящего солнца».

Смерть диакона

Одна из последних показательных и самых, пожалуй, варварских казней в Нижнем состоялась 21 марта 1720 года. С Оки дул пробористый мартовский ветер, юркой змеей проползал между скороспелых построек сырой туман – в такую погоду и шелудивого пса хозяин на двор не выгонит, – но на площади у храма Иоанна Предтечи колыхалось людское море. Тут были и городской голова, то бишь бургомистр по-новому, и вся знать, и зимогоры-бурлаки, и мещане, и безродные бродяги-нищие, и случайные зеваки, и горемыки-жалельщики – те, кто смахивал невзначай набежавшую слезу: казнят как-никак расколоучителя, почтенного человека.

Стрельцы в серых ферязях на меху, в скрипучих, густо смазанных дегтем сапогах, цокая, как лошади, подковами, двигались вереницей нарочито медленно – и казалось, что это незрячие маски, танец привидений. Скрестив впереди секиры, они подняли по истертым ступеням на лобное место согбенного, сломленного изощренными пытками человека, для которого смерть была избавлением от дальнейших мучений. Он уже мало что понимал, мутным взором обводя плотную стену сгрудившегося народа, застывшую в долгом молчании. Или действие происходит уже не в этом мире, и он видит слетевшиеся со всех сторон души таких же, как он, страдальцев?

Действительность перемешивалась с нереальностью, и было невозможно их разделить. Еще вчера осужденный на смерть намеревался что-то сказать напоследок, но сегодня скомкал в себе эти слова – не было никаких сил.

Да, наверное, ему бы и не позволили. Палач в красной шелковой рубахе с опояской, чернявый, румянощекий, с какими-то рачьими вылупленными глазами, мягкой рысьей походкой прошествовал на эшафот, повалил несчастного на колени. Он был профессионал. Коротко сверкнуло лезвие топора, и голова раскольника покатила по дощатому помосту, заливая его черной кровью...

Так 21 марта 1720 года закончил свою жизнь 55-летний Александр Дьякон, казненный по указке Нижегородского митрополита Питирима. Но казнь его была закономерна. Слишком уж были похожи Александр Дьякон и Питирим. С точностью до наоборот. А когда похожее борется с похожим, это всегда кончается плохо. Оба недруга предали веру, которую исповедовали вначале. Питирим был раскольником, но

потом принял православие «по Никону». Александр Диакон, родом из нерехтских посадских людей, служил диаконом в тамошнем Владимирском монастыре. Но его донимали многие сомнения, и в 1703 году, как он признавался на «расспросе», «страстно желая узнать истину», бросил свое место и ушел к раскольникам в чернораменские леса. Здесь он жил во многих скитах на послушании у старцев, а в 1709 году был пострижен в монахи.

Со временем Александр Диакон стал одним из духовных вождей раскола. А когда он в 1716 году стал распространять рукописные «ответы против Питирима», то собственноручно подписал себе смертный приговор. В «Диаконских ответах» обосновывалась позиция раскольников в отношении никонианства и содержались призывы почитать четырехконечный крест наряду с восьмиконечным. Это вызвало безумный гнев Петра I. В 1718 году иеромонаха арестовали и, после того как подвергли «выжным пыткам», отдали в руки палачу.

Между прочим, жизнегубец по прозвищу Криворотый действительно был высочайшим профессионалом. Современники свидетельствовали: он мог на спор так подхватить кнут, пущенный со всего размаха, что подставленный под него лист бумаги оставался невредим.

Приключения Криворотого

Но случилось так, что Криворотый по пьянке зарезал караульщика, который его охранял. Играли в карты, кат раз за разом проигрывал, но не хотел признавать свой долг. В конце концов достал нож из-за голенища... И был осужден на пожизненную каторгу. Скорее всего, потому, что смертный приговор приводить в исполнение в это время кроме него было некому. Не мог же он сам себе отрубить голову.

Криворотова сослали в Забайкалье. Но и на каторге палачи тоже были нужны. Криворотый без дела не остался. Арестантская артель, как писал в своем очерке «На поселении» известный публицист XIX века Сергей Максимов, «выделяла ему все: булки, чай, сахар, вино и прочее. Сверх того, от арестантской общины ему полагался полтинник в месяц за каждого наказуемого... Если же приходилось наказывать кого-либо из почетных тюремных сидельцев, из артельных любимцев, тот же староста или сам приговоренный шел по казармам с «имянинною кружкою» и собирал деньги для палача. Сбор такой назывался «подарком почетных старожил».

В общем, на каторжную жизнь Криворотый не жаловался. Был сыт, в меру пьян, на общие работы его не посылали. Не морда была, а кув-

шинное рыло, караульная будка. Единственное, на что жаловался, – на полнокровие. Выражаясь сегодняшним языком, на гипертонию.

И тем не менее его садистские наклонности взяли свое. Однажды ему стало в лом людей пороть кнутом, заскучал он по своему прежнему ремеслу и зашиб, а потом, как мясник, разрубил на куски подвернувшегося под горячую руку арестанта. И разложил эти куски на всеобщее обозрение: отдельно – филейная часть, отдельно – требуха, отдельно – грудинка... Такого на каторге в Горном Зерентуе не было никогда.

Суд был скор. Криворотого прилюдно повесили. Детей у него, слава богу, не было.

Интересное кино

Хронический дефицит палачей, явственно ощущавшийся в России с конца XVIII века, приводил порой к коллапсу всей судебной системы. Некому стало исполнять приговоры в части исполнения наказаний. Заключенный не мог покинуть тюрьму и отправиться по этапу до тех пор, пока не получил положенного ему телесного наказания и клеймения.

В 1804 году генерал-губернатор Малороссии Куракин направил в Санкт-Петербург предложение официально разрешить набор в палачи преступников, осужденных за незначительные преступления. Указ Сената от 13 марта 1805 года такое право ему предоставил. Однако Куракина ждало большое разочарование. *За год* желающих стать мастером заплочных дел *не отыскалось*.

Николай I повысил денежное жалованье палачам примерно в 20 раз. Кроме того, предусматривалось их бесплатное питание и снабжение одеждой за казенный счет. В случае выезда куда-то палачу платили командировочные – 12 копеек в сутки. В итоге они стали получать больше, чем даже ряд категорий чиновников. Но и это не вызвало никакого ажиотажа, хотя нищих и голодных в России всегда хватало. Уж больно негативно относился народ к этой профессии.

С того времени все палачи России были преступниками, которым сулили освобождение от наказания. Этим преступников нежно лелеяли пришедшие к власти большевики, которые сами были преступниками.

Обедня по убиенному

История зафиксировала лишь один случай, когда палач раскаялся в содеянном. Это был человек, лишивший жизни французского короля Людовика XVI. Он заказал по убиенному заупокойную обедню и до своего смертного часа не мог избавиться от чувства вины за то, что согласился исполнить приговор Конвента.

В России же все было с точностью до наоборот. В социальных катавасиях выплеснулись вовне низменные инстинкты. Потребность убивать для довольно большой группы людей стала неистребимой. К тому же это всячески поощрялось. В Москве, в спецраспределителе для заслуженных партийцев, в 20-е годы прошлого века висело, например, такое объявление: «Царевбийцам повидло выдается вне очереди».

В отличие от средневековых катов, нынешние себя не афишировали? выполняли свое дело конспиративно, но профессионально. Хотя порой все надоедало, терялась острота ощущений. Каждый день одно и то же: водка, выстрел в затылок, никакой тебе изюминки. И садисты, скучая, как Криворотый, похоже, реализовывали в свободное от работы время свои безумные фантазии. Очень похоже, что обойтись без этого они уже не могли...

3. Распни его, распни!

Природа помнит

Если на карте Нижегородской области обозначить флажками места, где когда-то творились расправы над людьми – виновными и невиновными, – практически вся карта будет ими утыкана. Казни совершались и при стечении народа, и в глухих местах, где только окружающая природа была свидетелем человеческих мучений.

Одно из таких мест – озеро Рельское под Курмышем.

– Реями в старину виселицы называли, – рассказывал почти сорок лет назад собирателям фольклора из Горького старожил Курмыша Михаил Яковлевич Водопьянов. – У нас в роду из поколения в поколение передается, что когда пугачевцы Курмыш приступом взяли, сразу же понастроили виселиц вдоль всего озера. И стали вешать бояр да попов. А когда царские воеводы захватили бунтовщиков, уже над ними изгаляться стали.

Но помнят об этом не только люди. Природа тоже. Озеро Рельское снискало себе недобрую славу. На кого рассердится – тому лучше с белого света долой. Либо утонет, либо деревом привалит, либо еще что-нибудь приключится. И местные жители ходят сюда с опаской.

Свозили к Арзамасу и сподвижников Кондратия Булавина. Обочь дорог стояли виселицы, и воронье кружилось над местом массовых казней, которое называли Божьим городком.

Но прошло несколько лет, и к костям булавинцев присоединились кости ссыльных стрельцов, которые самовольно покинули Великие

Луки и двинулись на Москву. Увы, воевода Шеин одолел мятежников. Зачинщиков укоротили на голову, но Петр повелел казнить и остальных, отправленных в Арзамас.

Сколько народу погребено здесь, досконально никто не знает. Много. Тут еще за сто лет до пугачевцев похоронены казненные воеводой Юрием Долгоруковым сподвижники Стеньки Разина. Иностранец, посол при дворе царя Алексея Михайловича, Кунрад фон Кленк, оказался нечаянным свидетелем того, что тогда происходило в Арзамасе. «На это место страшно было смотреть, оно походило на преддверие ада, писал он. ? Кругом стояли виселицы; на каждой колыhalось по нескольку человек. В другом месте валялось множество обезглавленных тел, плавающих в крови, находились посаженные на кол люди, из коих немало оставалось живыми до трех суток, и слышны были их голоса. В три месяца от рук палачей погибло 11 тысяч человек».

Земля, пропитанная страданием

Сколько же у нас таких мест, которые люди стараются обойти стороной: кажется, что здесь даже земля пропитана страданием? Никто не знает. Где ни копни – всюду кости.

Взять, к примеру, окрестности деревни Юсупово Перевозского района. Здесь, как значится в донесении царю уже упомянутого выше Юрия Долгорукова, «кратные люди с воровскими людьми (сторонниками Стеньки Разина. – С.С.) сошлись, тех воров и изменников побили, а многих казнили».

Перенесемся на берег Оки вблизи Воротынца. Здесь, как рапортовал Екатерине II нижегородский губернатор Ступишин, был повешен пугачевец Чернов «в рассуждении таком, что в том самом месте, где он повешен, не только Нижегородской, но и других губерний бурлаков находилось и ныне находится для грузки соли великое множество, которые, то видя, могут не только сами приходить в страх, но и другим объявлять будут, что за злодейство сообщники Пугачева не избегают достойного наказания». Труп Чернова провисел много дней, пока от него не остался один скелет.

Смертной казни подвергались и женщины. Сборное Уложение постановляло за убийство мужа «убивицу живую окопать в землю и казнить ее такой казнью безо всякой пощады, хотя бы дети убиенного и ближние его родственники и не захотели, чтобы ее казнили».

Подобную экзекуцию описывает один из иностранцев, посещавших Московию, Таннер: «Завязав преступнице руки назад, ее закопали

по пояс в землю... На ее беду напали на нее голодные собаки, во множестве бродившие по городу, и после отчаянного сопротивления несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали из земли и разнесли по кускам».

Этот вид казни россияне, как и другие народы, позаимствовали у китайцев. Там это было обычной практикой. При императоре Цинь Шихуане в 213 году до нашей эры за приверженность учению Конфуция были закопаны живьем 460 человек. Русская княгиня Ольга расправилась таким образом с посланниками древлян, убивших ее мужа, князя Игоря. К сожалению, средневековые вернулись в Россию с Гражданской войной. В 1919 году в Перми большевиками был заживо зарыт епископ Андроник.

«А Овцына повесить с овцой!»

Смертная казнь практиковалась с незапамятных времен. Древние иудеи лишали жизни тех, кто «ложился с мужчиною, как с женщиною», кто был уличен в кровосмешении, кто злословил на своих предков.

В Древней Греции эшафот ждал тех, кто пренебрежительно относился к могилам павших в бою воинов. Сократу предложили выпить яд за то, что он якобы растлевал молодежь неподобающими мудрствованиями. В Китае казнили контрабандистов.

При Петре I карались смертью такие преступления, как самовольная порубка дубрав, богохульство, идолопоклонничество, похищение денег, подлог, дуэль, лжеприсяга, блуд. При этом простым «усекновением» головы дело не ограничивалось. Фантазия тех, кто вершил суд, была беспредельной.

Едва ли не самым распространенным видом казни в древности было распятие. Смерть на кресте считалась у римлян и израильтян позорнейшей казнью, к которой приговаривали лишь закоренелых злодеев и изменников. Распятим обычно перебивали голени, что приводило к быстрой смерти от удушья, поскольку, чтобы дышать на кресте, нужно приподнимать грудную клетку, опираясь на ноги. Если же голени не перебивали, человек умирал от обезвоживания организма.

После подавления восстания Спартака римляне распяли по обочинам дорог 6 тысяч восставших рабов. Александр Македонский, разгневанный упорством защитников финикийского города Тира, таким же образом казнил 2 тысячи человек. Точно так же был лишен земной жизни Иисус Христос.

Между прочим, распятие до сих пор сохранилось в законодательстве Судана. Правда, с одной оговоркой: оно осуществляется уже после повешения осужденного. В Поволжье за всю его историю чекисты распяли зачинщиков при подавлении крестьянского восстания в Урене в 1918 году. Во время Великой Отечественной фашисты прибили гвоздями к кресту нижегородца Юрия Смирнова, попавшего к ним в плен.

В сталинские времена на страницах одного исторического журнала разгорелся спор: кто из великих правителей был самым изобретательным по части способов смертной казни. Назывались имена властителя Рима Калигулы, китайских императоров. Но победил Иван Грозный. Чего он только не выдумывал! Новгородского епископа Леонида зашил в медвежью шкуру и затравил собаками. Одну из своих жен, Василису Мелентьеву, якобы изменившую ему, приказал положить в гроб живой и закопать. И «юморил» направо и налево. Некого Овцына повесил вместе с овцой, рыбаков, которые привезли царю несвежих осетров, выпотрошил, как потрошат рыбу. Неудобных монахов привязал к пороховой бочке, которую взорвали, дабы «святоши аки ангелы воспарили ко своему Господу». Французскому послу, вовремя не снявшему перед государем шляпу, эту же шляпу прибили к голове гвоздями. Но апогеем жестокости можно по праву считать казнь главы Иностранного приказа Ивана Висковатого. Гости, созданные царем на пир, отрезали от него, еще живого, куски мяса и ели его сырым. А попробуй не съешь!

Впрочем, гости, приглашенные царем, не знали, чего опасаться. Один из опричников, Иван Реутов, так «неудачно» «отхватил кусок», что Висковатый умер. Тогда Грозный обвинил Реутова в том, что он сделал это нарочно, чтобы сократить мучения главы приказа, и повелел казнить его. Но царский приказ не был выполнен. Оказалось, что опричник заразился чумой. Он успел умереть без посторонней помощи.

Иван Грозный обожал комбинированные виды казни. Казначей Никиту Фуникова-Курпеева обливали попеременно то кипятком, то ледяной водой. В конце июля 1570 года, присутствуя на массовой казни в Москве, государь распорядился, «вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу». В Новгороде приказывал обливать людей специальным горючим составом, который воспламенялся как «коктейль Молотова». После этого жертв привязывали к саням и пускали лошадей вскачь. Тела оставляли на снегу кровавые полосы.

Особые казни предусматривались для изменников. Их варили в больших котлах в зависимости от тяжести преступления – либо в масле, либо в вине, либо просто в воде. Что было мучительней, неизвестно.

26 секунд небытия

Что страшнее? Виселица? Секира палача? Расстрел? Сожжение? Расплавленный металл в горле? Крыса в животе? Смерть на колу? Ответить на этот вопрос пытался французский врач Николаус Миновици. Но так ни к какому выводу и не пришел.

Всего он насчитал 34 разновидности казней, хотя их, по всей видимости, куда больше. И начал Миновици свои эксперименты в 1905 году с удавления. Опыты проводил на самом себе.

Экспериментатор, разумеется, постарался обезопаситься. Через блок, приделанный к потолку, он пропустил шнур, один конец которого врач держал в правой руке, а другой конец, завязанный петлей, набрасывал себе на шею. Затем Миновици ложился на пол и тянул веревку правой рукой до тех пор, пока мог выдержать. Лицо врача багровело, в ушах возникал неприятный шум, перед глазами вспыхивали огненные круги. Постепенно Миновици усложнял опыты и пытался «привыкнуть» к состоянию повешенного путем затягивания петли до 6–7 раз подряд в течение 4–5 секунд. Наконец, он решился на эксперимент почти в чистом виде: не лежал на полу, а висел в петле, которую через блок держал ассистент.

Максимальная продолжительность нахождения в петле составила 26 секунд. Описывая свои ощущения, врач констатировал: «Как только ноги оторвались от опоры, веки мои судорожно сжались. Дыхательные пути были перекрыты настолько плотно, что я не мог сделать ни вдоха, ни выдоха. В ушах раздался какой-то свист, я уже не слышал голоса ассистента, натягивавшего шнур и отмечавшего по секундомеру время. В конце концов боль и недостаток воздуха заставили меня остановить опыт. Когда эксперимент был закончен и я спустился вниз, из глаз моих брызнули слезы».

Современная технология повешения была разработана в середине прошлого века Королевской комиссией по смертной казни в Великобритании. «Специалисты» по казням исходили из «гуманной» необходимости «наступления скорой и безболезненной смерти путем смещения позвонков без отделения головы от тела». В соответствии с рекомендациями экспертов «длина веревки должна подбираться с учетом роста и веса осужденного – чтобы добиться разрыва спинного мозга, но без отделения головы». Но на практике достичь этого не просто. Зачастую, при неверном расчете или неопытности палача, разрыва спинного мозга не происходит, и осужденный погибает от уду-

шения. Так погибали осужденные на повешение в прошлые века. Их путь к смерти был долгим и мучительным.

Среди множества примеров можно назвать казнь декабристов в 1826 году. Помост, на котором они стояли, неожиданно опрокинулся, три веревки оборвались, и Рылеев, Пестель и Каховский упали вниз.

Веревки заменили, но веревка Пестеля была так длинна, что он ногами касался помоста, и это продлило его мучения. Вероятно, то же самое испытал и советский разведчик Рихард Зорге. После того, как тело его сняли с виселицы, тюремный врач, зафиксировал, что сердце повешенного билось еще 8 минут.

Укоротить на голову

Этот вид казни сейчас применяется только в Саудовской Аравии да еще закреплен в законодательстве Йеменской Арабской Республики и Объединенных Арабских Эмиратов. А раньше был распространен повсеместно: и в Древнем Риме, и в Османской империи, и в средневековой Европе, и в России. Таким способом были казнены английские короли Ричард II и Карл I, шотландская королева Мария Стюарт, французский король Людовик XVI и его жена Мария-Антуанетта. В Англии укоротили на голову талантливого поэта графа Серрея, жен короля Генриха VIII Анну Болейн и Екатерину Говард, в Испании – Нуньеса де Бальбоа, открывшего Тихий океан, в России – Стеньку Разина, Емельяна Пугачева и бесчисленное множество других людей – как заурядных уголовников, так и людей выдающихся, талантливых.

Большевики, придя к власти, отменили смертную казнь. Но ненадолго. А обезглавливание они несколько усовершенствовали. Во время Гражданской войны применили для этого шашки. Как свидетельствуют документы Архива русской революции, во время расправы в Пятигорске в 1918 году над генералом добровольческой армии Рузским и его соратниками «палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шею. Вслед за этим наносились удары шашками. Среди палачей были неумелые, которые не могли нанести удара с одного взмаха, и тогда заложника ударяли раз по пяти, а то и больше. Рузского рубил сам Атарбеков – руководитель ЧК. Других четверовали – рубили сначала руки и ноги, а потом уже головы».

Костер бушевал и палил...

Нижегородчина обошла другие регионы России по гибели людей от огня. Невыносимую муку испытывали старообрядцы, которых при-

говаривали сжечь заживо. Они тысячами всходили на костер, как мятежный протопоп Аввакум. Но этот огонь еле тлел – протопопа коптели, как рыбу или свиные окорока. А вот сподвижница Стеньки Разина Алена, атаман-вор-старлица, захваченная царскими карателями в Темникове, была сожжена на костре, который «бушевал и палил даже в отдалении».

Нижегородские раскольники и сами порой приговаривали себя к смерти. Они считали, что огонь очищает душу. Но в других странах так не думали. Там руководствовались другим: сожжение – один из самых мучительных видов смертной казни. И самый, пожалуй, дешевый. Наверное, этим руководствовался и персидский царь Дарий II, который заживо сжег свою мать.

Костры, на которых сжигали еретиков и ведьм, в Средние века запылали по всей Европе. При этом если осужденный раскаивался, то его предварительно душили, после чего бросали в огонь уже мертвое тело. Если же обвиняемый упорствовал, его полагалось сжечь заживо. Особое усердие в борьбе с еретиками проявили английская королева Мария Тюдор, получившая кличку Кровавой, и верховный инквизитор Испании Торквемада. По данным историка Х. Льоренте, за 18 лет деятельности Торквемады на костер взойшли 8800 человек.

Не отставала от Европы и Россия. Когда в 1411 году в Пскове началась эпидемия чумы, по обвинению «в напуске болезни» были сожжены 12 женщин. При царе Алексее Михайловиче «запалили в срубе Старицу Олену за волховство, чернокнижничество, чародейскими бумагами и коренья». В Тотьме в 1674 году та же участь постигла некую Феодосью «по оговору и порче». В 1701 году сожжение было применено к Гришке Талицкому и его соучастнику Савину за распространение возмутительных «тетрадей» о Петре I. Обоих осужденных в течение нескольких часов «окуривали едким составом, от которого у них вылезли все волосы на голове и бороде, и все тело медленно тлело, как воск».

До Гражданской войны в России считалось, что последней жертвой огня была ведьма из мексиканского города Камарго – костер унес ее жизнь в 1860 году. Но, увы, это была не последняя жертва. «Ужаснее всех погиб ротмистр Новацкий, которого матросы считали душой восстания в Евпатории, – вспоминал Деникин о расправах большевиков в Крыму в январе 1918 года. – Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в корабельную топку». Впрочем, и белые поступали точно так же. В 1920 году были сожжены в

паровозной топке руководители военно-революционных организаций Дальнего Востока Сергей Лазо и два его ближайших соратника.

Камнеметание

В Библии о такой казни упоминается довольно часто. В Коране тоже. Побивание камнями до сих пор практикуется в некоторых мусульманских странах, в частности, в Иране. Здесь осужденного привязывают к столбу, после чего по команде судьи начинается камнеметание. Такая казнь очень мучительна, поскольку камни не очень большие. Это специально оговаривает статья 119 Исламского уголовного кодекса Ирана.

Считается, что это наказание ввел халиф Омар. Он принародно поклялся, что сам пророк Мухаммед сказал ему, что это нужно делать в отношении прелюбодеев и прелюбодеек. И Омару поверили.

В докладе «Международной амнистии» приводятся свидетельства очевидцев о подобных экзекуциях. Осужденные на казнь не умирают сразу. Их, как правило, добивают лопатами.

Против лома нет приема

Историк А.Ф. Кистяковский считал, что этот способ лишения жизни самый мучительный из всех когда-либо существовавших. Он описывал его так: «К эшафоту привязывали в горизонтальном положении андреевский крест, сделанный из двух бревен. На этом кресте растягивали преступника так, чтобы лицом он был обращен к небу. Затем палач, вооруженный ломом, наносил удары, переламывая кости рук и ног, а затем и позвоночник. После этого преступника и крест вращали и оставляли жертву в таком положении умирать».

Но был еще один вариант – колесования. Осужденного укладывали на эшафоте с вытянутыми руками и ногами. Потом по его телу с силой катали тяжелое колесо, обитое железом, чтобы раздавить и раздробить все кости и внутренние органы, превращая тело в бесформенную массу.

Начинали обычно с ног. Потом перемалывали руки, затем позвоночник и, наконец, череп. Но это было редко, по особому указанию судей. Как правило, казненный, если он не умирал от болевого шока, мучился на колесе в течение нескольких часов.

Колесование применялось и в античные времена, и в Средние века.

Металл-убийца

Римский полководец Аквиллий был для греческого царя Митридата, как кость в горле. Легионы Аквиллия, действуя партизанскими методами, совершали неожиданные вылазки и громили греческие гарнизоны. И тут же исчезали.

И все-таки Митридат застал врасплох своего врага. В 88 году до нашей эры в битве при Прототахии греки разгромили римлян, а самого Аквиллия взяли в плен. Митридат придумал, по его мнению, казнь, достойную полководца. Он велел залить ему горло расплавленным золотом.

Персидский царь Артаксеркс II на такие фантазии, как Митридат, был не способен. Он приказал обезглавить одного из своих воинов, который принимал непосредственное участие в убийстве брата Артаксеркса Кира. Однако мать Артаксеркса попросила сына отдать ей приговоренного к смерти. У нее фантазии было побольше. С легкой руки царственной мамы убийце сначала выкололи глаза, а затем залили в горло расплавленную медь.

В средневековой России до 1672 года подобным образом казнили фальшивомонетчиков. Однако из экономии лили в глотку не серебро и не золото, а свинец, который мошенники подмешивали в благородный металл.

Смерть на колу

Рекордсменом по этому виду казни был господарь Валахии Влад III, также известный как Влад Цепеш, Колосажатель (позднее он стал вампиром Дракулой, персонажем большого количества фильмов и книг). А прозвище Колосажатель Влад получил за жестокость в расправе с врагами и подданными, которых сажал на кол. Известен случай, когда Цепеш созвал к себе 500 бояр и спросил их, сколько правителей помнит каждый из них. Оказалось, что не больше семи. Это почему-то вызвало гнев Цепеша. Он приказал всех бояр посадить на кол в его столице Тырговиште. В то время, когда они умирали, Влад завтракал, наблюдая агонию своих жертв.

Колам с посаженными на них людьми, придавались различные геометрические формы, рождаемые безудержной фантазией Цепеша. При этом Влад специально следил, чтобы конец кола ни в коем случае не был слишком острым – обильное кровоизлияние могло слишком рано прекратить мучения жертвы.

Экзотика

О таких казнях, как подвешивание за ребро на крюк, вспомнили в фашистской Германии. Страдания осужденного в этом случае могли длиться очень долго. Но и Саддам Хусейн тоже применял это смертоубийство, расправляясь с восставшими курдами в 80-х годах прошлого века.

Хорошо, что в Ираке акул не водится. А вот англичане в южных морях, расправляясь с бунтовщиками, бросали их, обвязав канатом и снабдив ножом и дубинкой, в воду, кишашую этими хищниками. Если бунтовщику удавалось отбиться от акул, это объявляли Божьей волей, поднимали его на палубу и даровали прощение.

Такой же экзотикой была и смерть от крысы. Клетку без дна или просто ведро, где находилась голодная крыса, ставили на живот связанному осужденному. Крыса моментально начинала прогрызать внутренности. Надо сказать, что этот вид казни, применявшийся в древности в Китае, был реанимирован во время культурной революции, а еще раньше ? в годы Гражданской войны в Киевской чрезвычайке.

Другим страшным видом казни было обливание человека водой на морозе. В заявлении Центрального бюро партии эсеров от 31 декабря 1918 года говорилось, что в Воронежской и Нижегородской губерниях сотрудники ЧК «превращают людей в ледяные столбы». 29 декабря 1918 года так был казнен Феофан (Ильменский), епископ Соликамский. Его раздели, привязали к длинной жерди и опускали в прорубь, пока священнослужитель не покрылся льдом. Таким же образом фашисты казнили и советского генерала Карбышева.

По свидетельству бывшего телохранителя Саддама Хусейна Карима, Хусейн нередко растворял негодных ему людей в кислоте. Для этого в одной из тюрем был сооружен небольшой бассейн, окруженный заборчиком из кованого железа. В бассейне плавали еще не до конца растворившиеся чьи-то останки. Впрочем, это не было оригинальным изобретением иракского диктатора. В середине прошлого века сирийцы таким образом уничтожили лидера Ливанской компартии Фарджаллу аль-Хелу.

Мертвец на троне

12 октября 1998 года перед зданием парламента в Тегусигальпе собралась большая толпа. Здесь состоялась публичная казнь... Христофора Колумба, который умер полтысячи лет назад.

Нет, это не черный юмор. Суд над мореплавателем продолжался ровно три месяца. Его обвиняли «в похищении людей, краже культурных ценностей, агрессии против народов Западного полушария, экс-

порте неизвестных болезней, обращении индейцев в рабство, пытках, массовых убийствах, разрушении традиционной и насаждении чуждой культуры, контрабанде фауны и флоры» и других грехах. Вердикт был вынесен предсказуемый заранее: смерть.

Но как казнить человека, которого нет в живых? И более того? неизвестно, где его могила. Выход нашли. На площади установили большой портрет Колумба. Четверо индейцев в ритуальных нарядах выпустили в него из луков четыре стрелы...

Как тут не вспомнить поэта Василия Жуковского?! Он писал: «Надо окружить казнь мистической таинственностью... На людях казнимый нагло храбрится, тем оскверняя закон». И в разных странах, ничего не зная о Жуковском, следуют нередко его совету.

Тысячу с лишним лет назад, в конце IX века, папский престол в Риме занял Стефан VI. И он решил судить своего предшественника Формозу. Тело епископа выкопали из могилы и посадили на трон. Суд вынес приговор, и мертвецу отрубили три пальца, которыми он благославлял паству при жизни, а затем труп привязали к лошади, протащили через весь Рим и сбросили в Тибр.

Таким же образом поступил со своим политическим противником и другой папа, Иоанн XIII. Он приказал вырыть труп герцога Рефреда, вывалить его в грязи и выбросить на свалку.

После этого издевательства над мертвецами стали в Риме едва ли не правилом хорошего тона. Папа Бонифаций VII привязал труп своего предшественника к подъемному мосту дворцовой крепости. Он не знал, что его самого постигнет та же судьба. После смерти Бонифация тело его вытащили из гроба и подвесили вниз головой, сделав мишенью для плевков.

«Передовой опыт» итальянцев был внедрен и в других странах. В Англии извлекли из могилы труп Оливера Кромвеля и тоже повесили. Потом отрубили голову и выставили на всеобщее обозрение и устрашение.

Любили подобные забавы и русские самодержцы. Лжедмитрий приказал выбросить тело Бориса Годунова из усыпальницы Архангельского собора Кремля. Спустя некоторое время выкинули на помойку и труп Лжедмитрия. В конце концов, его сожгли на костре, пепел зарядили в пушку и выстрелили в сторону Польши.

Петр I тоже не прочь был поиздеваться над покойниками. Он распорядился доставить гроб боярина Милославского, одного из участ-

ников заговора царевны Софьи, в село Преображенское в повозке, в которую запрягли... свиней. Здесь гроб открыли, а над ним казнили двух других заговорщиков – Соковнина и Циклера. Их кровь лилась прямо на лицо мертвеца.

Увы, и в прошлом веке таких случаев тоже было немало. Началось с осквернения могилы Григория Распутина, а закончилось последним приютом другого Григория – Котовского. Здесь похозяйничали румыны. И сегодня никто не может сказать, стоит ли на этом ставить точку.

Цивилизованные смертоубийства

Когда Великая французская революция перешла к массовому террору, палачей стало не хватать, да и топоры нужно было точить постоянно. И депутат Национального собрания, врач по профессии Гийотен изобрел гильотину – машину, отсекавшую голову тяжелым ножом, падающим сверху. Ей была суждена долгая жизнь – вплоть до 1981 года.

Расстрел стал применяться сразу же, как в Европу был завезен порох. Сегодня 86 стран из 100, где смертная казнь не запрещена и не заморожена, применяют именно этот вид высшей меры. Но, увы, эта смерть бывает особо мучительной. «Иногда стрельба неудачна, – докладывал руководитель расстрельной команды начальнику Московской ЧК в 1920 году. – С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда в него выпускают ряд пуль: наступая на лежащего, бьют в упор в голову или грудь. 11 марта Р. Олеховскую, приговоренную к смерти, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные хрящи».

А теперь немного статистики. Если в России за 80 лет (с 1826 по 1906 год) было расстреляно по приговору суда 40 человек, то в СССР лишь за 1985?1988 годы более 2 тысяч человек. Для сравнения: за тот же период, по официальным данным, в Алжире казнено 12 человек, в Анголе – 15, в Бенине – 8, в Болгарии – 32, в Венгрии – 2, во Вьетнаме – 3, в Габоне – 1, в Гане – 37, в Гвинее – 2, в Гвинее-Бисау – 7, в Индонезии – 19, в Китае – 500, на Кубе – 4, в Мавритании – 3, в Мозамбике – 4, в Румынии – 2, в Сомали – 50, в Таиланде – 34, на Тайване – 17, в Югославии – 4 человека.

В большинстве стран сегодня практикуют повешение, электрический стул или инъекции. Но не всегда это эффективно. В 1947 году в штате Луизиана остался жив после включения тока 17-летний негр Вилли Фрэнсис. Аналогичные истории случались и в дальнейшем. Для

казни Джона Луи Эванса в апреле 1983 года в штате Алабама пришлось в течение 14 минут трижды подавать ток напряжением в 1900 вольт, прежде чем была констатирована смерть осужденного. В декабре 1984 года во время казни Альфы Отиса Стивенса в штате Джорджия он мучился 8 минут, пока не подали второй разряд. Уильям Вэндивер был убит только после пятого разряда тока.

«Вышка» на все времена

В Уложении царя Алексея Михайловича смертной казнью каралось 50 разных видов преступлений, при Петре I – уже 200. Но императрица Елизавета, не переделав ни одного закона, за 20 лет своего правления не приговорила к «вышке» ни одного человека! А вот Павел I смертную казнь вообще отменил. Его преемник, Александр I, снова ее ввел, но с оговоркой: только для тех, кто совершил воинское преступление, причем в походе.

После восстания декабристов смертной казнью карались осужденные за государственные, а также за военно-уголовные преступления. По прикидкам либерального деятеля начала позапрошлого века Николая Таганцева, с 1825 по 1905 год в России было казнено 894 человека, а вот с 1905 по 1908-й ? 2200. Но именно в это время начался разгул терроризма.

Временное правительство в марте 1917 года отменило высшую меру наказания. Но мораторий продолжался недолго – до июля. Большевики 28 октября 1917-го под давлением левых эсеров, входивших в правительство, сделали было реверанс и тоже выпустили декрет, согласно которому смертная казнь отменялась. Но уже в начале следующего года был расстрелян адмирал Алексей Щастный, который отказался затопить военные корабли в Балтийском море. И – пошло-поехало.

Чекисты, которые заправляли палаческими делами, не испытывали жалости ни к кому. «Всего расстреляно уголовных преступников, уличенных в грабеже, хищениях, – 20 человек, – значится в докладе „О деятельности Нижгубчека за сентябрь 1918 года“. – Большое внимание комиссией было уделено борьбе с пьянством, и с этой целью арестовывались как пьяные, так и те, у которых приобретались спиртные напитки. Как те, так и другие привлечены к уголовной ответственности, а некая Анастасия Ловыгина за систематическую торговлю денатуратом и массовое спаивание красноармейцев была расстреляна».

При Сталине масштабы казней приобрели невиданный дотоле размах. Он затмил своей жестокостью и Чингисхана, и Тамерлана, и Кали-

гулу, и так обожаемого им Ивана Грозного. Расстрелы производились по всей стране, где попало. О многих таких местах мы до сих пор не знаем – чекисты надежно хранят свои тайны. Никто не знает и как влияют эти «нехорошие» места на психику и здоровье людей, которые живут там сегодня. И как-то неуютно становится. Создается такое впечатление, что вся наша большая Россия – это одно огромное «нехорошее» место, что-то вроде озера Рельского.

4. Ванька Каин и другие

Бандит, доносчик... и сыщик

В 1779 году вышла в свет документальная повесть Матвея Комарова под названием «История Ваньки Каина». Сегодня она стала библиографической редкостью. Забыли и ее героя, который, занимаясь грабежами в Москве, Макарьеве и Нижнем Новгороде, был «по совместительству»... бандитом, доносчиком и сыщиком.

Ванька Каин (на самом деле его звали Иваном Осиповым) родился в 1718 году в крестьянской семье под Ярославлем. Тринадцатилетним подростком его отправили в Москву «в услужение» к богатому купцу Петру Филатьеву.

Первой своей жертвой Ванька выбрал именно его. Ночью он взломал сундук с деньгами и прибил к воротам бумагу, на которой написал: «Пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай у тебя черт, а не я».

Эту кражу Ванька Каин совершил вместе со своим приятелем Петром Романовым по прозвищу Камчатка. Но вскоре дворовые Филатьева воров отыскали. Ваньку приковали к столбу, возле которого денно и ночью дежурил огромный медведь-сторож. И быть бы ему на каторге, если бы не смазливая внешность. Нашлась одна крестьянская девочка, которая давно по нему сохла. Она шепнула, что в заброшенном колодце рядом с домом Филатьева спрятан труп убитого кем-то солдата.

Ванька Каин потребовал, чтобы его доставили в Тайную канцелярию, где выложил все, что знал. За это его освободили.

Вместе с Камчаткой и лихими людьми из шайки Михаила Зари Ванька отправился в Макарьев. Здесь на лесных дорогах грабил «сумчатых»? как и сегодня, так в старину, называли купцов-челноков, которые спешили со своим товаром на ярмарку.

Долго не могли изловить эту шайку. Но, набив карманы золотом и драгоценностями, Ваньке Каину наскучило заниматься лихоимством, и он 27 декабря 1741 года сам явился в Сыскной приказ с челобитной.

«Сим о себе доношением приношу, – говорилось в ней, – что я забыл страх Божий и смертный час и впал в немалое прегрешение. Будучи в Москве и прочих городах, мошенничал денно и ночью».

Покаявшись в своих грехах (хотя и не во всех), Ванька Каин приложил к этой бумаге полный список членов своей шайки, в которой насчитывалось больше трех десятков человек, и заявил, что может изловить всех до единого, если ему дадут в распоряжение конвой.

Подумали, поразмыслили в Сыскном приказе и приняли предложение разбойника. Дали ему 14 солдат и подъячего Петра Донского. И в первую же ночь Ванька Каин переловил многих. В разных источниках называются разные цифры – от 30 до 103 человек.

После этой операции Каина стали официально именовать доносителем. И он развил бурную деятельность. За два года задержал и доставил в Сыскной приказ 109 мошенников, 37 воров, 50 разбойников, 60 скупщиков краденого, 42 беглых рекрутов.

Но Ваньку Каина нагло обманули. Ему не выплатили не только премиальных, но даже не компенсировали личных расходов по розыску и поимке преступников. И Ванька разобиделся на весь белый свет. Если раньше он только прикидывался раскаявшимся, теперь стал мстить своим обидчикам, обвинять их в мздоимстве. На самом же деле вымогательством и шантажом занялся сам. Тех преступников, кто откупился, он отпускал с миром, а в Сыскной приказ доставлял лишь тех, у кого денег не было.

Чтобы обезопасить себя, Ванька пишет в Сенат челобитную, где сообщает, что отпускаемые им люди – его агенты, а враги, бывшие коллеги по сыску, возводят на него разные клеветы потому, что завидуют его успехам. И Сенат поверил Ваньке Каину. 3 октября 1744 года выходит указ, согласно которому следовало никакие доносы на Каина не принимать! Более того, он получает право арестовывать кого угодно, а полиция и военные «должны содействовать первому его требованию».

После этого Ванька стал действовать еще наглее. Он завел себе подручных? Федора Парыгина и Тараса Федорова. Однажды эта троица ворвалась в дом зажиточного крестьянина Еремея Иванова, избила его, отобрала деньги и ценные вещи, да еще и похитила племянницу Иванова. За нее пришлось вносить большой выкуп.

Крестьянин обратился не куда-нибудь, а в Тайную канцелярию. Ваньку и его сподвижников арестовали. Под пытками Федоров и Парыгин признались даже в том, чего они не совершали. Их сослали в

Сибирь, а Ванька был «нешадно бит плетью», но его опять отпустили. Понимали: такой агент еще может принести немало пользы.

Летом 1748 года в Москве нечем было дышать от гари. Пожары вспыхивали один за другим. Участились грабежи и мародерство. Для борьбы с преступностью в Белокаменную были введены войска. И тут Ванька Каин совершает необдуманый поступок. Он сдает своего закадычного друга Камчатку, чтобы хоть как-то выслужиться. А Камчатка, в свою очередь, живописует «подвиги» Ваньки.

Камчатку сослали в Оренбург, а за Ванькой Каином установили негласное наблюдение. И он попался как кур в ошип. Стало ясно, что двойной агент причастен к похищению 15-летней дочери солдата Коломенского полка Федора Зевакина. И генерал-полицмейстер Татищев не стал церемониться. Ваньку Каина взяли под стражу. А на дыбе тот рассказал обо всех своих похождениях и о людях, его прикрывавших.

Согласно одной из версий, на этом и закончился земной путь Ваньки Каина. Но согласно другой – и она более вероятна, – вынесенный Ваньке смертный приговор за заслуги перед Сыскным приказом все же заменили каторгой. А на забайкальских рудниках Ванька якобы начал слагать песни, которые в тех местах поют до сих пор. Нет, что ни говори, а талантливым был он человеком!

Но самое любопытное заключается в следующем. Когда Каин был штатным доносителем, в Нижнем, Макарьеве и других волжских городах, как свидетельствовали современники, «спокойно было, разбой не учинялись».

Наполеоновский шпион

Отечественная война 1812 года вызвала патриотический подъем во всех слоях российского общества. Нижний, как и во время Смуты, снова стал одним из главных пунктов, где формировались полки ополченцев – их называли тогда «жертвенниками».

Ополченцев к присяге не приводили и волос не брили, за что французы прозвали их «бородатыми воинами». Для экипировки их нижегородцы собрали 20 тысяч рублей, насушили 228 пудов 15 фунтов сухарей, заготовили много крупы и овса. Для перевозки артиллерийских орудий и другого снаряжения в Нижний Новгород из губернии пригнали лошадей. Владельцы кожевенных заведений выделили конскую упряжь.

Но существовала опасность, что под видом добровольцев в ополчение запишутся и неприятельские шпионы. Это подтвердилось в январе 1813 года под Лысковым. Там действительно задержали наполе-

оновского лазутчика. Им оказался крестьянин Степан Рачков, приписной витебского помещика Сверчкова.

Рачков ничего не скрывал. Его хозяин Сверчков уговорил «девятьсот душ мужского пола принять службу и вступить в подданство к императору французскому». В противном случае за отказ повиноваться помещик угрожал каждого крестьянина расстрелять. Так и пришлось Рачкову напялить на себя чужую военную форму.

Его отрядили в разведчики. Вместе с двумя другими крестьянами Рачкову было велено идти в другие города «для осмотра крепостей и склонения по всем местам народа к подданству французам». Конечным пунктом его маршрута была Пермь. На дорогу лазутчику выдали 25 рублей серебром, а по возвращении обещали еще сто.

Рачков беспрепятственно прибыл из Смоленска в Москву, где его завербовали вторично. Купец, назвавшийся Агафоновым, дал ему денег с условием, что Рачков будет делать все наоборот, то есть выявлять наполеоновских шпионов. Сообщать же о них он должен «своему человеку» в Нижнем.

Рачков не знал, что ему делать. И решил затеряться в каких-нибудь камышах. А тут услышал, что идет запись в ополчение. Вот где, размышлял Рачков, можно надежно спрятаться.

Но двойной агент просчитался. Его вывели на чистую воду. После допроса «с пристрастием» отправили в Макарьев, а оттуда – в Нижний Новгород. Там прокурор Смирнов и губернатор Руновский доложили о пойманном двойном агенте в Кабинет министров. И получили указание «своему человеку» в Нижнем не чинить никаких препятствий, а шпиона отправить к витебскому гражданскому губернатору для «открытия по местным изысканиям истины во всех данных им показаниях». Но к тому времени Париж был взят, и Рачкова амнистировали. Пришел он уже к другому помещику: прежнего успели казнить.

Революция и калоши

Имя сотрудника царской охраны Спиридовича когда-то было широко известно, как имена Зубатова или Судейкина и других жандармов и полицейских, преследовавших революционеров. Впрочем, зря их представляли монстрами: теперь, когда появилась иная точка зрения на события трех революций прошлого века, образы их приобретают человеческие черты, причем в них оказалось человечности больше, нежели в тех, кто с ними боролся.

Спиридович издал свою книгу мемуаров «Записки жандарма», когда находился в эмиграции. В ней немало страниц отведено Нижнему

Новгороду, где Спиридович учился в Аракчеевском кадетском корпусе и служил в губернском жандармском управлении. По его словам, едва ли не каждый третий революционер в Нижнем был предателем и работал на охранку. Один такой «революционер» пришел к Спиридовичу. Он «притащил кучу прокламаций и рассказал, в конце концов, что более двух месяцев разносит подпольную литературу, что ему обещали за это купить галоши, но не купили. Пусть же знают теперь».

Обозленность его была так велика, что Спиридович подарил ему галоши. Новенькие, с красной, «революционной» подкладкой.

Убийца в пуховой шляпе

Всякое преступление политического характера тесно смыкается с преступлениями уголовными. Это нижегородцы уяснили давно. Атаман Кондратий Булавин в самом начале XVIII века засылал в Нижний «зажигальщиков», которые палили дома, вызывая недовольство населения. Потом были пугачевцы, народовольцы, революционеры разных мастей. И во все времена – такова сущность человеческой природы – находились предатели и провокаторы, которые за тридцать сребреников либо из-за другой корысти выдавали имена, адреса и явки тех, кто выступал против существовавшего строя, вели двойную игру. И не было ни одного, кто бы делал это вообще бескорыстно. Предателями по призванию не становятся.

Но расправлялись с ними, как правило, изуверскими методами.

...Марина Сенюкова сразу поняла: что-то не так. Кто-то чужой протаранил колючую живую изгородь на ее садовом участке. Зачем? Чтобы ограбить дачу?

Трясущимися руками барышня вставила ключ в замочную скважину, повернула. Нет, никто сюда вроде бы не наведывался – все вещи находились на своих местах. Так что же случилось? А случилось, у Марины в этом не было ни малейшего сомнения. Интуиция у нее отменная – из-за нее она страдала не раз.

Марина вышла из домика. Привычная картина, скользящая мимо в ленивом потоке летнего шума: кусты малины, яблоня, чьи ветки уже наклонились от тяжести румяных плодов, грядки с зеленью. Но что это? Среди картофельной ботвы она заметила нечто неподвижное, брошенное на беспризор судьбы. Это было бездыханное тело совсем еще молодого человека. Только ветер шевелил его светлые волосы, словно убаякивая во сне вечности...

Сыщики, прибывшие на место преступления, констатировали: потерпевший был убит холодным оружием. Удар пришелся прямехонько в сонную артерию.

Рядом с трупом валялся льняной мешок с двумя черными полосами посередине и обгоревшими краями. Похоже, он был с сормовских заводов – в таких мешках перевозили кокс. Чуть дальше лежало гладкоствольное охотничье ружье. Из него было произведено три выстрела. На одном из бумажных пыжей можно было разобрать надпись, сделанную карандашом: «Карт», но были еще и два пыжа из серого войлока.

Пыжи показали охотникам, и они заявили категорически: тот, кто стрелял из ружья, не имел элементарных навыков в снаряжении патронов. Это был самый настоящий дилетант: он даже не знал, что нельзя закрывать дробь или картечь войлочным пыжом, который снижает кучность при стрельбе и мешает правильному направлению полета заряда. Пыж должен быть из тонкого картона.

При опросе дачников выяснилось, что, как водится, никто ничего не видел. Только соседка Марины Мария Гавриловна Безрукова слышала сквозь сон несколько хлопков. Но за выстрелы она эти хлопки не приняла. А вот житель близлежащей деревеньки Иван Серафимович Огневцев рассказал, что встретил накануне молодого человека на велосипеде и с ружьем за спиной. Это и был убитый на участке Марины Сеченовой.

Вскоре отыскался и велосипед – он был спрятан в лесу. Здесь потерпевший кого-то ждал – земля была усеяна окурками папирос. Рядом лежала сумка с документами. Выходило, что погиб житель Сормова Александр Пятницкий.

Квартира Пятницкого была заперта. Сыщики взломали входную дверь и проникли в обитель погибшего. И увидели страшный беспорядок. Хозяин, по-видимому, очень спешил, покидая свое жилище. На столе он забыл снаряженный охотничий патрон. На бумажном пыже его тоже было написано «Карт». Под бумажным пыжом оказался войлочный, залитый стеарином, а под ним – картечь. В сарае нашли еще 16 таких же патронов, причем пыжи с места убийства и найденные при обыске оказались однородными по составу волокон. В то же время след на участке Марины Сеченовой был оставлен каким-то другим человеком. В него предположительно и стрелял Козловский. Скорее всего, промахнулся, иначе бы было два трупа.

И тут сыщики разинули рты от удивления. В дом убитого входил не кто иной, как начальник Нижегородского губернского жандармского управления Грешнер.

В начале прошлого века Нижегородское охранное отделение находилось в доме Баркова на улице Петропавловской. Дом этот не сохранился, как и название улицы. Она была и Большой Солдатской, и Большой Гвардейской, носила имя революционера, а потом партийно-номенклатурщика Моисея Володарского (Гольдштейна).

На содержание жандармского отделения в 1902 году было выделено 21 970 рублей, в том числе 6300 – на агентурную работу. Это составляло почти треть общих расходов. То есть провокаторам уделялось очень большое внимание, их холили и лелеяли. Некоторым платили помимо наградных и по 200, и даже по 300 рублей в месяц. И неудивительно: сначала в нижегородской охранке имелось всего три тайных агента, правда, потом завербовали и четвертого. Один из них был переплетчиком, второй – сапожником, третий – отставным чиновником, а последний по счету – гимназистом. Они доносили о настроениях горожан, о митингах и собраниях, готовящихся террористических акциях – короче обо всем, чем жили представители оппозиции. И, кстати, с работой справлялись.

На сормовских заводах, где социал-демократы, а затем и большевики, пользовались наибольшим влиянием, активно действовал секретный агент Пятницкий. Он поддерживал связь исключительно только с начальником отделения, жандармским ротмистром Александром Грешнером. А Грешнер был одним из наиболее талантливых представителей политического сыска России, который боролся с революционерами не за чины, не за страх и не за деньги. В его понимании те, кто исповедовал насильственное свержение существующего строя, представлял собой злокачественную опухоль на теле великой империи.

Пятницкий регулярно встречался с Грешнером. Но их выследил освобожденный из тюрьмы бывший политический заключенный Минаев. Он публично обвинил Пятницкого в предательстве. Об этом в августе 1903 года агент доложил жандармскому ротмистру.

Ситуация была непростой. Приставить охрану к Пятницкому означало признать его связь с охранным отделением. Тайно передислоцировать агента, снабдив документами на другую фамилию, Грешнер самостоятельно не мог: требовалось разрешение свыше. Но пока бюрократы-чиновники решали этот вопрос, сормовские рабочие, как полагали жандармы, по наущению Якова Свердлова подкараулили Пятницкого и жестоко его убили.

Подозрение пало на пятерых социал-демократов: Ивана Савина, Василия Коновалова, Ивана Хрусталева, Петра Урыкова и Петра Мок-

рякова. Водворили в тюремную камеру и возможного подстрекателя? Свердлова. Но пробыл он за решеткой всего месяц: в октябре 1903 года его выпустили на волю, правда, под неусыпный надзор полиции. Доказательств того, что Яков Свердлов был «заказчиком» расправы над Пятницким, Грешнер не имел. Как, впрочем, и улики в отношении других подозреваемых. Их обвинили только в том, что они «состоят членами преступных кружков Сормова» и что «преступный характер этих кружков выражается в пропаганде необходимости ниспровержения самодержавной власти и возбуждении вражды между хозяевами и рабочими».

Социал-демократы были в конце концов освобождены. Но обе стороны остались недовольны. Первые поклялись отомстить, а Грешнер не терял надежды предъявить убедительные доказательства казни его лучшего агента. И в начале 1905 года он нашел двух свидетелей, которые знали, что Пятницкому назначили «стрелку» социал-демократы, и видели его в лесу между Сормовым и Канавиным. Но Грешнер не оформил протокол допроса, не поставил в известность своих коллег, поскольку был просто потрясен сделанным им открытием. Оказалось, что лучший его агент Пятницкий вел двойную игру. Пятницкий информировал обо всем, что знал, не только жандармов, но и своих друзей по партии. Одним словом, был слугой двух господ.

В результате ниточка, ведущая и к свидетелям, и к преступникам, была потеряна. А вскоре и Александра Грешнера нашли убитым. Существует версия, что Яков Свердлов обратился за помощью к эсерам, «заказав» главного нижегородского жандарма.

Вот как описывал происшествие «Нижегородский листок»: «По словам спутницы Грешнера, домашней учительницы О.Л. Нармун-Вашклевич, она возвращалась с убитым из городского театра... Не доходя нескольких метров до парадного подъезда своей квартиры, г-н Грешнер, предупредив, что ему необходимо на минутку заглянуть в охранное отделение, распрощался с г-жой Нармун-Вашклевич. Не успела последняя сделать несколько шагов, как раздался выстрел. «Меня убивают!» – простонал Грешнер, упав на тротуар лицом. Г-жа Нармун-Вашклевич бросилась к лежавшему с целью помочь. В этот только момент она заметила молодого человека в штатском пальто, в пуховой шляпе, довольно высокого роста, который... наклонился над Грешнером и произвел в него три выстрела, после чего бросился бежать».

Погоня длилась довольно долго. Убегавший наткнулся на ночного караульщика Титова и выстрелил в него. Пуля пролетела мимо. Затем

он повернул на Варварку, где снова встретил препятствие в лице сторожа Радаева. И опять пальнул, но промахнулся.

За террористом погнался городской 2-й кремлевской части Соколовский. «В него также была выпущена пуля, но мимо, – писал “Нижегородский листок”. – Достигнув угла Осыпной (ныне Пискунова. ? С.С.) и Варваринской улиц, преступник едва не попал в руки ночного караульщика Курицина, который выскочил из-за угла здания управления городским имуществом... Раздался выстрел в упор, и Курицин, раненый в живот, упал на панель».

У Благовещенской площади (ныне площади Минина. – С.С.) Соколовский и несколько караульщиков наконец настигли возмутителя спокойствия. Он сдался без сопротивления, вручив Соколовскому восьмизарядный «браунинг» и назвал себя Александром Никифоровым, сообщил, что прибыл в Нижний из Петербурга, откуда был выслан после 9 января. Но выяснилась еще одна любопытная деталь. Никифоров был штатным осведомителем столичной охраны.

Почему же он пошел убивать? Да потому, что товарищи стали что-то подозревать и перестали доверять Никифорову. Он хотел этим убийством снять с себя все подозрения.

То, что заказчиком этих двух убийств был Яков Свердлов, доказать не удалось. Никифоров был повешен в нижегородской тюрьме в ночь с 11 на 12 августа 1905 года. И с казнью очень спешили. Существовала опасность, что террориста могут освободить: в это время в городе проходили серьезные беспорядки. 4 августа «Нижегородская земская газета» сообщила о том, что столкновения толпы (это были черносотенцы. – С.С.) с демонстрантами и агитаторами «имели место... За два дня было 7 человек убитых, 17 тяжело раненных, 16 легко раненных. Кроме того, 17 лицам, обратившимся за врачебной помощью, сделана перевязка».

Да, приходится констатировать: именно в те годы терроризм и анархия все выше поднимали голову. Значительная часть нижегородского общества с явной симпатией относилась к деклассированным уголовным элементам, с ножами, топорами и оглоблями выходившими на большую разбойничью дорогу. Тут сказались романтизация явно бандитских движений Степана Разина и Емельяна Пугачева. И после казни Никифорова присяжный поверенный Жемчугов явился к секретарю суда Торсуеву и сказал: «Официально заявляю, что вы – подлец».

Разумеется, нет никаких оснований полностью реабилитировать царское самодержавие. Деспотизм есть деспотизм, он тоже шел по

шаткой лестнице заблуждений, проявлял жестокость, вешал и расстреливал, назначал сроки наказания совершенно несообразные вине. Но сторонники якобы демократических свобод понимали под свободой прежде всего отказ от подчинения всяким законам. Их целью была безраздельная власть. Известно, к чему это привело. Миллионы ни в чем не повинных людей были перемолоты в кровавой мясорубке Гражданской войны и во время массовых репрессий.

5. Пересылка

Владимирский тракт

Арестантская тропка в Сибирь стала протаптываться уже в XVI веке – по следам казачьего атамана Ермака Тимофеевича. При Иване Грозном ссылка становится самым распространенным после смертной казни наказанием. С 1593 по 1645 год в Западную Сибирь было отправлено около полутора тысячи «воров» – так называли в то время преступников любой специализации, в том числе и политических. Кстати, первому политическому ссыльному досталось больше других. Ему вырвали язык, отрубили ухо и нанесли двенадцать ударов плетью. Это был... колокол из Углича. 15 мая 1581 года он возвестил об убийстве царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. По просьбе царицы, Марии Нагой, пономарь Федор Огурец ударил в набат. Возмущенные злодейством угличские жители сбросили убийц в наполненный водой ров. Однако было официально объявлено, что юный царевич страдал эпилепсией и сам напоролся на нож во время игры. Около двухсот угличан казнили, многих подвергли страшным пыткам. Жестоко наказали и колокол. Несколько тысяч угличан, приговоренных к ссылке в Сибирь, тащили его волоком до Тобольска. Только три века спустя его «реабilitировали» император и Святейший синод. И он вернулся в свой родной город.

Дорога осужденных из Питера и Первопрестольной проходила через Владимирский централ по Владимирскому тракту (ныне шоссе Москва – Нижний Новгород). Сначала партия шла своим ходом по северной столице, а потом по Москве, собирая мирские подаяния. И люди не скупались. Но даже сбор милостыни происходил за взятку. Гиляровский рассказал, что за два часа остановки на улицах арестанты дали конвойному офицеру сто рублей, а унтеру досталась десятка. Порой будущие каторжане скапливали за дорогу по двести целковых и больше. Особенно щедро подавали милостыню лысковские старообрядцы. Одних только калачей в партии набиралось на два воза.

Узники шли и шли нескончаемой чередой. Партия ссыльных по мере приближения к месту следования постоянно росла. Из Москвы до Владимира следовало 72 человека, от Владимира до Нижнего – уже 80, от Нижнего до Казани – 85. В Казани собиралось 154 арестанта, в Дебяхах – 178. Отсюда начинался один общий сибирский этап. Колонников везли на пароходах по Волге и Каме до Перми, потом по железной дороге от Перми до Тюмени, потом опять пароходами по сибирским рекам до Томска и на подводах до Ачинска и еще дальше. Но речного и гужевого транспорта не хватало, многим партиям приходилось добираться на своих двоих.

В Нижнем еженедельно делали остановку от 150 до 250 ссыльных. В 1852 году здесь была построена специальная пересыльная тюрьма, которую в народе называли этапным домом. В 1885 году рядом со старым тюремным двором появился новый – пересыльный. Он состоял из двух барачков, рассчитанных на 75 человек каждый, но нередко в них размещали вдвое больше. Здесь, кстати, «отметился» летом 1885 года писатель Владимир Короленко, а в 1898 году – Феликс Дзержинский, путь которого лежал в Вятку. В 1902 году через нижегородскую пересылку прошли Яков Свердлов и Петр Заломов – он стал прообразом Павла Власова в романе Максима Горького «Мать». Впрочем, и автор этого романа здесь тоже сживал на нарах годом раньше.

По данным тюменских архивистов, с 1853 по 1862 год в Сибирь сослали 101 238 человек, с 1863 по 1872-й – 146 380, в 1890-й – 260 000 человек. А всего с 1823 года до конца XIX века туда, где Макар телят не пас, было отправлено около миллиона россиян, а с ними жены, дети, сестры. Примерно одна треть ссыльных оседала в Западной Сибири, а остальные, гремя двухкилограммовыми кандалами, двигались дальше.

Национальный и сословный состав сибирских каторжан был весьма разнородным. Здесь были дворяне, крестьяне, купцы, служилые люди. Первыми иностранцами, высланными в Сибирь, стали шведы – участники Северной войны (1700–1721). В следующем веке среди высланных в Сибирь иностранцев больше всего было поляков, участников многочисленных восстаний. Но раскольники превосходили по численности всех вместе взятых, в том числе и политических.

Надо сказать, что движение по московско-сибирскому тракту прекращалось в любое время года. Но самый интенсивный поток был зимой. И многие арестанты боялись замерзнуть в пути. Кто-то записывался в палачи, кто-то пускался в бега, кто-то себя калечил. Для арестантов этапный путь следования считался намного тяжелее ка-

торги. Норма пути – 500 верст в месяц. До Нерчинской крепости дорога длилась от полутора до двух лет, время в пути в срок не засчитывалось.

Порядок следования и любовные игры

Партия этапников шла в строго установленном порядке: впереди ссыльнокаторжные в кандалах, в середине – ссыльнопоселенцы без ножных оков, но прикованные наручниками к цепи, за ними – каторжанки-женщины, а в хвосте процессии – обоз с больными и багажом, с женами и детьми, следующими за мужьями на поселение. По бокам, впереди и сзади – конвойные солдаты и конные казаки.

Кандалы, которые замедляли движение, пропускали через лямки, а лямки набрасывали на шею. На ней образовывались постоянно кровоточащие раны. Но в Сибири, где не было жесткого жандармского контроля, конвоиры иногда разрешали пропускать кандалы через ремешки, укрепляемые на поясе. Так идти было гораздо легче.

Тяжело было и ссыльнопоселенцам. От беспрестанного трения на руках у них тоже появлялись раны, рукавицы надеть не было никакой возможности.

После Нижнего начинались и любовные ухаживания осужденных за женщинами, следовавшими вместе с ними на каторгу. За взятку можно было получить место на подводах в обозе, которые подчас нанимались в складчину. На одних санях ехали иногда по две-три пары любовников. Некоторые потом оформляли свои отношения официально.

Но у донжуанов с кандалами были опасные соперники – конвойные солдаты и казаки. Многие женщины ночевали в их палатках и караульных помещениях. Зэкам нужно было подкупить и конвоиров. Меньше пяти рублей серебром служивые не брали.

Любовь на этапе переносилась и в тюремные больницы. Любовники сознательно наносили себе раны, симулировали ту или иную болезнь, чтобы попасть туда. Когда их застигали вместе, фельдшеры и санитары пытались препятствовать таким связям. Однако и каторжане были не лыком шиты. Однажды, как вспоминал бывший нижегородский каторжанин Семен Калмыков в своей книге «Благодатский рудник», фельдшеру «накинули на голову платок и щекотали до тех пор, пока он не стал бесчувственным».

Миллионеры в кандалах

Милостыню ссыльные тратили прежде всего на водку и табак. Их можно было купить минимум по двойной цене – приторговывали сами

конвоиры. Но были и такие арестанты, кто не пил или пил очень мало. Так называемые майданщики. Предпринимательская жилка у них, несомненно, присутствовала. Майданщики брали в свои руки продажу водки, съестного, одежды, игру в карты. Сразу же по выходе из того или иного города формировалась арестантская артель – в основном из земляков, устраивался своеобразный аукцион на право торговать чем-либо, и майданщики его выигрывали, так как имели денег больше.

Дальше они диктовали свои права. Некоторым расплатиться было нечем, и они влезали в долговую кабалу. Но и майданщики тоже были разные. Нижегородские, например, слыли самыми жестокими. Они отпускали товары в долг только тем, кто был хорошим мастером, например, сапожником или портным. И майданщики в деревнях приобретали для них дешевый товар: дратву, иглы, гвозди, кожу... А мастеровые, чтобы погасить свои долги, трудились в поте лица. В конечном итоге выигрывал только майданщик. Один из них стал после освобождения с каторги известным в Нижнем купцом – его фамилия была Рукавишников. Именно он основал династию купцов и промышленников.

Но были и ловкачи другого рода. Ссыльному выдавались «две рубахи, двое портов, новый армяк (зипун из толстого серого сукна с желтым или красным тузом и двойкою на спине. – С.С.), штаны, коты (башмаки. – С.С.), тулуп (он потянул бы сегодня не на одну тысячу рублей. – С.С.), варежки, суконные портянки, треух и летняя шапка». Все это имущество и становилось предметом купли-продажи.

Претендовали на него многие. И солдаты-конвоиры, и майданщики, и сторонние торговцы, которые, как правило, были дружны с конвоирами. Они специализировались в основном на тулупах. Погрузив купленное на рысака, торговец успевал приехать в следующий пункт, куда должна была прийти партия каторжан, и перепродать тулупы начальнику тюремного цейхгауза на пересылке. А он выдавал эти тулупы тем, кто их еще не получил. Новенькие же оставлял себе, чтобы потом перепродать их – уже в третий раз.

Деньги делали даже на... кандалах. На последней станции оковы снимали, и ловкие дельцы покупали их заранее, а потом опять же перепродавали в тюремный цейхгауз, где предстояло заковать новую партию ссыльных.

Поборы – привычка чисто российская

Поборы на Руси были, наверное, всегда. Во время этапа каторжане сталкивались с ними постоянно.

Начиналось все с Москвы или Питера. Вот несколько случаев, которые я нашел в четвертом томе редкого сегодня издания – «Чтение общественной истории в России», изданном в 1859 году.

– По какой улице вас вести? – спрашивал арестантов конвойный офицер.

– По хорошей.

– Давайте по пятаку с рыла, – слышалось в ответ.

Идет партия дальше. Снова офицер спрашивает старосту каторжан:

– Сколько дадите за статейные списки (в этих списках значилось, куда будет отправлен тот или иной заключенный, это должно было держаться в секрете. – С.С.)?

– По пятаку.

– Мало.

Потом офицеру хочется, чтобы его накормили яичницей, потом кваску испить. И так – на протяжении всего пути следования. Милостыня, собранная арестантами, тает на глазах.

Но если с офицерами еще можно было как-то договориться, то с конвоирами-солдатами – практически никогда. Придирки их, как вспоминают очевидцы, носили какой-то отчаянный, злобный характер.

Как все это напоминает нашу действительность! Словно не прошло двух веков, словно совсем ничего не изменилось в России. Разве что только о кандалах забыли, да пешком путем не добиваются наши зэки в места не столь отдаленные.

Алек Д. Эпштейн, Олег Васильев

Госнаркoнтроль над культурой: новые векторы развития политической цензуры в современной России

Последнее десятилетие отмечено значительным снижением уровня культурных свобод в России. Давление различных институтов и организаций, так или иначе связанных с государственной властью, на независимое искусство и литературу растет, причем в том числе и со стороны структур, сфера ответственности и полномочий которых, казалось бы, не предполагает возможности их вмешательства в эти области. Одной из таких структур является Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (Госнаркoнтроль). Вмешательство этой службы в деятельность издательств, книжных магазинов и библиотек было многоплановым, репрессии были направлены и против тех, кто участвовал в издании книг, и против тех, кто их читал и распространял. Вследствие этого отдельные книги, выходившие в переводах на русский язык, издавались в цензурированном виде, без отдельных глав; в разных регионах России изымались из продажи книги Фредерика Бегбедера, Сергея Кузнецова, Ирвина Уэлша и других авторов, а также книги профессиональных врачей-наркологов; библиотекари получали требования сообщать о читателях книг отдельных авторов, в частности Карлоса Кастанеды и Баяна Ширянова; в типографии, где печатались книги издательств «Ультра.Культура» и «У-Фактория», прошел обыск, в ходе которого были полностью изъяты находившиеся на складе части тиража монографии Фила Джексона «Клубная культура» и знаменитой антологии «Культура времен Апокалипсиса» и т. д. При этом, естественно, нигде и никем в задачи Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков не включались контроль за оборотом каких-либо художественных и/или публицистических книг, ограничение их издания и распространения.

Необычайно расширительно толкуя Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», дополнения в закон

о СМИ и Кодекс об административных правонарушениях, принятые в 1998–2002 годах, созданный в марте 2003 года Госнаркoнтроль (ФСКН) России¹ начал борьбу с самим упоминанием различных психоактивных веществ и связанной с ними весьма богатой субкультурой. Помимо многочисленных штрафов и изъятий товаров, использующих символику конопляного листа, и предупреждений/штрафов различным СМИ, писавшим на тему психоактивных веществ – таких, например, как газеты «Gaudeamus», «Метро», «Невское время»², наиболее масштабные преследования, связанные с этой тематикой, коснулись издательства «Ультра.Культура», о чем подробно рассказывается ниже.

Объяснения и аргументы авторов и издателей во внимание не принимались. Так, авторы статьи «Секс & допинг. От чего штырит?», опубликованной в студенческой газете «Gaudeamus» в сентябре 2008 года, попытались рассказать читателям, как сочетаются (или не сочетаются) секс и сильнодействующие средства – в частности, наркотики. По утверждению издателя «Gaudeamus» Олега Воробьева, «идея была самая благая – пропаганда здорового образа жизни. Через здоровье доказать, что наркотики это вред, очень сложно. Наша аудитория – это в основном молодежь. А в этом возрасте на здоровье плевать. Мне кажется, что секс – это несомненная ценность для наших читателей, а потому материал является крайне эффективной антинаркотической пропагандой. Гораздо более эффективной, чем слоганы типа «Нет наркотикам!». Они изрядно поднадоели публике». По мнению издателя, в каждом абзаце материала утверждалось, что использование сильнодействующих средств в обязательном порядке оканчивается очень плохо. И, кроме того, разговор шел не только о наркотиках, но и об алкоголе и тех стимуляторах, которые можно купить в аптеке, например о виагре. Однако Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Россвязькомнадзор) вынесла газете письменное предупреждение о недопустимости нарушения законодательства (второе такое предупреждение в течение года может повлечь прекращение деятельности издания по суду). Как утверждается в сообщении пресс-службы Россвязькомнадзора, «публикация “Секс & допинг”, опубликованная в газете “Gaudeamus”, содержит информацию о методах использования наркотических веществ». По словам Олега Воробьева, «получается что тема наркотиков – табу. И любое описание воздействия наркотиков, даже отрицательное, можно рассматривать как нарушение закона». Однако выводы в направлении самоцензуры издатель сделал: «Писали заметку студенты, а особой цензуры у нас нет. Больше мы так делать не будем»³.

Аналогично поступали и издатели книг, сами цензурировавшие наиболее проблематичные с точки зрения идеологической нарकोцензуры произведения. Так, изданная в 2003 году «Гилеей» книга Эбби Хоффмана «Как выживать и сражаться в условиях полицейской демократии» не содержит одиннадцатой главы первой части, озаглавленной автором «*Free Dope*» [«Свободный кайф»]. Подвергались цензуре и книги, переведенные «Ультра.Культурой»: так, из автобиографического романа исследователей психоактивных веществ и первооткрывателей MDMA (Экстази) Александра и Энн Шульгиных «Фенэтиламины, которые я знал и любил» [«*Phenethylamines I Have Known and Loved: A Chemical Love Story*»] на русский язык была переведена лишь половина, не содержащая никаких конкретных химических «рецептов», что, впрочем, не помешало возникновению претензий к ней со стороны ФСКН.

В течение 2004 года Госнаркoнтроль развернул масштабную кампанию по борьбе с «пропагандой наркотиков» в художественной литературе, вследствие чего в разных регионах России изымались из продажи книги Баяна Ширянова, Фредерика Бегбедера⁴, Сергея Кузнецова, Романа Ронина, Ирвина Уэлша, Сева Новгородцева, «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа – ставшее уже классикой беллетризованное исследование эпохи хиппи и культуры ЛСД в Америке конца шестидесятых годов⁵, а также изданная при содействии Министерства образования монография нарколога А.Г. Данилина «ЛСД: галлюциногены, психоделики и феномен зависимости» (Москва, 2002). Власти Тамбовской области пошли в этой связи особенно далеко. Они не только обратились к руководителям библиотек и книжных магазинов с предложением провести инвентаризацию книжного фонда с целью выявления литературы, которая, хотя бы косвенно, пропагандирует химические способы изменения сознания человека, но и потребовали, чтобы литература, содержащая описание механизма воздействия наркотиков на человека, способы их приготовления и употребления и прочие подобные сведения? была изъята из общедоступного оборота. Управление Госнаркoнтроля по Тамбовской области обращалось к библиотекарям с просьбой сообщать о читателях книг Карлоса Кастанеда и Баяна Ширянова (Кирилла Воробьева) и других авторов, «неправильно» освещающих наркотическую тематику⁶.

Заслуживает внимания также инцидент в Орске, где в конце октября 2009 года директорам местных библиотек был передан список книг, «не рекомендованных к выдаче». Этот список содержал 37 наименований, в том числе «Роман с кокаином» Марка Леви (выпущен в 1934 году в Париже под псевдонимом Михаил Агеев и долгое время безос-

новательно приписывался Владимиру Набокову), «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» культового американского писателя Хантера Томпсона (после выхода книги в 1971 году она была переведена на тридцать языков, а в 1998 году по ней был снят фильм с Джонни Деппом в главной роли), философско-психологический труд Станислава Грофа и Джоан Хэлифакс «Человек перед лицом смерти», выпущенный в Нью-Йорке в 1978 году, книге популярного современного российского писателя Сергея Кузнецова «Семь лепестков» и написанный в соавторстве с Линор Горалик роман «Нет» и т. д., и по уж совсем необъяснимой причине – брошюру А.И. Морозова «Разведение грибов. Мицелий», выпущенную в серии «Приусадебное хозяйство» (Москва: АСТ, 2007)⁷. Разразившийся скандал привел к тому, что представительница ФСКН в Орске подчеркнула, что список «запрещенных» книг носит исключительно рекомендательный характер, однако начальник отдела межведомственного взаимодействия в сфере профилактики ФСКН по Оренбургской области Владимир Благодарский пояснил, что «законодательство позволяет изымать литературу, содержащую скрытую рекламу или пропаганду наркотических средств, но только по судебному решению». «Возможно, наши сотрудники проводили проверку и наверняка порекомендовали что-то убрать, – заявил Владимир Благодарский. – Я считаю, что это нормально. Я сомневаюсь, что библиотека не прислушается и не уберет эти книги. В любом случае книги Льва Николаевича Толстого в этот список никогда бы не попали, а то, что не будет всякого бреда, с моей точки зрения, даже к лучшему»⁸. Сотрудник ФСКН не видел никакой проблемы в том, что именно его ведомство определяет, какие книги должны быть доступны в библиотеках, а какие нет, и был уверен в беспрекословном послушании библиотечных работников, несмотря на отсутствие каких-либо судебных решений, на которые давление Госнаркoнтроля могло бы опираться.

В «Романе с кокаином», в частности, говорится: «Она тут же на столе раскрыла свой порошок, достала из сумочки коротенькую и узенькую стеклянную трубочку и концом ее отделила крошечную кучку сразу разрыхлившегося кокаина. Затем приставила к этой кучке кокаина конец трубочки, склонила голову, вставила верхний конец трубочки в ноздрю и потянула в себя. Отделенная ею кучка кокаина, несмотря на то что стекло не соприкасалось с кокаином, а было только надставлено над ним, – исчезла. Прodelав то же с другой ноздрей, она сложила порошок, вложила в сумочку, отошла в глубь комнаты и расселась в кресле». Подобная литература была охарактеризована чиновниками ФСКН как «пропаганда наркотиков» и на этом основании запрещена,

будучи противопоставленной Льву Николаевичу Толстому. Трудно сказать, читал ли Владимир Благодарский роман Льва Толстого «Анна Каренина», в котором, в частности, есть вот такие строки: «С ума свести, – повторила она. – Когда я думаю об этом, то я уже не засыпаю без морфина. <...> Анна между тем, вернувшись в свой кабинет, взяла рюмку и накапала в нее несколько капель лекарства, в котором важную часть составлял морфин, и, выпив и посидев несколько времени неподвижно, с успокоенным и веселым духом пошла в спальню. <...> Когда она налила себе обычный прием опиума и подумала о том, что стоило только выпить всю склянку, чтобы умереть. ... Она, не разбудив его, вернулась к себе и после второго приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном, во все время которого она не переставала чувствовать себя». Кажется, между этими строками и запрещенным «Романом с кокаином» Марка Леви нет никакой сущностной разницы, а потому справедливость требует либо разрешить оба произведения, либо одновременно запретить их; запрет «Анны Карениной» стал бы ярким и зримым свидетельством абсурда всей антилитературной кампании.

В сентябре 2009 года из продажи в Санкт-Петербурге была изъята книга атеистически настроенного публициста, лауреата премий Союза журналистов России и Союза журналистов Москвы, дважды лауреата премии журнала «Огонек» Александра Никонова «Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности». По мнению Госнарконтроля, в книге «содержатся суждения и высказывания, направленные на убеждение в необходимости легализации наркотиков, использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских и немедицинских целях, подчеркивание преимуществ использования отдельных наркотических средств». Аргументы, изложенные заместителем директора выпустившего книгу издательства «Энас» Александра Меламеда, отметившего, что в единственной посвященной этой теме главе книги, озаглавленной «Мифы о наркотиках», «автор анализирует мировой опыт борьбы с наркоманией и наркобизнесом, приводит соответствующие данные и обсуждает возможности и последствия легализации наркотиков», а «пропаганду наркотиков здесь может обнаружить только заведомо предвзято настроенный “доброжелатель”», были проигнорированы. Управление ФСКН по Санкт-Петербургу направило всем районным прокуратурам поручения о проверке книжных магазинов (!) всего города. «По результатам проверок установлено, что в настоящее время книга „Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности“ ... в Петербурге не реализуется», – отметило ведомство в своем пресс-релизе⁹.

Однако самой масштабной кампанией подобного рода стала борьба Госнарконтроля против издательства «Ультра.Культура», следующим образом заявлявшей свое кредо: «Предоставляя слово всем тем, кого хозяева современного дискурса хотели бы исключить из своей игры в бисер, мы ценим в них не столько их идеи, которые зачастую сами принадлежат прошлому, сколько энергию прорыва, метафизический потенциал восстания, являющийся единственным двигателем эволюции. Ибо только за закрытыми дверями есть шанс отыскать выход – все открытые ведут в тупик». Среди опубликованных этим издательством книг: «Восстание среднего класса» Бориса Кагарлицкого и «Другая Россия» Эдуарда Лимонова, «Баррикады в моей жизни» Алексея Цветкова и «Хроники пикирующего времени» Александра Проханова, «Миллион первый» вдовы Джохара Дудаева Аллы и «Революция пророков» Гейдара Джамала, справочники-энциклопедии «100 запрещенных книг» и «125 запрещенных фильмов», а также многочисленные произведения так называемой контркультурной литературы и оппозиционной, но при этом и антилиберальной, общественной мысли, в том числе и связанной с позднее запрещенной властями Национал-большевистской партией (сборник «Поколение “Лимонки”» и многие другие книги). Именно это издательство, кстати, выпустило русский перевод ставшей уже классической работы Джин Шарп «От диктатуры – к демократии», а также резонансную книгу Станислава Белковского и Владимира Голышева «Бизнес Владимира Путина».

Сложно сказать, насколько именно Госнарконтролю мешала деятельность этого издательства; не исключено, что задеты здесь были интересы совсем других персон и ведомств. Так или иначе, борьба различных институтов власти с издательством «Ультра.Культура» представляется достаточно закономерной – сама его концепция предполагала поддержку и продвижение всех возможных идей, противостоящих отношениям власти различного типа и направленным на разрушение status quo – от «оранжевого либерализма» до новых правых и радикального ислама, от анархистов и создателей сетевой контркультуры до героев «психоделической революции», отказывавших обществу в праве указывать им должное состояние тела и сознания. Естественной оказалась и реакция отторжения, исходящая от различных структур – помимо «наркотических» претензий и эпизодических, случившихся, по счастью, еще до появления «списка экстремистских материалов», обвинений в «пропаганде терроризма», против издательства велось и дело о распространении порнографии. Однако именно воспринимаемая обществом как своего рода аналог Минздрава

«аполитичная» Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков стала структурой, начавшей фронтальную атаку на издательство, приведшую к его закрытию.

Заместитель директора Федеральной службы по контролю за распространением психотропных и наркотических средств Александр Михайлов, в прошлом более двадцати лет проработавший в КГБ/ФСБ, в том числе и в печальном знаменитом Пятом главном управлении, преследовавшем политических противников советского режима, еще в марте 2004 года заявил, что если Илья Кормильцев (выдающийся русский рок-поэт и фактический руководитель «Ультра.Культуры») «не изменит издательскую политику, пускай ждет санкций в отношении себя персонально». Генерал-лейтенант А.Г. Михайлов без обиняков предрек судьбу одного из самых интересных издательских проектов постсоветской России: «Издательство подорвало свою репутацию, и будет неудивительно, если очень скоро оно пойдет по миру»¹⁰. Здесь отчетливо проявился репрессивный характер Госнарконтроля как силового ведомства, «младшего брата» госбезопасности, наряду с ней охраняющего покой режима и преследующего внесистемную оппозицию, в том числе и в сфере культуры.

После ряда изъятий некоторых книг из продажи в провинциальных городах 27 февраля 2004 года издательство «Ультра.Культура» было выслено из своего московского офиса¹¹. В марте того же года в Москве была проведена операция по изъятию из продажи книг Лестера Гринспуна и Джеймса Бакалара «Марихуана. Запретное лекарство», изданная в сокращении книга Александра и Энн Шульгиных «Фенэтиламины, которые я знал и любил» и монография Джея Стивенса «Штурм небеса. ЛСД и американская мечта». Кроме того, по инициативе приглашенного сотрудниками ГНК офицера ФСБ Панченко были также изъяты книги Брюса Хоффмана «Терроризм изнутри», Юлии Юзик «Невесты Аллаха. Лица и судьбы женщин-шахидок, взорвавшихся в России», двухтомник «Антология современного анархизма и левого радикализма», книга «Аллах не любит Америку» под редакцией Адама Парфрея (по мнению привлеченного офицера ФСБ, эти книги пропагандируют терроризм)¹².

28 июня 2006 года в екатеринбургской типографии «Уральский рабочий», где печатали книги тесно связанные друг с другом издательства «Ультра.Культура» и «У-Фактория», прошел обыск, в ходе которого были полностью изъяты находившиеся на складе части тиража монографии Фила Джексона «Клубная культура» (913 экз.) и русского перевода знаменитой американской антологии «Культура времен Апокалипсиса» под редакцией Адама Парфрея (895 экз.)¹³.

Книга антрополога Фила Джексона «Клубная культура», как гласит ее аннотация, – о танцах, улыбках, флирте, дружбе и наслаждении. В данной книге кляббинг – веселье в компании других людей – рассматривается как неотъемлемая часть британской культуры, как специфическое общественное пространство. Уделяется большое внимание различным составляющим клубной жизни: танцам, музыке, сексу, одежде и т. д. Практика клубной жизни рассматривается автором как процесс уничтожения традиционных практик досуга и формирования в чувственных экспериментах новых взглядов и моделей самовыражения в обществе. Антология «Культура времен Апокалипсиса» – это документальное полотно патологий и табу нашего времени. «Воинствующие педофилы, эстетические террористы, фекальные чародеи, шизофреники и роботы, массовые и ритуальные убийства, параноики и сексуальные рабы, гермафродиты и сатанисты, гитлеровские евреи и полет на Марс с Иисусом Христом... Короткие истории, вырезки, интервью и статьи сливаются в единую мозаику, призванную рассказать нечто новое и в то же время до боли правдивое о закоулках человека и человечества. Если бы подобные книги включали в школьную программу, в мире было бы меньше слабоумных социальных роботов, мир был бы красивее и чище», – гласил анонс книги на литературном портале «Решето»¹⁴. Эту книгу, однако, включили не в школьную программу, а в обвинительное заключение. Причем произошло это вопреки мнению привлеченных экспертов из Уральского государственного университета, заключение которых гласило:

«Книга Ф. Джексона “Клубная культура”, будучи переводом американского издания, представляет собой научно-популярную характеристику крайне противоречивого и весьма распространенного в мире (прежде всего – западном, но в последние годы – и российском) явления, которое именуется кляббингом. Это явление порождено развитием цивилизации и связано с усиливающимся “стремлением к общему чувственному удовольствию” (с. 314). Кляббинг, показывает книга, и возникает как ответ на эту потребность, давая возможность человеку погрузить себя в чувственные эксперименты – на грани, а то и за гранью принятого в обществе. В книге выразительно и разносторонне освещены самые разные “способы чувственного выражения, которые современная культура одновременно творит и порицает” (с. 16). При этом специфика данного издания состоит в том, что о сущности тех или иных “социально-чувственных опытов” говорят сами “экспериментаторы”, вступившие так или иначе в “зону крайностей”. <...>

Автор трезво осознает суровую реальность, отмечая, что “наркотики оказались вплетены в социальную и эстетическую ткань нашей культуры” (с. 107). Но при этом откровенность и непредубежденность “путешественников” “на планету удовольствий” позволяет считать книгу Ф. Джексона рассказом не только о возможностях “удовольствий”, но и об их пределах, равно как и о таящихся на пути к этим “удовольствиям” опасностях и ловушках. В соответствии с собственной позицией свидетеля и аналитика автор не морализует, но показывает, чем, на его взгляд, оборачивается употребление наркотиков, обозначая как возможности их в том, что он называет “расширением чувственного опыта”, так и способность стать “разрушительной силой, грозящей превратить самую яркую личность в нудного ‘химика’” (с. 160). Выбор собственной позиции по отношению к клуббину и всему, что ему сопутствует – в том числе и наркотикам, остается за читателем, которому доверяет автор».

Эксперты – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы XX века Леонид Быков, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии Сергей Киселев и кандидат филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Борис Лозовский – пришли к следующим выводам: «Книга Ф. Джексона “Клубная культура” не содержит сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств. В книге Ф. Джексона “Клубная культура” не содержится пропаганда наркотических средств».

В книге «Культура времен Апокалипсиса», представляющей собой «сборник переведенных из иностранных источников статей», к «наркотической» теме имеет отношение лишь одна из статей – «Кетаминовая некромантия» Дэвида Вударда (с. 415–423). Как указывают эксперты,

«<...> в статье объяснена психофизиологическая природа действия кетамина, описан эффект его действия (он “вводит нас в бессловесное – в фигуральном и прямом смысле – состояние” – с. 416). На этих страницах (см. с. 418, 420, 423) содержатся сведения и об использовании данного препарата, однако при этом предупреждается, что благодаря кетамину обретается „статус посла в царстве мертвых“ (с. 423). В анализируемом материале нет прямого осуждения употребления наркотического средства, но неоднократно подчеркивается, что “кетамин является воплощением мечтаний похитителей, насильников и убийц, поскольку обеспечивает абсолютное отделение личности жертвы от тела” (с. 419)».

В результате эксперты пришли к выводу, что «книга “Культура времен Апокалипсиса” не содержит сведений о способах, методах разработки и изготовления наркотических веществ, хотя и содержит сведения об использовании кетамина. В книге не содержится пропаганда наркотических средств»¹⁵.

Однако в сентябре 2006 года Кировский районный суд Екатеринбурга проигнорировал мнение деканов двух факультетов ведущего вуза города, постановив уничтожить тиражи этих книг и оштрафовав издательства на 40 тысяч рублей¹⁶. Областной суд, рассмотрев кассационную жалобу, отправил дело на новое рассмотрение, которое, однако, привело к тому же результату. Почти две тысячи книг были уничтожены. При этом во всем мире и книга Фила Джексона, озаглавленная в оригинале «*Inside Clubbing: Sensual Experiments in the Art of Being Human*», и оба тома антологии Адама Парфрея «*Apocalypse Culture*» продаются совершенно свободно¹⁷. Усилия Госнаркоконтроля по борьбе с этими книгами были тщетными и применительно к потенциальным российским читателям, ибо их полные тексты, как и следовало ожидать, были размещены в сети Интернет, где они бесплатно доступны всем желающим. В этой ситуации действия ФСКН можно объяснить двумя, возможно взаимодополняющими, мотивами: с одной стороны, в глазах технически не очень продвинутых руководителей этой службы средством распространения идей до сих пор являются исключительно печатные, а не электронные носители; с другой стороны, не исключено, что было принято решение разорить издательство любой ценой, чтобы никому не было повально печатать книги «От диктатуры к демократии», «Бизнес Владимира Путина» и им подобные, а книги Ф. Джексона и А. Парфрея пали жертвой сравнительно случайно. Тот факт, что как ФСКН, так и суд полностью проигнорировали заключение экспертов, проталкивая решение, которое должно было нанести максимальный ущерб издательству, говорит именно в пользу второй версии; об этом же говорят и процитированные выше слова генерал-лейтенанта А.Г. Михайлова: «Издательство подорвало свою репутацию, и будет неудивительно, если очень скоро оно пойдет по миру».

Репрессии со стороны силовых структур, с одной стороны, и внезапная болезнь, закончившаяся смертью в начале февраля 2007 года на 48-м году жизни Ильи Кормильцева, с другой, привели к закрытию издательства «Ультра.Культура», бренд которого (весьма известный сотням тысячам книголюбов) был выкуплен издательским домом АСТ. Это, однако, не привело к окончанию борьбы с книгами – из явной фазы она, по всей видимости, перешла в скрытую, и, вероятно, куда более

эффективную. Так, по свидетельству Алекса Керви (Александра Кривцова), главы издательства «T-Ough Press», издававшего с 2001 по 2007 год контркультурную литературу в совместной с издательством АСТ серии «Альтернатива», по инициативе Госнаркоконтроля в период 2006–2007 годов в издательстве АСТ была введена внутренняя цензура:

«– Эта история весьма печальна по своей сути, ибо такая же внутренняя цензура введена теперь во всех крупных издательствах. Началось все с визита сотрудников Госнаркоконтроля года три назад [интервью было взято в конце 2008 года, т.е. речь о конце 2005 – начале 2006 года] к руководству АСТ, с которым они провели что-то типа воспитательной беседы. После чего во все редакции АСТ ушло распоряжение немедленно сообщать о подготовке любой мало-мальски экстраемальной прозы и нон-фикшна, особенно тех, в которых говорится об употреблении наркотиков и сатанизме. А также обращать внимание на книги, в которых превалирует насилие и секс. Иначе, в случае конфликта с законом, по поводу той или иной пропущенной [в печать] книги, недосмотревшие будут или расплачиваться из своего кармана, или немедленно уволены.

– Расскажи, какие книги в итоге не вышли в АСТ, из тех, что были вами переведены? Есть такие?

– Ты имеешь в виду книги, которые переведены моей командой и отредактированы мной? Да, таких книг около 40 (!), я уже об этом говорил. Точно не выйдут „Ломка. История наркотиков в кино“ Джека Стивенсона, „Потребитель веществ. Антология документов 1840–1960“, „Сатанический экран. История дьявола в кинематографе“ Николаса Шрека, „Мототрек в ад“ Марка Мэннинга, „Сопри эту книгу“ и „Революция по приколу“ Эбби Хоффмана, „Движение Rapid Eye“ Саймона Дуайера, „Демоны плоти“ Николаса и Зины Шрек, „Книга Каина“ Алекса Трокки, „Откровения людоеда“ Дэвида Мэдсена, „Сладкий огонь“ Пэт МакКеналти и еще целый ряд книг, производство которых остановлено¹⁸.

Однако введение негласной цензуры не полностью прекратило и публичные ее проявления, причем вмешательство ФСКН затронуло и сферы музыкально-концертной и кинопрокатной, и выставочной деятельности. Так, в Краснодаре в феврале 2005 года из музыкальных магазинов были изъяты альбом группы «Сектора Газа» «Наркологический университет миллионов» и один из альбомов группы «Кабриолет»¹⁹. В Пензе в июне 2007 года был проведен рейд по точкам торговли музыкальными дисками и изъяты из продажи альбомы групп «Фактор-2», «Многоточие» и «Кабриолет», а в мае 2009 года под зап-

рет попали альбомы группы «Центр», в которых сотрудники ФСКН увидели пропаганду наркотиков; делались активные попытки запретить и концерт группы²⁰.

Представляется, что песни группы «Центр» пропагандируют как раз не употребление наркотиков, а, наоборот, воздержание от них. Вот, например, слова песни «Амфетамины»:

Метадон, перец, амфетамины...

Эти качели качали, качают и пилят

Люди любят дерьмо, оно ведь дарит свободу

Люди любят дерьмо, ведь всё с ним по-другому...

Люди любят говно, ведь оно не от бога

и с ним легче мечтать, прыгнув с высокого дома.

Я видел как люди тупо дошли в сортирах

Я видел как люди тупо дошли в квартирах

Я видел гады сдавали за чеки

Я видал как в блядей превращались наивные девки

Я видел это всё и остался живой

Я видел это всё и остался собой

Послушай, малой,

Забери свои деньги и просто беги очень быстро

К маме домой...

К маме домой... Съебался, бля!

При этом остается неясным, что больше беспокоило власти – упоминание наркотиков, в том числе сленговое («кокаин» в песне «Крылья», «кокос» в песне «Про нежности»), которые употребляют лирические герои песен группы, либо же жесткий настрой музыкантов против государственных силовых структур, о чем, например, наглядно свидетельствуют такие строчки из песни «Огоньки»:

Вспоминаю как мусор по почкам бил, как сидел на кокосе,

Знала бы мама, что тут пожестче, чем в гестапо на допросе...

В августе 2008 года в Санкт-Петербурге был снят с показа фильм британского режиссера Сьюзи Хейлвуд «Больше Бена», снятый по мотивам одноименной книги российских авторов Павла Тетерского и Сергея Сакина, получившей в 2000 году литературную премию «Дебют» в номинации «Крупная проза». Английский слоган фильма звучит «*The Russians' guide to ripping off London*», что примерно можно перевести как «Руководство по траханию Лондона от русских». Фильм представляет собой историю о приключениях двух «продвинутых» российских друзей, которые в погоне за фортуной и адреналином приезжают «покорять» Лондон; в процессе этого один из ребят превращается в нар-

комана. Как бы это ни было грустно, плохо понятно, почему столь жизненная история должна была быть запрещена к показу. Однако прокурор Санкт-Петербурга Сергей Зайцев, упомянув неизвестно кем и неизвестно как проведенную экспертизу, заявил: «Данное кинопроизведение содержит ряд сведений, способствующих формированию привлекательного образа употребления наркотических средств, что подтвердила экспертиза. Прокуратурой города руководителям всех указанных кинопрокатных компаний объявлены предостережения, фильм снят с показа»²¹. О запрете фильма в других регионах страны не сообщалось.

В апреле 2009 года пермскому еженедельнику «Новый компаньон» было вынесено предупреждение за публикацию репродукции картины Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное»²²; кроме того, УФСКН по Пермскому краю рекомендовало запретить посещение несовершеннолетними выставки Д. Врубеля и В. Тимофеевой «Евангельский проект», на которой экспонировалась эта картина²³. На картине изображены дети-наркоманы, делающие внутривенную инъекцию. Репродукция картины была отправлена на экспертизу в Пермский государственный педагогический университет. В экспертном заключении говорилось: «Информация, представленная на картине, может способствовать формированию положительного отношения к употреблению наркотических средств и психоактивных веществ и их последствиям, а также побудить подрастающее поколение к действиям по их приобретению либо потреблению»²⁴. Как художник, так и организатор выставки категорически отвергли такое толкование. «Искусство только фиксирует существование этой проблемы, – пояснил Марат Гельман, куратор выставки. – Работа Д. Врубеля и В. Тимофеевой посвящена проблеме причисления наркомана к преступнику, хотя это большой человек, а преступником является наркоторговец. Работа эта призывает признать в наркоманах людей, детей божьих»²⁵. Дмитрий Врубель сказал: «Эта картина о любви, любви к детям, о том, что даже таким детям нельзя препятствовать приходить к Богу! Она создана по мотивам фоторепортажа о жизни беспризорников в Одессе. Глядя на них, проникаешься болью, сочувствием, состраданием»²⁶.

Госнаркоконтроль беспрецедентно репрессивен и во многих других областях общественной жизни. Свидетельством этому являются, в частности, известные «кетаминные» дела против ветеринаров в 2003–2004 годах²⁷, производителей химических реактивов²⁸, продолжающиеся преследования производителей пищевого мака²⁹ и кактусоводов³⁰, принудительные проверки посетителей дискотек на употребле-

ние наркотиков³¹ и многочисленные попытки ввести обязательное тестирование на наркотики школьников и студентов³². Наконец, проблема изменения наркополитики является, по-видимому, одной из наиболее табуированных в российской общественной жизни. Так, например, за всю историю мирных митингов в Москве наиболее жесткие репрессивные меры были применены, по-видимому, к участникам «Кнопляного марша» в 2007 году – участников задерживали не только во время самого публичного мероприятия, но и после его окончания, причем они были приговорены к длинным срокам административного ареста (10–15 суток)³³.

Подводя итоги, необходимо сказать следующее. В том, что тяжелые наркотики – зло, от которого погибли миллионы людей во всем мире, сомнений нет. Вместе с тем те или иные наркотики употребляли многие из тех, чьи биографии издаются под грифом «Жизнь замечательных людей», а тема эта появляется на страницах книг не только Баяна Ширянова и Сергея Кузнецова, но и Шарля Бодлера и Оскара Уайлда, Александра Дюма и Артура Конан-Дойля, Александра Куприна и Михаила Булгакова, а также многих других признанных классиков. Да, имена Фила Джексона, Адама Парфрея, Сьюзи Хейлвуд и Дмитрия Врубеля менее известны, но нет никакого разумного объяснения тому, что книги, фильмы и картины, свободно распространяющиеся и экспонирующиеся в Европе и Америке, оказываются под запретом в России. Нет никаких исследовательских данных о том, что чтение тех или иных художественных или научно-популярных книг или просмотр тех или иных фильмов побуждает людей, не употребляющих наркотики, начать употреблять их. Равным образом нет никаких данных о том, что внесение десятков книг в списки запрещенной литературы снизило масштабы наркомании в стране. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков никем и никогда не была уполномочена осуществлять цензуру в сфере художественной литературы, публицистики, кино- и музыкального искусства. Забота о здоровье народа и в особенности молодежи, какой бы благородной она ни была, никоим образом не нуждается во все равно не реализуемом в эпоху свободного обмена информацией запрете каких-либо книг, фильмов или песен. Вынужденная внутренняя самоцензура, введенная издательствами и редакциями газет под давлением Госнаркоконтроля, не только препятствует свободному развитию культуры и общественной мысли, но и формирует крайне опасные механизмы, подталкивающие граждан и общество к «полицейской мысли» и практикам, приемлемым исключительно в тоталитарных государствах.

Примечания

- 1 Указ Президента России от 11 марта 2003 г. № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации», в частности, гласил: «Преобразовать Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ при Министерстве внутренних дел Российской Федерации в Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».
- 2 *К. Потеева*. А в платье с маками по подолу ходить можно? // «Ваш тайный советник», Санкт-Петербург. 30 июля 2007 г.
- 3 *В. Литовченко*. «Благие намерения» оценили как пропаганду наркотиков // «Коммерсант-СПб», 24 октября 2008 г.
- 4 *Л. Левинсон*. Анаша, анаша, до чего ж ты хороша... // «Индекс / Досье на цензуру», № 20 (2004).
- 5 *С. Кваша*. Шерлока Холмса посадят за кокаин // Портал «Газета.ru». 1 апреля 2004 г.
- 6 «Тамбовским библиотекарям предложили „стучать“ на читателей Кастанеды». Сообщение информационного агентства «Regnum» от 18 ноября 2004 г.
- 7 *О. Герасименко*. «Библиотечная дурь» // Портал «Газета.ru». 10 ноября 2009 г.
- 8 *Ю. Котова, Д. Пузырев, Р. Такташев*. Госнарконтроль рекомендовал изъять классику из библиотек // Портал «Gzt.ru». 10 ноября 2009 г.
- 9 *Т. Востроилова*. Прокуратура запретила «Апгрейд обезьяны» // Портал «Фонтанка. Ru». 14 сентября 2009 г.
- 10 *О. Кашин*. Борцы с наркотиками зачистили книжные магазины // «Коммерсант». 16 марта 2004 г.
- 11 *О. Кашин*. Радикальная аренда // «Коммерсант». 27 февраля 2004 г.
- 12 *О. Кашин*. Борцы с наркотиками зачистили книжные магазины.
- 13 «Маккартизм по-русски». Сообщение на сайте издательства «Ультра.Культура» от 28 июня 2006 г.
- 14 «Как уничтожить две тысячи книг?». Сообщение на литературном портале «Решето» от 24 сентября 2006 г.
- 15 Экспертное заключение воспроизведено на екатеринбургском портале «Just Media», размещено 27 октября 2006 г., <http://www.justmedia.ru/analitika/culture/379>.
- 16 «Книги сожгут. Как наркотики». Сообщение на сайте телекомпании «Четвертый канал» от 27 сентября 2006 г.; *М. Вьюгин*. Поэма экстази. Госнарконтроль готов сжечь тираж двух книг // «Время новостей», 29 сентября 2006 г.,
- 17 Обе книги можно, в частности, заказать через крупнейший книжный магазин мира «Амазон».
- 18 Алекс Керви, Интервью portalу «Look at Me» от 1 декабря 2008 г., <http://www.lookatme.ru/flows/knigi/posts/56757-aleks-kervi-2008-12-01-22-20>.
- 19 «Кубанская наркополиция изымает из продажи диски групп “Сектор Газа” и “Кабриолет”». Сообщение портала «ЮГА.ру» от 9 февраля 2005 г.
- 20 *Л. Унисон*. В Пензе запретили Центр // Портал «РифмаМира», 5 мая 2009 г.
- 21 *С.П. Зайцев*. «Профилактика в сфере незаконного оборота наркотиков». Доклад на научно-практической конференции «Профилактика наркопотребления и незаконного оборота наркотиков», 26 июня 2009 г.
- 22 «Картина Врубеля стала яблоком раздора нарконтроля и “Нового компаньона”». Сообщение портала «Новости Перми и Пермского края» от 10 апреля 2009 г.
- 23 «Несовершеннолетних на выставку «Евангельский проект» рекомендовано не пускать». Сообщение портала «Новости Перми и Пермского края» от 15 апреля 2009 г.
- 24 «В Перми картину Врубеля сочли рекламой наркотиков». Сообщение на портале «Лента.ру», 9 апреля 2009 г.
- 25 *М. Гельман*. «Всегда найдутся сумасшедшие, которые захотят нас в чем-то обвинить». Сообщение портала «Новости Перми и Пермского края», 11 апреля 2009 г.
- 26 «В Перми картину Врубеля сочли рекламой наркотиков».
- 27 См. сюжет «“Кетаминовые” дела» информационного агентства «Regnum» (сообщения с 26 декабря 2003 г. по 16 января 2007 г.).
- 28 «На смену “кетаминovому делу” и “делу врачей” пришло “дело химиков”». Сообщение информационного агентства «Regnum» от 16 января 2007 г.
- 29 *О. Вахоничева*. Булочки с маком под колпаком у ФСКН // Портал радио «Свобода», 3 февраля 2009 г.
- 30 «Что в кактусе тебе моем?». Сообщение информационного агентства «Интерфакс» от 20 июля 2009 г.
- 31 *В. Мазанов* Dumb and Dumber // «Новый компаньон», 7 апреля 2009 г.
- 32 «Всех студентов и школьников протестируют на наркотики» // Сообщение портала «Газета – Санкт-Петербург» от 9 сентября 2009 г.
- 33 *О. Герасименко*. Милиция оторвалась на «Конопляном марше» // Портал «Газета.ru», 5 мая 2007 г.; «Судебно-полицейские репрессии против участников Конопляного марша и Конопляных гуляний в Москве». Сообщение сайта «Лига легализации конопли», 7 мая 2007 г.

Александр Подрабинек

Свобода слова – извечный враг власти

«Власть отвратительна, как руки брадобрея» – так в 1933 году гениальный поэт Осип Мандельштам поэтически определил свое отношение к власти вообще и к советской в частности. Эти руки всегда готовы сомкнуться на нашем горле, особенно когда мы беспомощны, а в руках острая бритва, воспользоваться которой брадобрей может в любой момент. Всякая власть любит поиграть этой игрушкой. Не у всех получается придушить гражданские свободы, как это умеют делать в Северной Корее или Китае, но довести общество до состояния легкого обморока умеют даже в демократических странах.

Первое, на что обращает свое недовольное внимание всякая власть, – это свобода слова. Если в демократических странах свобода слова остается печальным для власти обстоятельством, с которым она вынуждена считаться, то в странах авторитарных с ней не церемонятся. Тут руки брадобрея сжимаются на горле общества так, что уже никому не достается ни глотка свежего воздуха. Ну и, разумеется, существует множество срединных вариантов. Мы как раз находимся в этой части спектра, тяготея, однако, к Кубе и Северной Корее.

Посягательства на свободу слова в России в последнее время усиливаются. Если раньше возбуждение уголовного дела за высказывания в блогах воспринималось как вызов обществу, то сегодня это становится обычным делом. Настолько обычным, что власть принимает законы и подзаконные акты, обеспечивающие ей правовую основу для репрессивной практики. ФСБ готово выносить предупреждения прессы за публикацию материалов, «способствующих совершению преступлений экстремистского характера».

Роскомнадзор уже получил законное право требовать от СМИ удалить или отредактировать тот или иной комментарий в интернете, если он, с точки зрения ведомства, нарушает закон. Если СМИ откажется, то его руководство может быть привлечено к уголовной ответственности. Одно такое предупреждение на днях уже вынесено.

Недавно в Госдуму поступил правительственный законопроект, расширяющий понятие государственной тайны. Теперь к ней будет относиться информация о том, как защищаются важные и инфраструктурные объекты от террористических атак. Изменения в законе определены направлены против прессы, которая теперь не сможет полноценно информировать граждан об угрозах терактов.

Власть старается заткнуть рот не только прессе, но и своим служащим. В Госдуме рассматривается пакет поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также в Закон «О милиции», которые ужесточают наказание для провинившихся милиционеров и предусматривают новые основания для их увольнения. Нарушением дисциплины будет считаться не только разглашение государственной тайны, но и обнародование любой «служебной информации ограниченного распространения». Между тем правового разъяснения такого понятия не существует. Прямой запрет поправки вводят и на «публичные высказывания, суждения и оценки <...> в отношении деятельности госорганов и их руководителей», а также на гласную критику милиционерами своих начальников.

Пока законодательная база для политических репрессий не вполне готова, власти подавляют свободу слова, игнорируя законы. Правоохранительные органы Петербурга изъяли тираж книги «Путин. Итоги. 10 лет» Бориса Немцова и Владимира Милова. Автомобиль, который вез в Петербург 100 тысяч экземпляров этой книги, был остановлен, водитель задержан, тираж изъят. Никаких ссылок на законы и законные процедуры. Через некоторое время, правда, все книги вернули, сообщив, что в них действительно не нашлось признаков экстремизма.

Борьба с экстремизмом стала для властей палочкой-выручалочкой. Похоже, понятие «экстремизм» становится в российском уголовном праве таким же размытым и неопределенным, как «антисоветская агитация и пропаганда» во времена социализма. Под стать его «резиновой» трактовке возможно и широкое применение.

О новом случае судебного преследования за «экстремизм» стало известно на днях. 28 июня прокуратура Карелии направила в суд уголовное дело по обвинению в «совершении публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение целостности Рос-

сийской Федерации». По данным предварительного следствия, 47-летний житель Петрозаводска в январе этого года изготовил листовки с призывами передать Финляндии приграничные территории Республики Карелия, Мурманской и Ленинградской областей. По его мнению, они были необоснованно включены в состав СССР в результате подписания международных договоров 1939 и 1947 годов. Листовки он разместил в почтовых ящиках жилых домов г. Сортавала, а текст разослал по адресам электронной почты российских и зарубежных средств массовой информации и общественных организаций. В сообщении прокуратуры Карелии фамилия обвиняемого не называется. Дело против него возбуждено по части 1 статьи 280 Уголовного кодекса «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», которая предусматривает наказание до трех лет лишения свободы.

Случай в Карелии, если он закончится обвинительным приговором, будет свидетельствовать о том, что в отношении гражданских свобод мы уверенно возвращаемся в андроповско-брежневские времена.

Не менее значимым для понимания того, что сегодня представляет собой Российское государство, будет и приговор Юрию Самодурову и Андрею Ерофееву. Он должен быть вынесен в Таганском суде Москвы 12 июля. Организаторы выставки «Запретное искусство-2006» обвиняются в оскорблении чувств верующих, возбуждении ненависти и вражды, а также в унижении человеческого достоинства. Прокурор попросил для подсудимых по три года лишения свободы. Процесс имеет большой общественный резонанс. В защиту подсудимых выступил даже министр культуры России Александр Авдеев. Организаторы выставки не должны быть осуждены по уголовному делу о разжигании религиозной розни, заявил министр. «Общественная оценка выставки должна быть морально-этической, а не судебной», – считает Авдеев.

Экстремизм и посягательства на святыни стали для российского правосудия универсальными поводами для подавления свободы слова. Впрочем, Россия не была пионером на этом пути. Теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке развязал руки американскому и многим западноевропейским правительствам, предложившим обменять свободу на безопасность. Были приняты законы и временные меры, ограничивающие гражданские свободы в интересах борьбы с терроризмом. И хотя большинство из них были вскоре отменены под давлением общества и по решению национальных судебных органов, примеру западных демократий последовали многие другие страны, в которых демократии не было вовсе или она была такой же, как в России. В этих странах борьба с терроризмом, зачастую мифическим, стала средством

политических расправ. Гражданского общества или независимой судебной власти, способных ограничить аппетиты правительств и диктаторов, там нет. Джинн, выпущенный из бутылки в Нью-Йорке и Лондоне, всюду резвится в странах с сомнительной демократической репутацией, и загнать его обратно ни у кого недостает сил.

Так же обстоят дела и с покушением на святыни. Было бы странным не заметить, что попытки ввести в России уголовную ответственность за «отрицание победы в Великой Отечественной войне» не связаны с практикой уголовного преследования за отрицание Холокоста в некоторых западноевропейских демократиях – Франции, Бельгии, Швейцарии, Австрии, Германии и других. Может быть, ограничение свободы слова в вопросе о Холокосте и не ведет в этих странах к обширной судебной практике по таким делам, но оно создало прецедент, которым пользуются другие государства для атаки на свободу слова.

Парламент Литвы в прошлом месяце ввел в Уголовный кодекс статью об ответственности за отрицание советской и нацистской агрессии. Публичное одобрение агрессии СССР или нацистской Германии против Литвы, геноцид или военные преступления могут быть наказаны штрафом или лишением свободы на срок до двух лет. Такая же ответственность предусматривается и для тех, кто будет публично одобрять или отрицать преступления против Литвы в 1990–1991 годах. Пытаясь дистанцироваться от преступлений коммунизма и нацизма, Литва вводит в практику ограничение свободы слова, что и было одним из главных характеризующих признаков советского и нацистского режимов.

У нас же свои святыни – православие и великие победы. Потому и возможен судебный процесс в Москве над организаторами художественной выставки. «У каждого народа свои святыни, которые запрещено трогать своими грязными лапами всяким художникам, писателям и историкам», – заранее оправдываются организаторы судебного процесса, поглядывая искоса на Австрию или Францию. И что на это могут возразить европейские защитники свободы слова?

Мы живем в уже достаточно глобализованном мире. Вернуться в выгребную яму тоталитаризма мы всегда сможем и без чужой помощи. Тем не менее мы все-таки привязаны тысячами ниточек к окружающему нас миру и вынуждены это учитывать. Нам приходится соответствовать некоторым международным стандартам или хотя бы делать вид, что соответствуем. Поэтому всякое снижение стандартов демократии, всякое отступление от достигнутого международного уровня может обернуться катастрофой для гражданских прав и свобод в России. Что и происходит сейчас в нашей стране со свободой слова.

Вера Васильева

Таганское правосудие против свободы творчества

12 июля 2010 года Таганским районным судом Москвы были осуждены экс-директор Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова Юрий Самодуров и бывший заведующий отделом новейших течений Третьяковской галереи Андрей Ерофеев. И сам судебный процесс, и его финал в полной мере можно назвать парадоксальным.

Речь идет об уголовном деле по факту проведения в Сахаровском центре в марте 2007 года выставки «Запретное искусство-2006». В соответствии с замыслом кураторов, Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева, на этой экспозиции были представлены художественные работы различных авторов, жанров и тематики, запрещенные в 2006 году к показу без объявления законных на то оснований в российских учреждениях культуры. Ее цель, согласно пресс-релизу, заключалась в исследовании проблемы внутримузейной цензуры.

Примечательно, что центральным экспонатом выставки была фальшстена, скрывающая все остальные экспонаты и играющая роль своеобразной метафоры цензуры. Увидеть работы можно было только, заглянув в небольшие отверстия, расположенные высоко над полом.

Суд в лице председательствующей Светланы Александровой квалифицировал действия устроителей этой выставки как преступление, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку религиозной принадлежности и с использованием служебного положения»).

Данный процесс парадоксален уже потому, что из 134 свидетелей со стороны прокуратуры назвать свидетелями, строго говоря, можно только троих. Именно такое число сторонников обвинения посетило скандальную экспозицию. Остальные же давали на предварительном

следствии и на суде показания со слов других, причем нередко – по принесенной с собой «шпаргалке» и дословно совпадающие.

Состав этих свидетелей тоже примечателен. Условно их можно разделить на две группы. Первая – это представители радикальных организаций: «Народная защита», «Народный собор», «Объединенная православная молодежь Москвы». В их числе, например, Олег Кассин и Георгий Боровиков, назвавшие себя на суде русскими националистами. Боровиков является лидером московского подразделения национально-патриотического фронта «Память», а Кассин известен, в частности, тем, что состоял в партии «Русское национальное единство», одним из атрибутов которой является свастика.

Впрочем, такие характеризующие свидетелей факты не помешали судье положить их показания в основу приговора.

Эти самые активные свидетели, вместе с представителями «Народной защиты» Михаилом Налимовым и Владимиром Сергеевым, также являются инициаторами уголовного дела.

Ко второй группе свидетелей относятся православные верующие, которые на «подсудной» выставке не были и ее целями не интересовались.

Согласно исследованным в суде материалам дела, события развивались следующим образом.

Жена Владимира Сергеева Анна Сергеева, как и он сам – сопредседатель «Народной защиты», 10 марта 2007 года посетила выставку, чтобы собрать материал для возбуждения уголовного дела. Несмотря на то что фотосъемка была запрещена, она тайком сделала снимки экспонатов. Выяснить при этом объявленную организаторами цель выставки, равно как и те смыслы, которые сами художники вкладывали в свои работы, Анна Сергеева не сочла нужным.

Затем православные активисты подключили к делу тогдашних депутатов Госдумы Александра Чуева и Николая Курьяновича, которые направили официальные запросы в Генпрокуратуру РФ. Та спустила их в Московскую прокуратуру, а она – в Таганскую. И здесь все материалы попали в руки к следователю Евгению Коробкову.

Самое примечательное состоит в том, что 27 апреля 2007 года он постановил: основания для возбуждения против Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева уголовного дела отсутствуют. И только «навалившись депутатами на прокуратуру», как выразилась адвокат осужденных Анна Ставицкая, «Народной защите» и «Народному собору» все-таки удалось инициировать уголовное дело.

Когда к концу 2007 года оказалось, что в нем недостаточно свидетельских показаний, праворадикалы начали «разъяснительную работу» среди прихожан храма Святителя Николая в Пыжах, расположенного на улице Большая Ордынка в Москве.

Организация выпустила и распространила информационный листок «Вестник народной защиты» номер 12/2007, в котором утверждала, будто своей выставкой Юрий Самодуров и Андрей Ерофеев покусились на «истинно русское творчество» и «христианские святыни».

«Народный собор» опубликовал на своем сайте призыв к верующим идти к следователю Коробкову вне зависимости от того, посещали они выставку или нет. Там же имелся шаблон заявления следователю. Фотографии экспонатов, по утверждению верующих, оскорбляющие их религиозные чувства, активно распространялись самими православными активистами в печатных копиях среди прихожан. А также демонстрировались им Евгением Корбковым лично в его служебном кабинете во время допросов.

Именно так в деле появились многие свидетели обвинения, которые показали, что выставка разжигает ненависть к христианству. Правда, ни одно лицо, которое после просмотра экспозиции стало бы ненавидеть православную веру, так и не было названо. Сами свидетели, как они признавались, испытали чувство вражды только к подсудимым. И это – еще один парадокс «выставочного» дела. Получилось, что Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева наказали за то, что они разожгли ненависть... к самим себе!

Кроме показаний свидетелей обвинения, Светлана Александрова в своем вердикте процитировала заключения трех экспертов, привлеченных к участию в деле прокуратурой. По их версии, поддержанной судом, верующие граждане «подверглись при просмотре экспонатов сильнейшему психотравмирующему воздействию чрезмерной силы, несущему прямую угрозу целостности личности и разрушения сложившейся у них картины мира, что явилось психотравмирующим событием и сильнейшим стрессовым фактором для них, причинило им непереносимые нравственные страдания и стресс, а также чувства униженности их человеческого достоинства».

Со своей стороны защита считает этих экспертов некомпетентными в области современного искусства и ангажированными. Например, эксперт Наталья Энеева оценивала и экспозицию «Осторожно, религия!», по факту проведения которой в Сахаровском центре Юрий Самодуров был осужден ранее. Кроме того, Энеева признавалась, что не

посещала выставки современного искусства уже лет двадцать и вообще ей оно не нравится.

Но судья Александрова пришла к выводу, что «не содержат научной основы», напротив, оценки специалистов, приглашенных к участию в процессе адвокатами и не усмотревших в экспонатах ничего противозаконного.

Это заключения директора Центра восточно-христианской культуры, члена-корреспондента Российской академии художеств, кандидата искусствоведения Алексея Лидова, который назвал экспозицию «лабораторным исследованием в рамках новейшего искусства»; начальника отдела экспериментальных программ Федерального центра современного искусства Министерства культуры РФ Виталия Пацюкова, отметившего, что каждая из представленных работ является произведением искусства и их нужно рассматривать именно в таком контексте; президента Независимой психиатрической ассоциации России Юрия Савенко и других.

Светлана Александрова назвала их заключения «частные мнения» – на том основании, что ранее этим людям не приходилось делать экспертизы именно для суда.

Обращает на себя внимание и тот факт, «криминальными» даже эксперты прокуратуры признали только девять работ, но в приговоре попало заметно большее их число. Например, «Ясса» – фотография авторства Викентия Нилина, которая, хотя и показывалась на выставке, в материалах следствия не фигурировала вовсе. Принесена в суд она была самим Викентием Нилиным, участвовавшим в процессе в качестве свидетеля защиты. Тогда же эту работу приобщили к делу по ходатайству адвокатов.

Сами же показания свидетелей защиты – в отличие от верующих, хорошо знакомых со всеми работами, – в приговоре были процитированы весьма фрагментарно.

Известный адвокат Юрий Шмидт не согласен с приговором. Он считает, что в действиях Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева «нет никакого состава преступления». Как пояснил юрист, потому что «эти люди имеют право на свободу совести и на передачу информации – той, которую они считают нужным передать. И потому, что они приняли все предусмотренные законом меры, чтобы эта информация была недоступна тем людям, которым она неприятна. Я имею в виду ширмы, огораживающие экспонаты, прорези, сделанные на определенной высоте, предупредительные надписи. <...> Это музей, который существует,

в частности, для того, чтобы выставлять в нем произведения искусства. Искусство никогда не бывает однозначным».

А что же Русская православная церковь? Здесь тоже ситуация примечательная. На процессе выступали священнослужители как с той, так и с другой стороны. Скажем, дьякон упомянутого ранее храма Святого Николая Михаил Люкшин назвал выставку «кошунством». В свою очередь православный священник Яков Кротов, напротив, выступил в защиту экспозиции и ее устроителей.

Так, работу Вячеслава Сысоева «Свет против тьмы», запечатлевшую сожжение храма и священнослужителей комсомольцами и работниками НКВД, Яков Кротов выразил желание лично демонстрировать детям в воскресной школе. По его мнению, она носит ярко выраженную процерковную направленность и с правильными акцентами отражает исторический период, когда в СССР были жестокие гонения на Церковь.

«Общество должно оскорбляться не карикатурой на зло, оно должно оскорбляться злом», – заметил он.

Итак, частные оценки разделились, в то время как официальные представители РПЦ сохраняли молчание. И можно сказать, что на протяжении почти всего судебного процесса сохранялся некий паритет.

Такая ситуация ни гособвинение, ни праворадикалов явно не устраивала. Поэтому 2 июня, когда уже полным ходом шли выступления свидетелей защиты, прокуратура ходатайствовала о допросе дополнительного свидетеля. Им оказался иеромонах Никодим Сретенского монастыря в Москве – член Патриаршего совета по культуре. Данный священнослужитель выступил с письменным поручением от настоятеля этого храма, архимандрита Тихона, который его попросил донести до суда мнение Патриаршего совета. Оно, по словам свидетеля, заключалось в том, что выставка «Запретное искусство-2006» является богохульной, кошунственной, направленной в юридическом плане на оскорбление и унижение чувств православных людей.

«Эта позиция полностью совпадает с позицией "Народного собора", притом что именно "Народный собор" обратился в Патриарший совет с просьбой высказаться. Осуждая нашу выставку, иеромонах Никодим заявил, что эта позиция представляет собой официальную позицию Русской православной церкви», – откликнулся на данное событие Андрей Ерофеев.

Наконец, уже когда ожидалось вынесение приговора, руководитель пресс-службы Московской патриархии отец Владимир Вигилянский назвал три года лишения свободы, затребованные гособвинением для

Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева, «слишком суровым наказанием». Однако при этом он подчеркнул, что высказывается как частное лицо, а не официальное.

В интервью радиостанции «Эхо Москвы» Владимир Вигилянский отметил: «Я согласен с некоторыми участниками процесса, которые говорили о том, что Церковь отделена от государства, это записано в нашей Конституции. Поэтому я не выступаю от имени Церкви в данном случае и не пытаюсь каким-то образом повлиять на судебные власти».

Тем не менее обвинительный приговор вынесен. Впереди – кассации. Впрочем, чем бы ни завершилось это дело, уже сейчас можно говорить о его последствиях для нашей страны.

В частности, Юрий Самодуров считает, что судья Светлана Александрова оказалась под громадным давлением той политики, которую вело российское государство в течение последних десяти лет. В рамках этой политики «государство использует Церковь для своей легитимации, а Церковь использует государство для повышения своего статуса». К истинной вере, убежден Юрий Самодуров, все это не имеет никакого отношения.

Очевидно, что мишенью инициаторов процесса была не только выставка, их цели шире. Это не скрывали и сами праворадикальные лидеры. Так, они утверждали, что в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова сосредоточены антирусские, антигосударственные силы, потому что они выступают на стороне чеченских сепаратистов, против российской армии, они критикуют президента, и поэтому данное учреждение надо закрыть. Деятели «Народной защиты» и «Народного собора» открытым текстом говорили на процессе о том, что необходимо повсеместно ввести орган государственной цензуры, который, помимо прочего, принимал бы решения и о проведении или запрете художественных выставок.

По мнению Юрия Шмидта, уголовное дело против устроителей выставки «Запретное искусство-2006» «в очередной раз свидетельствует об усилении клерикальных настроений в правящей элите. Клерикальные настроения поощряются потому, что власть заинтересована в поддержке Церкви, и поэтому какие-то несчастные "пешки", которые говорят о правах человека, абсолютно никого не интересуют и не волнуют».

Алексей Мокроусов

Кафка и быль

Религия против музеев: ничью не предлагать

Когда в 2007 году начался тихий скандал вокруг выставки «Запретное искусство-2006», казалось, что он не очень всерьез и не очень надолго. Общество еще не успело отойти от стресса, вызванного судом над организаторами выставки «Осторожно, религия!». Лужа, в которую в глазах мирового сообщества село тогда российское государство, выглядела слишком глубокой, чтобы стремиться в нее повторно. И потому реакция из консервативных религиозных кругов на новый проект Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова звучала отголоском давнего спора.

Но время в России движется своими путями. Оно любит повторы и не стремится к ясности географии. Суд над организаторами новой выставки показал, что в обществе сегодня не остается пространств, свободных от влияния православной церкви. Как при этом им удастся доказать оппонентам, что доводы рассудка не самый важный аргумент в судебном споре – феномен из числа мистических, откровение юридической природы.

Решение Таганского суда по «делу искусствоведов», как и ожидалось, удовлетворило немногих. Православные из «Народного собора» вместе с прокуратурой мечтали видеть своих оппонентов за решеткой. Скептики вряд ли надеялись на торжество либеральных ценностей, но явно вздохнули свободнее, когда приговор свелся к штрафу, а не заключению. И все же комментарии их полны горечи. «Происходящее – не более чем идеологический или эстетический спор. Есть одна позиция, есть другая. И это абсолютно нормально. Абсолютно нормально, что есть люди, которые ненавидят современное искусство. Не только в России – во всем мире. Любое новое экспериментальное дело сначала ненавидят, а через несколько лет принимают. Но для меня

самое странное и самое страшное заключается в том, что государство заняло одну из позиций в этом идеологическом и эстетическом споре, а другую позицию называет уголовным преступлением», – заявил художник Дмитрий Врубель в интервью радио «Свобода»¹.

В истории немало примеров, когда художника судят за нарушение общественных норм – с тем, чтобы потом возвести его в ранг классика. Литературные произведения Уайльда фигурировали на суде по обвинению его в сексуальных преступлениях. Эгона Шиле сажали в тюрьму фактически за «неприличные» рисунки. Франца Ведекинда судили за «Ящик Пандоры», а художнику-экспрессионисту Георгу Гроссу пришлось выдержать три процесса. В 1921 году за нападки на армию он был приговорен к штрафу в 300 марок, три года спустя за оскорбление общественной морали уже к 6000 марок (стоит отметить, что инфляция в те годы в Германии была чудовищной), а в 1928 году начался процесс в связи с публикацией у Виланда Херцфельде папки с 17 рисунками Гросса «Фон» (название обусловлено спектаклем Эрвина Пискатора «Похождения бравого солдата Швейка», по ходу которого в глубине сцены появлялись эти рисунки), в том числе «Христа с противогазом». Именно этот рисунок вызвал судебный иск по параграфу 166 Уложения о наказаниях, называемого «параграфом о богохульстве». Суд с апелляциями шел три года, решения выносились то в пользу обвинения (по 2000 марок штрафа каждому подсудимому в виде замещения двух месяцев тюрьмы), то защиты, пока дело не кончилось многолетней победой искусства. Правда, вынесший либеральное решение судья, признавший работы Гросса скорее христианскими, чем антирелигиозными, был немедленно уволен в 1933 году, при смене власти. А многолетняя борьба нацистов с «дегенеративным искусством»? И где сегодня Гиммлер с Геббельсом, а где – Кирхнер с Шмидтом-Ротлуфом? Или травля Ахматовой, Зощенко и Пастернака? Кто читает сегодня тексты Жданова и ЦК КПСС, ставшие лишь примечаниями в биографиях великих? Власть постоянно надеется, что выйдет победителем в споре с художником о том, кому принадлежит будущее. Борьба с искусством за понятие нормы рано или поздно оборачивается победой художника, постоянно возрастающая степень общественной свободы, расширение границ запретного, увеличение прав человека – единственный итог арт-развития. Нарушением табу занимаются литература и кино, театр и живопись, не хотеть этого видеть и не примириться с этим возможно, но лишено смысла. Свобода требует ответ-

¹ <http://www.svobodanews.ru/content/article/2095154.html#ixzz0tB00jC8S>

ственности, но не столько от художника, сколько от зрителя. Это он, взглянув в зеркало искусства, должен увидеть там не обезьянью морду, за содержание картинки, ее интерпретацию отвечает он сам.

Тот, кто помнит историю, не любит наступать на грабли. Тот, кто любит наступать, не верит, будто искусство рано или поздно побеждает набор условностей и ограничений, будто преследования способны изменить сами принципы существования художника и ограничить свободу его духа навязываемыми рамками. Если человек не хочет понять, что смысл выставки «Запретное искусство-2006» – изучение самооценки российских кураторов, его трудно заставить это сделать. «Будучи продолженным в 2007-м или 2008-м, это собрание цензурированного искусства сможет рассказать, как расширились или сужались в российском обществе границы дозволенного», – утверждал Андрей Ерофеев, не подозревавший, что сам окажется героем такого собрания. Ну не решением же суда принудить публику поверить специалисту? Разъяснить последствия обскурантизма и ограничений свободы мнений?

То, что православие в России успешно наступает на светскую культуру, известно давно. Лишь телевидение, живущее по законам больших денег, остается для Церкви неприступным бастионом: передачи о религии либо ставят в «мертвое время», либо они быстро исчезают из эфира. Ну что поделаться, не хочет страна смотреть про религию – в роли ее негласного гонителя выступает реклама. Это тот редкий случай, когда религиозному меньшинству не удается навязать свои приоритеты равнодушному к религии большинству, прикрываясь разговорами о духовности, исторической традиции и собственной особой ценности. В остальных сферах общественной жизни конституционная норма о светском характере нашего государства фактически не работает.

Так, по экономическим причинам сужается поле для политического маневра. Местом битвы в этих условиях становятся музеи. Попытка реституировать все что можно, включая вещи, принадлежавшие до революции частным коллекционерам, которые порой находили свои богатства буквально на улице, поражает и масштабами, и уровнем поддержки со стороны государства. Горькая победа верующих, повлекшая за собой выдачу дачным нуворишам из поселка Княжье озеро иконы начала XIV века из Русского музея, ставит под сомнение общественную ценность профессиональной экспертизы. Хотя все научные сотрудники были против выдачи иконы, администрация Русского музея приняла сервильное решение, поддержанное Минкультом. Так власть делает выбор между необходимым и очень необходимым, повергая руководство крупнейших музеев страны в состояние, близкое к шоку.

Директора привыкли к мировому опыту, когда музейная реституция если и практикуется, то лишь по отношению к физическим лицам, подвергавшимся политическим репрессиям либо преследованиям по национальному признаку. Но никто не пересматривает результаты антиклерикальных революций XVIII – XIX вв. В отличие от Эрмитажа и Третьяковки, директора Лувра, Метрополитена и лондонской Национальной галереи не волнуются за передел своих фондов, их история не знает возвратного движения.

Споры внутри российской культуры решаются, как правило, вне рамок правового поля. Классический пример – легкость, с которой памятники культуры и природы теряют свой статус в угоду строительным корпорациям, выглядящим подчас не хуже итальянской мафии. Право памяти бессильно перед правом собственности, сейчас в России не историческое здание красит землю, на которой стоит, а стоимость земли определяет ценность на ней построенного. Можно ли в этих условиях рассчитывать на победу куратора в споре с необразованным и агрессивным зрителем? Не хочется называть его Шариковым, но и на профессора Преображенского этот зритель не очень похож. Иначе бы он понял, что собранные в не самом известном столичном зале экспонаты имеют дело не столько с Церковью, сколько с ее образом в массовом сознании, с попыткой государственной идеологии совместить несовместимое, с расхожим взглядом на религию как на бренд и товар одновременно. Но вот как описывает свои впечатления один из идеологов «Народного собора», инициировавшего скандал:

« – Напомните читателям, что представляли собой экспонаты этой скандальной выставки и почему вы решили сразу обратиться в прокуратуру?

– А как иначе должен реагировать на подобные мерзости нормальный человек? Представляете, заходите вы на выставку, проходящую под эгидой Государственной Третьяковской галереи, хотите посмотреть шедевры современного искусства. И какие же шедевры вы там видите? А это металлическая статуэтка – композиция из трех вертикально стоящих друг на друге букв, образующих нецензурное слово, изображения гомосексуального совокупления генерала с солдатом на фоне стоящего строя солдат, сопровождающееся издевательской надписью „Слава России!“ <...> По стенам развешана какая-то мазня, которую картинками-то назвать трудно, сопровождающаяся нецензурными надписями, матерщиной... Это, что ли, высокое искусство, которое сейчас защищают каспаровские либералы и разные „знатоки“ живописи? На мой взгляд, необходимо было возбудить уголовное дело еще

и по статье „хулиганство“, а все эти „экспонаты“ изъять, как орудия преступления. Я об этом прямо следователю говорил. Он со мной соглашался, что основания для этого есть, но, к сожалению, дело возбуждал только по 282 статье ? за возбуждение религиозной вражды»².

Интересно, можно ли счесть решение Таганского суда прецедентом и постфактум предъявить иск руководству Третьяковки и Русского музея за картины передвижников? Там немало сюжетов, оскорбляющих дух и суть отечественного православия, – например, «Крестный ход в Курской губернии» академика И.Е. Репина. «Сельский крестный ход на пасхе» академика В.Г. Перова тоже заслуживает порицания: день святой, а пьяный какой-то валяется, да и священник не очень свеж, а, кстати, кто там в ногах у него что ищет? Неплохо было бы приговорить этих горе-академиков к посмертному штрафу в 150 и 200 тысяч рублей соответственно, деньги выручить путем продажи пары их рисунков из означенных музеев и перечислить государству в качестве возмещения за разжигание розни. Или телевидение, непрерывно повторяющее сериал «Двенадцать стульев», – оно тоже заслуживает иска. Ведь Ильф и Петров едко посмеялись над стяжательским характером отдельных представителей РПЦ, чем причинили и по-прежнему причиняют немало страданий глубоко верующим людям.

У государства, видимо, нет других дел, чем поиск ведьм среди искусствоведов. Больше никто у нас социальную рознь не разжигает. В самом деле, не докапываться же до П.П. Бородина, в 2002 году оштрафованного швейцарским судом на 300 тысяч франков³, – откуда все-таки образовались миллионы долларов на швейцарском счете его ближайшего помощника? И если это произошло случайно, то почему деньги не передали сиротам? И никто не стал оспаривать штраф в 300 тысяч франков, наложенный на Бородина за отмывание денег? Ведь это молчание могло вызвать нервный стресс у россиян, которым нечем оплачивать дорогое лечение. Или вот г. Адамов, вернувшийся из той же Швейцарии – что он там, собственно, так долго делал? Не разжигал ли своим длительным арестом в альпийской республике социальную ненависть у малоимущих россиян к богатым соотечественникам? Убыток государству был оценен в 3 млрд руб., наказание Адамову последовало условное⁴, он вышел из тюрьмы сияя.

² <http://www.narodsobor.ru/default.asp?trID=378&artID=11281>.

³ Павел Бородин расплатился залогом // «Коммерсантъ», 5 апреля 2002, № 59 (2428).

⁴ Евгений Адамов стал условно осужденным // «Коммерсантъ» 18 апреля 2008. № 66 (3883).

Последовательно защищать своих не менее выгодно, чем преследовать чужих. Но что за убыток от выставки, пытавшейся рассмотреть границы дозволенного в современном искусстве, проанализировать то, что подпадает под запреты? Чем вдруг стал опасен веками складывавшийся диалог-отторжение верующих и атеистов? Да и было ли это противостояние в Музее и общественном центре имени Сахарова? Речь шла о профессиональном рассмотрении внутрицеховой проблемы. Кураторы предлагали обсудить, каковы цензурные рамки, в которых существует сообщество, что именно не дают выставлять в государственных музеях даже на время и где границы запрещенного и непонимания. Критерием отбора был административный запрет на участие в какой-либо выставке 2006 года, независимо от причин этого запрета. Андрей Ерофеев утверждал в письме к патриарху, что выставка отстаивает христианские ценности перед лицом агрессивного маркетинга, проникшего во многие сферы духовной жизни. Но диалог с Церковью не состоялся. Молчание либо обвинения – подсудимые от Церкви больше ничего не добились. Церковь стремится стать закрытой для интеллектуального анализа зоной, получить тот же статус неприкосновенности, который стремятся обеспечить себе политики. Например, в Башкирии парламент одобрил закон о гарантиях неприкосновенности для бывшего главы республики и членов его семьи, чем явно нарушил принцип равноправия в юстиции. Может, любого госслужащего следует включить в этот список исключений, начатый в свое время первым президентом России Б.Н. Ельциным? РПЦ наверняка бы не противилась появлению подобного закона в отношении себя.

Говорят, что сама постановка проблемы на выставке «Запретное искусство» была провокативной и авторы, дескать, сами виноваты в случившемся. Они получили то, к чему стремились – скандал, пиар и международную известность. Если считать таковой заявление Европейского культурного парламента о том, что процесс по делу о выставке «Запретное искусство» является нарушением свободы слова, вспомнить призыв Amnesty International снять абсурдные обвинения с Самодурова и Еврофеева – то да, наверное, это известность.

Но, к сожалению, известность пришла уже после суда над организаторами выставки «Осторожно, религия!», и обрела эту известность скорее российская юстиция, нежели осужденные по тому делу. И что же заставляет не верить кураторам, утверждающим, что у них не было оскорбительных намерений при подготовке выставки, и верить группе товарищей, утверждающих о понесенных ими моральных страданиях? Тем более, как отметил Иосиф Бакштейн, директор Института

проблем современного искусства, «все основные правила проведения подобных выставок были выполнены [Самодуровым и Ерофеевым], были предупреждения о том, что эта выставка не рекомендуется лицам с повышенной психологической чувствительностью и детям»⁵. Как результат – детей на выставке не было, а детекторов психологической чувствительности для нечитающих предупреждений посетителей еще не изобрели.

Цифры против фактов

От чьего имени уязвленные, собственно говоря, выступали? Социологи поставили под сомнение массовый характер моральных увечий, якобы полученных православными России. Согласно опросу, проведенному Левадой-центром, подавляющее большинство россиян просто не заметило процесса в Таганском суде, о котором беспрерывно сообщали не только неподцензурный Интернет и местами все еще свободные газеты, но порой даже телевидение. При этом больше половины из 1600 опрошенных в 45 регионах страны согласились с тем, что «люди должны иметь свободу слова, а значит – и право публично критиковать религию». И лишь четверть считают, что критикующих Церковь необходимо преследовать по суду, ибо их критика способна нанести вред имиджу Церкви.

По другим результатам опроса Левады-центра видно, как поляризовались мнения в обществе. Примерно поровну разделились ответы на вопросы о том, «можно ли организовывать выставки, вызывающие неоднозначную реакцию и протесты части общественности», и следует ли в судебном порядке преследовать авторов и организаторов выставок, если находятся люди, считающие себя оскорбленными этими произведениями или выставками. Примечательно, что почти треть опрошенных затруднились с ответом на последний вопрос.

При этом лишь два процента опрошенных знали подробности дела – что кажется оскорбительно малым для страны, где вроде бы массово оказались задеты чувства верующих. Или они не были на самом деле задеты? Ведь на суде из 134 свидетелей обвинения лишь трое заявили, что были на выставке. Остальных она оскорбила постфактум. Выглядит как инверсия истории с датским карикатуристом Куртом Вестергаардом, опубликовавшим у себя на родине рисунок с пророком Мухаммедом – и получившим за это по полной программе на Ближнем

и Среднем Востоке. Оскорбились не читатели газеты (быть может, не лучшей в этом мире), но те, кому эту публикацию фактически навязали постфактум. Оскорбленных даже не остановило то обстоятельство, что у автора карикатуры не было желания кого-либо оскорбить. Просто в мире газетных комиксов нет границ. Как и в мусульманских странах, в России право на свободу высказывания не всем нравится.

Но государству, кажется, некогда взвешивать «за» и «против» при открытии подобных процессов. В угоду близлежащим интересам, связанным с поддержкой РПЦ и переделом собственности на земельном и культурном рынках, стоит не замечать международной реакции. В конце концов, любое происшествие можно объявить внутренним делом России и попросить не вмешиваться в него посторонних. Ведь, если призадуматься, сопоставление действия и его последствий – тоже чуждая, навязанная нам извне традиция.

Казенным языком прокуратуры обществу напомнили о давнем эстетическом споре. Что есть художник – певец действительности или ее исследователь? Должен ли он пресмыкаться и раболепствовать в ожидании золотой табакерки – или может оставаться гордым и неподкупным?

Понятно, кто мил и удобен власти. Понятно, кто и что останется в искусстве. Сколь бы сладостно ни изображали Нерона, он, без сомнения, Нерон. Да и образ Сталина в советском искусстве после всего, ставшего о нем известным, выглядит скорее комично-утопично, как бы ни были талантливы рисовавшие вождя художники.

Собственный портрет мало какому государству нужен – разве что идеальный, чтобы подошел для использования в пропагандистских целях. В странах, где пока что нет суверенной демократии, по-прежнему в ходу критический реализм, но он смотрится пережитком, наследием системы, где на выборах выбирают, а не голосуют сердцем.

Арт-прогноз

Трудно понять, каковы будут последствия этого судебного решения о штрафе в 350 тыс. рублей на двоих для современного искусства. Одни кураторы говорят, что делать актуальные выставки теперь в России никто не захочет (а ведь очередная московская биеннале, недавно заявившая о себе на международной арене, не за горами). Другие – что надо бороться. Марат Гельман даже пообещал в случае уголовного наказания Ерофеева и Самодурова повторить их выставку в своем пермском музее. А не то придется закрывать центр современной культуры «Гараж», известный своей просветительской деятельностью, и отме-

⁵ Иосиф Бакштейн. Можно ли судить искусство? // <http://www.lenta.ru/conf/bakshstein/>

нять биеннале. Но как будет выглядеть дальнейшая жизнь в условиях, когда вводятся табуированные темы, когда интеллектуальное исследование может быть разрешено лишь с согласия самого предмета исследования? Выводя церковь из сферы общественного внимания, государство вступает в давно позабытую игру, главную роль в которой раньше исполнял марксизм-ленинизм. Он, помнится, был истинен, потому что верен.

Сегодня права верующих у нас есть, а у атеистов прав не может быть по определению. В современной России неверующие оказались в положении негласных парий, им не положены ни печатные издания, ни телепрограммы, ни доброе слово со стороны властей. Стало немодно не ходить на Пасху в церковь, ибо Пасху показывают по телевидению и в этих трансляциях можно увидеть первых лиц государства, их семьи и приближенных. Чем дальше, тем больше в современной России правильная религиозная ориентация становится залогом успешной политической карьеры. При этом преференции, очевидно оказываемые государством РПЦ, должны, казалось бы, вызвать соответствующий аппетит у мусульман или буддистов. Но что-то подсказывает, что подобного не произойдет. Да и нападки на современное искусство если и будут продолжаться, то спонтанно. Иррациональное не поддается планированию.

К счастью, вряд ли кто перекроет кислород блогосфере, где сегодня появляются комментарии типа «Если ты верующий – пошел на выставку с таким названием [„Запретное искусство“], – это диагноз. Теперь суд поставил диагноз всему обществу – нетерпимость и фандаментал». Стивен Фрай всегда напишет о московском процессе в своем блоге в далекой Англии, где пока что еще нет Таганского суда: «Oh Russia. What have you become? What shame you bring on yourself. Don't think I'll be visiting again in a hurry :(I do know that millions of Russians aren't like that. It's just so depressing to see a great country sliding back to medieval tyranny :(»⁶.

Острый вопрос прозвучал и в интервью берлинского галериста Мэтью Боуна, специализирующегося на искусстве из Восточной Европы. В эфире «Немецкой волны» он спросил: «Что есть христианство в России? Это комплекс каких-то морально-этических принципов или

⁶ <http://twitter.com/stephenfry/statuses/18363476526> «0, Россия! Во что ты превратилась? И не думай, торопиться к тебе теперь не собираюсь Л... Я знаю, миллионы русских совсем не такие. Очень грустно смотреть, как великая страна скатывается обратно к средневековой тирании Л...»

это конкретная организация – православная Церковь? Я склонен полагать, что это конкретная организация, древняя организация с тысячелетней историей. И то, что называется "христианскими принципами", – это просто идеология, при помощи которой эта организация воздействует на людей»⁷. Боун попал в самую точку болезненной темы, связанной с тотальной подменой понятий.

Государство, лишенное собственной идеологии, ищет таковую всюду, где может. От страха остаться без нее навсегда, проще самому начинать страшать и не пущать, наступая на собственные грабли, беспрерывно возобновляя попытки сделать Кафку русской былью. Бесконечное опасение подвоха, способного поставить под сомнение качество только намечающейся идеологии, определяет импульсивность нынешнего этатизма.

Свобода творчества не только лежит в основе мышления, но и сама способна выступать в роли структурообразующего феномена, она идеологична, даже если обуславливать ее набором ограничений. Она легко может быть воспринята как чужая и чуждая идеология. Только не очень понятно, как мыслится это сосуществование репрессивной политики государства и призывов к инновациям? Символом последних стал наукоград в Сколково, куда собираются пригласить талантливых ученых со всего мира и обеспечить их всеми условиями для творчества. Кажется, это будет в лучших традициях советской науки начала 50-х или современной корейской и иранской научных практик. Или имеется в виду суверенная версия творчества: здесь думать, а здесь – не думать?

Возможно, вся эта история с выставкой «Запретное искусство-2006» – часть сложной игры, нам, обывателям, недоступной. Может, кто-то пытается сформировать блок осужденных российских искусствоведов, чтобы потом, при случае, выменять их на провалившихся «искусствоведов в штатском»? Но версий происшедшего так много, что впору задуматься о теории заговора. Может, кто-то специально отвлекает внимание общества от экономических проблем, от разорительной для бюджета олимпийской стройки в Сочи, о снижении экономической активности в стране?

Теории заговора часто увлекательны, но редко когда реалистичны. Приглушение проблем, подмена их сути в публичном споре – давняя традиция Российского государства. Выставка с названием «Запретное искусство» лишена здесь каких либо шансов. Ведь у нас нет цензуры. Об этом написано в Конституции.

⁷ <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5786910,00.html>

Российский тюремный журнал

Выпуск № 3/2010. 88 с.

Издание Межрегиональной благотворительной организации «Комитет за гражданские права».

Основная тема нашего номера – материально-бытовое обеспечение заключенных под стражу и осужденных.

Казалось бы, что интересного и нового можно написать о том, где все уже измерено в граммах, штуках, сроках носки? Однако чем больше мы работали над материалом, который вы вскоре прочтете, тем больше видели проблем, парадоксов, вопросов.

В соответствии со ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса РФ понятие материально-бытового обеспечения осужденных входит:

- 1) Норма жилой площади (ч. 1 ст. 99 УИК РФ).
- 2) Обеспечение осужденных индивидуальным спальным местом и постельными принадлежностями (ч. 2 ст. 99 УИК РФ).
- 3) Обеспечение осужденных одеждой по сезону с учетом пола и климатических условий в соответствии с нормами вещевого довольствия (ч. 2 ст. 99 УИК РФ).
- 4) Обеспечение осужденных индивидуальными нормами гигиены, как минимум мылом, зубной пастой (зубным порошком), зубной щеткой, туалетной бумагой, одноразовыми бритвами для мужчин и средствами личной гигиены для женщин (ч. 2 ст. 99 УИК РФ).
- 5) Нормы питания. Такие нормы делятся на минимальные, установленные из средств федерального бюджета, и на дополнительное питание сверх установленных норм, организованное за счет предприятий, привлекающих к труду осужденных (ч. 3 ст. 99 УИК РФ).
- 6) Порядок оплаты осужденными питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены (ч.ч. 3–5 ст. 99 УИК РФ).
- 7) Коммунально-бытовые услуги, то есть отопление, электроснабжение, подача горячей и холодной воды, эксплуатация жилых помещений (ч. 4 ст. 99 УИК РФ).

8) Создание улучшенных жилищно-бытовых условий для: а) беременных женщин и кормящих матерей, б) несовершеннолетних осуж-

денных, в) больных осужденных, г) осужденных, являющихся инвалидами 1 и 2 групп (ч. 4 ст. 99 УИК РФ).

9) Расходование осужденными средств на приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости, а также на оплату дополнительных лечебно-профилактических услуг и услуг предприятий коммунально-бытового обслуживания, расположенных в районе дислокации исправительного учреждения: пошив одежды и обуви гражданского образца, их ремонт, чистка одежды, ремонт бытовой техники, имеющейся у осужденных, фотовидеосъемка (производится под контролем администрации), парикмахерские услуги, копирование судебных документов, других документов, имеющихся в личных делах осужденных, нотариальные услуги, а также иные услуги с согласия администрации исправительного учреждения (п.п. 103–105 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений).

В этом номере мы постараемся максимально подробно рассмотреть большую часть проблем, связанных с материально-бытовым обеспечением подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

А. Бабушкин, главный редактор РТЖ

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.08.2010 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно